

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

2.1. ПРОСТРАНСТВА ТРАНЗИТИВНОГО СОЦИУМА

Социологи о пространстве

Вклад Г.Зиммеля в социологию пространства за редким исключением пока не изучается должным образом. В то же время такие его тексты, как "Социология пространства", "Пространственные проекции социальных форм", "Метрополис и интеллектуальная жизнь", "Философия ландшафта", обнаруживают мощный потенциал этого крупнейшего социолога модернизма, который еще долго будет открывать нам перспективы развития современного социального знания.

Имидж метрополиса, созданный Зиммелем, - это паутина сетей, связей взаимопересекающихся сфер разделения труда, распределения, коммуникаций, денежной экономики, обмена товарами, интеллектуальных и культурных кругов. Индустриальное измерение, которое практически полностью отсутствует в этом образе метрополиса, конечно, дало бы совершенно иную концепцию города, чем это получилось у Зиммеля, для которого отправной точкой явилась денежная экономика. Столичный город у него - это город метрополисной культуры, государственной бюрократии, а в ряде случаев (как в Пруссии), характеризуется еще и существенным военным присутствием, а также городскими коммерческими взаимодействиями, социальными развлечениями и суетой. У Зиммеля отсутствует социально-классовый анализ в работе о метрополисе, а общественно-политическая сфера начисто выпала из сферы его внимания за исключением случайных замечаний в работах по социальному пространству¹.

Однако то, что делает зиммелев анализ метрополиса несомненно подходящим для изучения современности, - это акцент на сфере циркуляции и обмена, не только в плане денег и товара, но и социальных групп и индивидов, динамическое пересечение социальных кругов. Этот ракурс позволяет обнаружить различия ценностных систем там, где классовые различия не всегда являются очевидными.

Крупные разделы "Социологии" Зиммеля (1908), - "Социология пространства", "Социальная граница", "Социология ощущений" и "Чужой" - посвящены анализу пространственных измерений социального взаимодействия и, более специфично, форм социальной дистанции, социальной, физической и психологической дифференциации. Пространственные формы, сталкивающиеся друг с другом в социальной интеракции, включают, согласно Зиммелю, следующие пять основных качественных характеристик пространства: исключительность, или уникальность, пространства, границы пространства, фиксирование социальных форм в пространстве, пространственная близость и дистанция, движение пространства. Итак, главный замысел идеи Зиммеля - продемонстрировать, что именно социальное взаимодействие превращает то,

что прежде было пустым и негативным, в нечто для нас осмысленное. Социальность наполняет пространство.

1. Каждая часть пространства обладает исключительностью, или уникальностью. Каждая конкретная социальная формация может быть определена, хотя и по-разному, конкретными пространствами - например, районами города. Интеракция между индивидами и группами в государствах тесно завязана на территорию, помеченную, маркированную особым образом. В то же время, городская "сфера значимости и влияния" распространяется разнообразными функциональными "волнами" - экономическими, культурными, политическими - вглубь страны.

2. Пространство также обладает тем свойством, что оно может быть поделено на части в тех или иных целях. Другими словами, оно может обрамляться границами. Зиммель специально приводит аналогию с рамкой для картины, ибо фрейминг имеет такое же большое значение для социальных групп, как для произведений искусства. Пространственное заключение в рамки имеет и другое значение, на которое не указывает Зиммель, а именно, в нашем установлении, конституировании социального опыта. Тем не менее, он говорит о том, что общество и формы социальности обладают четко демаркированным экзистенциальным пространством, причем экстенсивность пространства совпадает с интенсивностью социальных взаимосвязей. Итак, граница - это не пространственный факт с социологическими последствиями, но социологический факт, формируемый пространственно.

3. Третья пространственная черта социальных форм - возможность фиксации или локализации социальной интеракции в пространстве. Здесь Зиммель, в свою очередь, указывает на четыре возможности. Во-первых, - континуум от полной локальной связи индивидов (как в средневековом городе) до ситуации полной свободы. Во-вторых, фиксирование социальной формы в некоем фокусе, например, как это происходит в экономических транзакциях. В-третьих, сведение вместе элементов, которые иначе были бы разрознены (например, сосредоточение религиозной общины вокруг церкви). Наконец, в-четвертых, индивидуализация места - это черта значительного городского развития (от более ранних наименований домов к их нумерации, и в эпоху Просвещения - нумерация и наименование улиц).

4. Взаимосвязь между близостью и дистанцией составляет четвертое измерение социального пространства. Все социальные интеракции было бы возможно проранжировать на шкале близости или удаленности. Для метрополиса является типичным то, что там существуют как дистанция, отвлеченность и безразличие по отношению к тем, кто пространственно близок, так же как и тесные связи с удаленными в пространстве. Это - следствие интеллектуализации, приближающей то, что наиболее дистанцировано, и формирующей "холодные и часто отчужденные, беспристрастные отношения наиболее близких друг к другу индивидов".

5. Последнее измерение пространства, которое исследует Зиммель, - это возможность изменения места. Не только целые группы могут перемещать свои пространственные детерминанты, кочевые племена, но и отдельные индивиды с определенными функциями или просто путешественники.

Итак, именно Зиммелю принадлежит идея о пространственных проекциях социальных форм, которая позднее развивалась во многих социологических школах и направлениях, например, П.Бурдьё во Франции. Зиммель выделяет четыре типических пространственных формы, возникающие из социальных. Во-первых, это структурирование пространства в соответствии с принципами политической и экономической организации; во-вторых, локальная структура, возникающая из отношений доминирования; в-третьих фиксированные локальности как выражения социальных связей (то есть социальные единицы, локализованные в таких пространственных формах, как семья, клуб, воинский полк, профсоюз, каждая имеет свой дом); и, наконец, пустое пространство как выражение нейтральности, ничейная земля государственных или метрополисных территорий.

Важный вывод из приведенных рассуждений Зиммеля касается пространства как основы социальной организации (принцип локальности). Такое свойство пространство обретает на стадии развития от партикуляристской (принцип сходства, родства) к современной (денежная экономика) технике организации и доминирования, где зрелая денежная экономика влечет прогрессивную эмансипацию от пространства. Так, техники коммуникации (телеграф в 19 в.) приводят к преодолению пространственных различий. Зиммелев анализ показывает нам, что развитие социальных форм организовано в соответствии с чисто рациональными принципами (целерациональность), в какой-то степени переключая наше внимание, отвлекая от проблемы пространственной локализации.

Очевидно, что понятия дистанции и границ важны в любом социологическом исследовании пространства. Социальная дистанция - феномен, имеющий особое значение для Зиммеля, поскольку почти все социальные процессы и социальные типы, анализируемые им, могут быть поняты в терминах социальной дистанции. Доминирование и подчинение, аристократ и буржуа, все это имеет отношение к понятиям "вверху" и "внизу". В самом деле, такие понятия, как секретность, должность, бедный человек, чужак также завязаны на измерении снаружи-внутри. Социальное пространство может быть выражено как социальный порядок. Порядок - согласование всех элементов какой-либо системы и подчинение этого состояния какому-либо доминирующему требованию, ценностному приоритетному ориентиру. Порядок - не только согласование, но и соотносимость элементов системы, что предполагает наделение этих элементов сходными качественными признаками. Любой элемент связан с другим функциональными, организационными, логическими линиями, где выявлены общие критерии (или хотя бы один критерий) их оценки со стороны человека, присваивающего политическое пространство. Порядок предполагает наличие

фильтрационных механизмов, обеспечивающих стабильность функционирования данной системы. Возможно хаотичное состояние политического пространства. Его признаками являются: нарушение функциональной зависимости одних элементов от других; дестабилизация деятельности организаций; лишение человека чувства комфорта в социальном пространстве¹.

Э.Дюркгейм в "Элементарных формах религиозной жизни" говорит, что представления о пространстве, порождаемые в социальной группе, следуют из ее собственных характеристик. Социальная организация - это модель, которая копируется в пространственной организации. Э.Дюркгейм объясняет, как это происходит: индивиды и вещи должны быть распределены в обществе между различными группами, то есть классифицированы. Сознательная самоорганизация, классификация общества сообщается пространству, которое оно занимает. Чтобы предотвратить столкновения, каждой группе должна быть предназначена определенная часть пространства. Пространство должно быть разделено и классифицировано, и эти классификации должны быть известны всем членам общества.

Согласно Дюркгейму, принципы общественной классификации переносятся на организацию пространства, причем общество своим авторитетом навязывает такое видение как само собой разумеющееся. Другой важнейший результат Дюркгейма - самоочевидность пространственность устроений для членов общества. Они относятся к порядку размещений и общему видению пространства не сознательно, но так же, как к нормам (интерпретация Парсонса). Если бы нормы в полном смысле осознавались, действующий относился бы к ним как к элементу ситуации, предоставляющей разные возможности выбора. Но действующий именно не осознает нормы, они нечто само собой разумеющееся для него. При этом действия на основе сознаваемых и несознаваемых норм внешне выглядит совершенно одинаково. Только внутренняя ориентация действующего при этом совершенно иная¹.

Вспомним уже упоминавшееся зиммелево понятие исключительности пространства. Каждая часть пространства как такового уникальна, она немыслима в множественном числе. Именно это позволяет говорить о совершенно тождественных объектах - во всех прочих аспектах, кроме пространственного. Они тождественны, но размещены в разных частях пространства. Поэтому и становятся в своем роде тоже уникальными.

Таким образом, неизбежность классифицированного размещения, как ее трактует Дюркгейм, может быть истолкована и как исключительность пространства, по Зиммелю, согласно которому пространство может быть: 1) однозначно классифицировано как пространство группы или общности, 2) рассматриваться как пространство взаимодействия и взаимовлияния, или 3) как пространство не только размещения, но и перемещения, или 4) как пространство сосуществования социальных групп. Подход Зиммеля

позволяет различать пространство физической географии и пространство политической географии и социологии.

Верлен и Бурдые о пространстве

В связи с этим уместным представляется пример концептуального развития Б.Верленом социальной географии как теории действия². Такие работы Верлена, как "Общество, действие и пространство" и "Социальная география повседневных регионализаций", относятся к концу 80х-началу 90-х годов, то есть представляют собой новейшее течение западной теоретической социологии в аспекте изучения социального и физического пространств. При этом отношения социологии и географии неудовлетворительны: это связано, в первую очередь с тем, каково отношение социологии к пространству. Критика невнимания к пространству среди социологов не редкость, но, все больше акцентируя значение пространства, социологи "недостаточно проблематизируют эту тему". Со стороны географов имеется интерес к социальной, социологической проблематике, выходящий за рамки того, что привычно называется "политической" или "экономической географией". Однако, на наш взгляд, пока еще подлинно масштабного взаимопроникновения не происходит.

Что касается Верлена, он оспаривает понятие географии как науки о пространстве, для него она есть в первую очередь наука о действии. Отказываясь от географии как науки об объективном пространстве, Верлен объясняет, почему такое положение этой науки сохранилось так долго. Его гипотеза: одна из важных причин этого - значительная пространственно-временная стабильность традиционных форм жизни, для которых в определенной мере годятся традиционные географические описания (Гидденс в этой связи говорит о единстве пространства и времени). В традиционном обществе коммуникации происходят, как правило, "лицом-к-лицу", сферы влияния отдельных действий малы, нет ясного различия между обозначаемым и обозначенным: символическое значение пространства реифицируется и объективируется (таков, например, мистический смысл культовых мест; принципиально важен и контроль над местами хранения материальных ресурсов), а прошлое, настоящее и будущее соединяет традиция.

Напротив, в современных обществах, особенно в эпоху позднего модерна, можно говорить о "детрадиционализации действий" (термин Гидденса). Вслед за Гидденсом Верлен указывает также на роль символических знаков (денег и письма), а также "экспертных систем" в освобождении действия от привязанности к единому времени-месту. "Социально-культурные значения, пространственные и временные компоненты действия уже не сочленены прочным образом. Напротив, всякий раз специфично и весьма многообразно они все время комбинируются по-новому." Именно в этих условиях теряет свое значение традиционная география и получает значение география, ориентированная на теорию действия.

Это заставляет более внимательно присмотреться к самому понятию пространства. Верлен обращается к анализу философских концепций пространства, чтобы получить дополнительные аргументы в полемике с географами. Он выделяет классические субстанциалистские концепции абсолютного пространства (пространство как особая сущность), реляционные концепции (пространство как порядок сосуществования вещей) и, наконец, современные концепции пространства, совместимые с понятием действия. В результате своих изысканий Верлен приходит к тому, что пространство - это данность, которая принадлежит к ментальному миру и, соответственно, множественность пространственного опыта и есть то, что нужно для современной географии. Понятие пространства, таким образом, служит формальному упорядочению воспринимаемых протяженных данностей согласно их положению, оно имеет формально-классификационный характер, само не будучи каким-либо классом. В-третьих, устанавливаются пределы, за которыми понятие пространства не имеет смысла (как это сплошь и рядом происходит с понятием социального пространства).

Парсонс в "Социальной системе" вводит понятие "территориальность" - это один из реляционных атрибутов его как биологического организма. Реляционные критерии определяют, в каком специфическом отношении некий объект находится к "его" и, таким образом, к другим объектам. "Сообщество - это коллектив, члены которого разделяют общую территориальную область как базис своих операций в повседневной деятельности". Парсонс называет это "резидентным размещением". Тело размещено в пространстве, наряду с телами других действующих; перемещения тела ограничены возможностью исполнения социальных ролей и контролируются обществом с использованием силы. Тела членов сообщества, в основном, размещены в одной и той же области, и на этой территории поддерживается определенный нормативный порядок (в том числе и посредством силы). А пребывание на общей территории связано с общими нормами и насильственными гарантиями порядка. То, что Зиммель назвал бы исключительностью пространства данного государства, Парсонс трактует как самодостаточность социетального сообщества на данной территории. Квазинормативной значимости пространства, по Дюркгейму, соответствует значимость нормативного порядка на данной территории, а пространственным классификациям - совокупность резидентных размещений.

Проблематика социологии пространства напрямую выводит нас к идеям социологии Бурдьё¹, согласно которому то пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально сконструированным, оно есть проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, воплощение прошлых и нынешних социальных отношений.

В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные

дистанции в более или менее деформированном и, в особенности, замаскированном виде посредством действия натурализации, вызывающей устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир. Так, разделение на две части внутреннего пространства традиционного крестьянского жилища несомненно устанавливает закономерность любых делений разделяемой площади (в церкви, в школе, в публичных местах и в самом доме), в которые переводится снова и снова, хотя все более скрытым образом, структура разделения труда между полами.

Но можно с таким же успехом проанализировать структуру школьного пространства, которое в различных его вариантах всегда стремится обозначить выдающееся место преподавателя (кафедру), или структуру городского пространства. Так, например, пространство Парижа представляет собой помимо основного обратного преобразования экономических и культурных различий в пространственное распределение жилья между центральными кварталами, периферийными кварталами и пригородом, еще и вторичную, но очень заметную оппозицию "правого берега" "левому берегу", соответствующую основополагающему делению поля власти, главным образом, между искусством и бизнесом. Парижанам хорошо известна эта оппозиция "левого берега" Сены (под которым сегодня практически понимаются и предместья) "правому берегу", которая отражается на картах и в статистических обзорах (о публике, посещающей театры, или об особенностях художников, выставляемых в галереях на том и другом берегу), представлена в головах потенциальных зрителей, но также и в головах авторов театральных пьес или художников и критиков в виде оппозиций, функционирующих как категории восприятия и оценивания: оппозиция театра авангарда и поиска театру бульварному, конформистскому, повторяющемуся; публики молодой публике старой, буржуазной; или кино как искусством и экспериментом залам с исключительным правом показа некоторых фильмов.

Так, столица, - по меньшей мере во Франции, как говорит нам Бурдьё, - является местом капитала, т.е. местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции. Следовательно, столица не может осмысливаться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ни чем иным кроме лишения (относительного) и столичности, и капитала. В связи с этим Бурдьё размышляет о формах и уровнях присвоения или освоения социального пространства. Таким образом, мы получаем возможность пространственного принципа в анализе социального исключения, сегрегации, дискриминации, социокультурной нетипичности.

Эти сюжеты принимают форму прибылей локализации, которые в свою очередь могут быть подвергнуты рассмотрению в двух классах. Во-первых, рента от ситуации, которая связывается с фактом нахождения рядом с дефицитными или желательными вещами благами или услугами, такими как образовательное, культурное или санитарное оснащение и с агентами

(определенное соседство, приносящее выгоды от спокойной обстановки, безопасности) или вдали от нежелательных вещей или агентов. Во-вторых, прибыли позиции или ранга (как те, что обеспечиваются престижным адресом) - частный случай символических прибылей от отличия, которые связываются с монопольным владением отличающей собственностью. Физические расстояния, которые можно измерить пространственными мерками или, лучше, временными мерками, по длительности времени, необходимого для перемещения в зависимости от доступности средств общественного или частного транспорта, иначе говоря, власть, которую капитал в его различных видах дает над пространством, есть также власть над временем. Они могут затем принимать форму прибылей от оккупации пространства или от габаритов, то есть от обладания физическим пространством (обширные парки, большие квартиры), которые могут стать способом сохранения разного рода дистанции от нежелательного вторжения.

Следующая мысль Бурдьё о том, что одно из преимуществ, которое дает власть над пространством - возможность установить физическую дистанцию от вещей и людей, стесняющих или дискредитирующих, например, через навязывание столкновений, переживаемых как скученность, как социально неприемлемая манера жить или быть, или даже через захват воспринимаемого пространства - визуального или аудио - представлениями или шумами, которые, в силу их социальной обозначенности и негативного оценивания, неизбежно воспринимаются как вмешательство или даже агрессия. Бурдьё далее явно развивает идею социальной дистанции Зиммеля, говоря, что ничто так не далеко друг от друга и так не невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве.

В принципе место обитания, как социально квалифицированное физическое место, предоставляет усредненные шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющих в распоряжении в данный момент. Однако можно физически занимать жилище, но собственно говоря, не жить в нем, если не располагаешь негласно требующимися средствами, совокупностью черт, свойств, результирующими присвоением определенных знаний и опыта.

В связи с этим рассуждением Бурдьё приводит частный пример семей, которые ощущают себя или являются на самом деле "не на месте" в предоставленном им пространстве согласно правилу, по которому подвергаешься опасности всякий раз, когда проникаешь в пространство, не выполняя всех условий, которые пространство негласно предъявляет своим обитателям. Этим условием может быть обладание определенным культурным капиталом. Помимо экономического и культурного капитала, некоторые пространства, в частности, наиболее замкнутые, наиболее "избранные", требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью "эффекта клуба", который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и

того же пространства (шикарные кварталы или великолепные особняки) людей и вещей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других.

Эффект гетто есть полная противоположность эффекту клуба. В то время как шикарные кварталы, функционирующие как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц, символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в капитале, аккумулярованном совокупностью жителей, гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением. Кроме эффекта "клеймения", объединение в одном месте людей, похожих друг на друга в своей обделенности, имеет также результатом удвоение этого лишения, особенно, в области культуры и культурной практики (и, наоборот, эффект "клеймения" укрепляет культурные практики наиболее обеспеченных).

Пространство телесности

Социология всегда изучала социальные институты, человечество, общество, группы, их изменения. В то же время телесность входит во множество контекстов, где обсуждается проблема человека: тело и мысль, тело и чувство, тело и жизнь, тело и смерть, тело и жизнь, тело и общество, тело и культура. Тело - это не только объект, но и субъект, его социальные практики обуславливаются специфическими особенностями предметов, несет отпечаток как социальных так и культурно-исторических ценностей. Социологи и антропологи имеют дело со смыслами, которые культуры дают телу. Тело в социальном контексте - это медиатор личностного контроля, производства и воспроизводства, порядка и нарушения. Физиология социально сконструирована, связана с исторически меняющимся контекстом производства и потребления, отношениями власти и господства. Существует позиция отождествления культуры исключительно с интеллектуальными, духовными атрибутами человека и объективированными результатами его деятельности, это воспроизводится на обыденном уровне и в профессиональных сферах деятельности, институтах социализации.

Конфигурация жизненных пространств не может быть адекватно представлена трехмерной моделью. Вместе с тем, правомерно говорить о наборе свойств, отражаемых геометрической моделью – взаимодействии, взаимном "перекрывании" пространств, их положении относительно друг друга. Достаточно полноценно эта конфигурация могла бы быть промоделирована динамически, с использованием компонентов различной природы, чтобы продемонстрировать различие свойств пространств и отсутствие статических состояний.

Базовым для всей модели в целом выступает пространство физическое. Как биологическое существо, человек непосредственно локализован в нем сам,

взаимодействует с локализованными в нем объектами. Законами физического пространства определяются, в конечном счете, реакции человека, в качестве биологического объекта, и особенности его восприятия (впрочем, по замечанию С. Л. Рубинштейна, существенно зависящие и от социокультурных факторов). Таким образом, непосредственные отношения человека в физическом пространстве могут быть интерпретированы как локализованные в пространстве телесности.

В начале 90-х годов Дж. Тернер утверждал, что самый серьезный дефект современной социологической теории - игнорирование тела. Категория телесности в последние годы стала входить в науку под влиянием культурологии и семиотики, где обратили внимание на то, что в различных культурах тело понимается по-разному – как присваиваемые и переживаемые ментальные и культурные концепции. Тело как экзистенциальный феномен рассматривается Э.Гуссерлем, Ж. Делезом, М.Мерло-Понти, Ж.-П.Сартром, М. Хайдеггером. Особая роль в формировании телесности в социальном пространстве человека отводится движению, телесному жесту, рассматривают язык тела, невербальной коммуникации, но гуманитарное исследование телесности - это взгляд на нее с позиции смысла, ценностного содержания, сквозь призму меры человека. Предпосылки рассмотрения тела и телесности есть в работах, посвященных социализации тела: М. Бахтин, П.Бергер, Т. Лукман, Д.Михель, М.Мосс, А.Щюц, М.Фуко, Е.Р. Ярская-Смирнова.

Возникновение социально организованной материи связано с формированием новых, качественно специфических пространственно-временных структур. Пространственные структуры, характеризующие общественную жизнь, не сводятся ни к пространству неживой природы, ни к биологическому пространству. Здесь возникает и исторически развивается особый тип пространственных отношений, в котором развивается человек как общественное существо, вписанное в пространство биосферы и космоса, обладает особым человеческим смыслом. Уже на ранних стадиях человеческой истории формируются особые пространственные сферы жизнедеятельности, значимые для человека.

Обнаруживается вынесенность телесно-физических характеристик человека за рамки нормальной культурной социализации, априорное исключение телесного бытия человека из системы социокультурных ценностей. Особую роль в закреплении этой ситуации играют сложившиеся системы образования, воспитания, в тех областях, которые непосредственно требуют соответствующей ценностной отрефлексированности проблемы человеческого тела: медицина, физическое воспитание, спортивная деятельность.

В подобной ситуации телесное физическое развитие оторвано от интеллектуальных и нравственных аспектов становления личности, стимулировано формирование одномерной, личности, неспособной к раскрытию и использованию своего потенциала, отпущенного природой и

предоставленного семьей и обществом. Настораживает отсутствие у значительной части людей потребности, навыков эстетически приемлемой двигательной деятельности, повседневной эстетики тела как необходимого компонента культуры. Необходима концептуальная реабилитация тела как социальной и индивидуальной ценности, что в свою очередь, является необходимым условием жизнедеятельности человека, что связано с классической дихотомией тела и души как традиции классической философии. Сила философских стереотипов, проникших в повседневное мышление, такова, что даже в современную эпоху секуляризованного научного мышления тело и процессы социального смыслопорождения не всегда связаны между собой и категориями пространства и времени.

Телесное начало в человеке осознаваемо по мере нарастания противопоставления культуры природе. Первобытные культуры характеризуются нечетким разграничением проявлений телесности в системе оценок и норм. В известном смысле, именно здесь применим тезис Ж. Ж. Руссо о «естественном человеке»: естественном именно в аспекте не-окультуривания природных проявлений. Однако, уже на ранних этапах становления традиционных культур такие проявления начинают ограничиваться системой запретов, табуироваться. Таким образом, осуществляется структурирование пространства телесности.

Масштабы этого структурирования становятся очевидны только при анализе кросс-культурных взаимодействий. Так, многочисленные свидетельства европейцев XVI - середины XIX столетия, побывавших в Японии, демонстрируют осознание всей глубины различий стандартов бытового поведения, затрудненности протекания самых обычных реакций в условиях доминирования непривычных форм их протекания.

Обильный материал, свидетельствующий об отторжении “варварских привычек туземцев”, содержится в свидетельствах белых поселенцев практически во всех областях первобытной периферии европейской цивилизации. «Индейцы бродят нагие по лесам и горам... Если они хотят остановиться где-нибудь, строят себе жалкие хижинки, которые сжигают, покидая данную местность... Трудно, я думаю, найти народ, который достиг бы меньшего политического образования, как сии индейцы... жилища не дают им убежища ни от дождей, ни вообще от непогод... В них они влекут жалкую жизнь свою, которая не доставляет им, кажется, никаких удовольствий, кроме общих со скотами». Такую характеристику дают П. С. Костромитинов, Ф. Ф. Матюшкин, Ф. П. Литке повседневному быту обитателей “Русской Америки” в первой трети XIX столетия. (Окладникова Е.А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и середине XIX в. (обзор источников) // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. Под ред. А. Д. Дридзо, Р. В. Кинжалова. М., 1994. С.280.) При этом в равной степени осуждаются как существующие у “дикарей” нормы, так их отсутствие в тех

областях регуляции поведения, где для белого человека привычны определенные стандарты. Аналогично репрессивно и восприятие туземцами белых поселенцев.

Античная культура кладет в основу структурирования пространства телесности не запрет, а образец. «Античная культура... синтез идеального и реального в реальном. Поэтому, она по преимуществу телесна... Это такое тело, в котором нет ничего, кроме духа. И это такой дух, в котором нет ничего, кроме тела. Это - полная взаимопронизанность духа и тела, абсолютное равновесие духовного и телесного. Но поскольку, таким образом, человек оказывается подражанием космосу, как таковой, он должен нести на себе... некий бесстрастный, хотя и самонаслаждающийся аристократизм».¹ А. Ф. Лосев в своем анализе природы античного мировосприятия приходит к выводу о необходимости, неизбежности для этого “демократического” общества аристократического идеала. Телесное, тварное здесь не репрессируется, а просто отрицается, точно так же, как гражданство распространяется только на граждан полиса, но не на метеков, варваров или рабов.

Античный мир населен героями, любимцами богов; удел тех, кто не в состоянии соответствовать образцу, соединяющему в себе мощь, красоту, величие духа, успех – перестать существовать как личность. Показательна в этом плане одна из классических реплик Перикла: “О женщинах - молчание. Ни слова ни про добродетель их, ни про их несчастья”. При этом греческая культура не отрицала за женщинами ни красоты, ни духовного совершенства – но как разделенных качеств. Демосфен проводит жесткую грань между куртизанками, любовницами и женами, вместе способными составить идеал, но разделенными фиксацией к своим социальным ролям. В Риме положение женщины становится иным, но и здесь она либо отождествляется, в некоторых аспектах, с мужчиной (например, через распространение на нее имущественных прав), либо остается его игрушкой.

Средневековое разграничение телесного и духовного оказывается именно реакцией на откровенный аристократизм античного мира. В античной культуре калеки и убогие оставались за гранью поля зрения, как бы не существовали; средневековая культура вглядывается в них пристально, с ожиданием: Дух может присутствовать в любом теле, и тело представляет ценность только как вместилище Духа. В этом плане показателен анализ Г. П. Федотовым русского юродства: «Менее всего это подвиг смирения... юродство есть форма пророческого... служения... неправда, которая торжествует в мире и государстве, требует корректива христианской совести».²

Если античная культура предъявляла индивиду идеал духовно-телесного совершенства, отторгая его, в случае неспособности соответствовать этому идеалу, человек Средневековья, по видимости, поставлен перед дилеммой

---

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С.68, 757.

² Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С.209.

плоти и духа. Христианство даровало ему право на милосердие, но христианская церковь отвергла, как ересь, тезис Оригена об апокатастасисе. Торжество восстановления пространства телесности являет собою Ренессансная культура. Как указывает М. М. Бахтин, Возрождение создает новый телесный канон, предполагающий строго отграниченное, индивидуально - выразительное тело, но, при этом, широкое распространение, и, прежде всего, в народной культуре, получает гротескный образ тела, отрицающий его замкнутость, смешивающий внутренний и внешний облик. (Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С.345-353.) Здесь очевиден процесс переструктуриации пространства телесности, сопряженный также со сменой идеалов телесной красоты: на смену обликам, образцами которых были маркграфиня Ута и Симонетта деи Барди, приходят женщины Рубенса. Облик мужчины - воина менее подвержен изменениям оценок. Дм. Мережковский точно реконструирует дискурс, типичный для переходной эпохи, в котором акцентируется идея, что только мужское тело заслуживает быть изображенным. (Мережковский Д. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. М., 1989. С.489). Однако, именно доминирование маскулинности диктовало обращение искусства к образу женского тела, становящегося материалом идеализации.

Переход к Новому Времени, как показал М. Фуко, представляет собой, в существенной мере, упорядочивание, дисциплинирование природы человека. Как показано Л. Г. Иониным, В. Подорогой,³ свойственное традиционным культурам представление о теле, как комплексе значений, вытесняется однозначной, стандартизированной типизацией. Е. Р. Смирновой проанализировано, как закрепление в современной повседневности стереотипа идентификации индивида с типом личности, в соотношении с телом-канонном, становится базовым для формирования дискриминационных практик.⁴

Вместе с тем, культура Нового времени, во-первых, реально изменяет границы пространства телесности, во-вторых, создает предпосылки для радикального изменения соотношения телесного и духовного в природе человека. По точному суждению А. Маслоу, структура потребностей индивида иерархична, причем базисные потребности доминируют в смысле вытеснения потребностей более высоких уровней, при ограниченности ресурсов их удовлетворения. Лишь со второй половины XVIII столетия европейская цивилизация преодолевает ограничение, наложенное общей недостаточностью ресурсов; демографическая кривая “распрямляется”,

---

³ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996; Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.

⁴ Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997. С.49,51-54.

превращаясь из синусоидальной в логарифмическую.⁵ Человек отныне не замкнут в пространстве телесности, может реально выйти за ее границы.

Одномерность, пользуясь термином Г. Маркузе, теперь осознается им как состояние, не отвечающее человеческой природе, присущее маргинальным статусам личности. Целостность, полнота, сочетаемые с разнообразием, снова, но уже на другой основе, становятся характеристиками человеческого идеала. Вместе с тем, в современной культуре отношения в пространстве телесности обретают новый, подлинный смысл, как элементы механизмов социализации. Цивилизация XX столетия, пройдя через несколько стадий экспериментаторства, поиска понимания человека, как биосоциального существа, приходит к синтезу повседневного опыта со знаниями, продуцируемыми комплексом антропологических наук.

Качество жизни индивида, как биологического существа, становится самоценностью. Этим обуславливается повышение внимания к экологическим проблемам, глубокие изменения, касающиеся социальных функций медицины; фундаментальные изменения в культуре питания. Современный человек несопоставимо больше, чем это было в начале нашего, или в середине прошлого столетия, должен знать о себе, как биологическом организме; в этом нам видится одна из посылок развития механизмов и форм процесса социализации в сторону обеспечения его целостности, комплексности.

Однако, изменения, происходящие в сфере пространства телесности, при всей их значимости, играют второстепенную роль по сравнению с реализующимися в других сферах. Изменения, происходящие при переходе от традиционного общества к индустриальному, а затем, в самом индустриальном обществе, по мере его эволюции к иному, более высокому типу, носят сложный, иногда воспринимаемый как противоречивый, характер.

Положение человека в мире стало более устойчивым, защищенным, в смысле обеспеченности его биологического выживания, и, в то же время, никогда еще ему не грозили столь масштабные опасности. Система опутывающих личность зависимостей еще Веком Просвещения лишена оправданий, однако она не только не исчезает, но и принимает все более изощренные формы. Это противоречие ощущения безграничности возможностей человека, открытости ему мира, и осознания непреложности налагаемых социумом ограничений наиболее явно воспринимается личностью как признак структурированности жизненного пространства, таким образом понимаемой в качестве внешней. Этим обусловлен социально-означающий характер его топографии.

Пространство телесности должно рассматриваться как формирующееся по мере становления цивилизации. Во-первых, социоантропогенез представляет собой процесс постепенной смены форм с укорачивающимся временным

---

⁵ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XV111 в.в. Т.3. М., 1992. С.583-584.

лагом, в ходе которого произошли значительные изменения в физической природе человека. Эволюция расширяет пределы человеческого телесного бытия за счет прямохождения, радикального обогащения возможности манипулировать предметами, непосредственного роста продолжительности жизни. Филогения рода Номо была кустистой, а не линейной, в силу своего преадаптивного механизма. Но очевидна господствующая тенденция накопления изменений, все дальше выводящих человека, органически недостаточное существо (А. Гелен), из пространства биологического приспособления к среде (физического) в пространство телесности, включенной во вторую среду.

Во-вторых, пространство телесности локализовано пределами жизни человека и его физическими возможностями в плане изменения параметров состояния здоровья.

В-третьих пространство телесности непосредственно определяется воздействием социокультурных факторов.

Еще в работах М. Маусса первой половины тридцатых годов получил обоснование тезис о решающем влиянии социокультурной среды на манеру держаться, умение владеть телом. Инвайронментальная обусловленность двигательных стереотипов прослеживается в индивидуальном развитии начиная с принятых техник родовспоможения, особенностей поведенческих стратегий пубертатного периода, разных проектов организации движений в типовых ситуациях. Х. Айхбергом показано своеобразие спортивных навыков в различных сообществах. В целом речь идет о специфике поведенческих стереотипов в многослойном обществе и своеобразии моделей цивилизаций. (Майнберг Э. Основные проблемы педагогики спорта. М., 1995. С.149, 150-151, 155-156.)

Можно выделить два социально-пространственных измерения телесности: статика-динамика и нормативность-индивидуальность, которые составляют основу типов социально-пространственных моделей телесности: индивидуально-динамическая (I), индивидуально-статическая (II), нормативно-статическая (III), нормативно-динамическая (IV). Тело, прошедшее социализацию, перестает быть просто физическим телом, о нем нужно говорить как о социальной телесности. Переход от тела как естественно природного к телесности как социально сконструированному феномену осуществляется на уровне движения в физическом пространстве и на уровне социального действия в социальном пространстве, определяясь социальным контекстом, культурной ситуацией.

Интегративное значение имеет индекс продолжительности жизни. По этому показателю Россия выпала из числа развитых стран, отставая на 15-20% от уровня Японии, Норвегии, Швейцарии. По официальным данным ООН смертность в России составляла на конец девяностых годов 14,5 на 1 тысячу человек, при среднем мировом уровне 9,3; продолжительность жизни для мужчин 57,7 лет, женщин – 71,7 лет. Уровень питания 2100 килокалорий в среднем, что составляет 82% от принятого FAO минимума. (Britannica. CD

edition 1997. Nations. Russia.) При этом речь идет не просто об отрезке жизни, уменьшааемом неудовлетворительными ее условиями. Сокращение продолжительности жизни есть следствие ее низкого качества, что проявляется на всех аспектах жизнедеятельности.

На вторую половину девяностых годов по оценке органов здравоохранения полностью здоровыми можно было считать лишь 10% выпускников школ, 40-45% страдает хроническими заболеваниями.(Молодежная политика. Бюллетень 129-130. Под ред. Б. А. Ручкина и др. М., 1997. С.14.) При этом приходят в школу с отклонениями в здоровье и развитии около 45%, к окончанию 9 класса число таких возрастает до 80%, а к завершению обучения удваивается.(Социология молодежи. Под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 1996. С.133.) Таким образом, ситуация не исчерпывается очевидным небрежением семьей, материнством, но усугубляется пороками школьного воспитания в условиях «бестелесности» скрытого учебного плана.(Майнберг Э. Основные проблемы педагогики спорта. М., 1995. С.144-145.)

Функциональное, инструментальное понимание человека в модернистском проекте порождает ситуацию, в которой личность ограничивается в возможностях преадаптивности. Кратковременная эффективность приспособительных моделей оплачивается их слабой восприимчивостью к перемене условий. В результате в активную жизнь входят поколения, ограниченные в пространстве телесности.

Пространства социальности

Техногенное пространство понимается как техногенный мир, отличающийся от мира, наполняемого совокупностью технопродуктов. Наличие технических устройств, опосредование удовлетворения человеческих потребностей технологическими процессами, сами по себе еще не означают создания техноп пространства. Представление о нем не тождественно представлению о второй среде, как не являющейся продуктом исключительно техногенеза.

Рассматривая технику как непрерывно усложняющиеся системы искусственных устройств, служащие объективации второй реальности, мы можем интерпретировать техногенное пространство в аспекте, прежде всего, процессуальном. Это пространство действия, творения, в силу этого демонстрирующее свой активный, формотворческий характер. Именно этим объясняется тенденция к тотальной технизации реальности.

Реакцией на экспансию техногенного пространства оказывается антитехницизм как идеология. Мы не обращаемся к антитехницистским манифестациям античности и средневековья, носившим элитарный, провидческий характер. Но на самой заре индустриальной эпохи вырастает массовое движение с оформленной антитехницистской идеологией: луддизм. С 1768 года, когда толпа ткачей разорила мастерскую изобретателя прядильной машины Дж. Харгривса в Блэкберне, шла полувековая война против машин. Вслед за Дж. Харгривсом ее испытали на себе другие

пионеры технического прогресса: Р. Аркрайд, У. Картрайт.(Поулсен Ч. Английские бунтари. М.,1987. С.194, 200.)

Попытки интерпретировать движение разрушителей машин как классовый протест оставляют в стороне его специфику. Безусловно, двигал луддитами насущный интерес, интерес выживания, но история движения явственно показывает, что боролись они не с владельцами фабрик (проявляя готовность к компромиссам с ними), а с машинами. Центральная фигура этого движения – не пролетарий, борющийся против эксплуатирующего его капиталиста, а свободный надомный работник, отстаивающий прежние условия жизни.(Поулсен Ч. Английские бунтари. М.,1987. С.199, 201.) Именно в этом качестве находит оно сочувствие в палате лордов, у Дж. Г. Байрона, политический протест которого можно отнести к аристократической, индивидуалистской, но не к демократической оппозиции.

Прямое продолжение намеченные здесь тенденции нашли в социальной утопии последней четверти XIX столетия. Книга С. Батлера «Erehwon» рисует общество, где запрещены все машины и механизмы. В высшей степени интересна мотивация: человек пользуется членами своего тела как механизмами, а создаваемые им машины могут рассматриваться как продолжения организма. Социальный и технический прогресс ведут к отчуждению человека, тело становится рудиментом, от человека остаются душа и механизм, и в конце концов машины вытесняют человека.(Butler S. Erehwon. New York, 1940. P.143-162.)

Альтернативой механизации человека для многих мыслителей оказывается возвращение к идеализированному прошлому до наступления века техники. Методологически продолжением этой же позиции оказываются построения Д. Оттена, Х. Керна, М. Шумана, указывающие на практики отчуждения человека от труда, социальной изоляции, как следствия технизации общества.⁶ Такого рода критика далека от реализма. Общество не может вернуться к домашнему производству, поскольку пройдено и не восстановимо адекватное ему состояние второй среды. Необходима иная, не утопическая интерпретация со-бытия человека и техники.

Не социальные противоречия сами по себе, а диссоциация личности в условиях кризиса индустриального общества и формирования принципиально нового типа социализации, служит глубинным основанием конфликтов первой половины XX столетия. Современный человек... освободил себя от суеверий (как он полагает), но при этом до опасной степени утратил свои духовные ценности. (Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы. Под ред. К. Г. Юнга. СПб., 1996. С.106.) В процессе цивилизации мы все более отделяли наше сознание от глубинных инстинктивных слоев психического и в конечном счете от соматической основы психических явлений... для сохранения постоянства разума... бессознательное и сознание должны быть связаны... если же они расщеплены, или «диссоциированы» наступает психическая

---

⁶ ФРГ глазами западногерманских социологов. М., 1989. С.101-106.

нестабильность.(Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С.48.)

О. Шпенглер и К. Г. Юнг указывают на существо проблемы. Не техника, сама по себе, или посредством социальных взаимодействий, оказывает на человека воздействие, но технизация человека, как метафизический, методологический принцип объективистского рационализма.

Реальный путь выхода из порожденного этой экспансией кризиса указывает М. Хайдеггер. Констатируя угрозу самой укорененности человека в ландшафте, происходящую от технизации жизненного мира, он ориентирует поиск не на наивный ретризм, а на изменение самого человека. «Техническое отношение к миру, технические силы, переросли волю, ибо не человек сотворил их... Смысл мира техники сокрыт от нас... Нужна отрешенность от вещей». Человек должен использовать технику, а не подчиняться ей. М. Хайдеггер указывает на главную опасность: если однажды вычислительное мышление останется единственным практикуемым способом мышления, человек перестанет быть собой.⁷

Техногенное пространство не разрушается, а гуманизируется; удобство пользователя, как принцип, ставится над экономичностью и технической целесообразностью. В этом направлении специально работает целый ряд научных учреждений, среди которых особое место принадлежит Tavistock Institute of Human Relations. В этом следует видеть не прихоть, а условие прогресса, потому что только так устанавливаются партнерские отношения человека и техники. Техномир существует не как приращение микрокосма, а как часть гуманизованного универсума. Нормой становится диалоговый режим работы технических устройств, деобъективируемых, таким образом, приобретающих, в известном смысле, субъектные свойства.

Социальное пространство непосредственно связано с информационным. Значимость последнего как для социума так и для индивида первостепенна. Именно наличием социальной памяти человечество, прежде всего, выделяется из животного мира. В информационном пространстве происходят процессы, имеющие определяющее значение для развития цивилизации: формируются и циркулируют научные представления, продуцируются и распространяются технологии, фиксируются поведенческие стандарты. Именно за счет прорыва в информационное пространство древнейшие “речные цивилизации” на столетия опередили своих соседей, обрекая первобытную периферию на участь резервуара дешевой рабочей силы. Социальное пространство конфигурируется коммуникационными каналами, по которым происходит обмен информацией между его элементами.

Нельзя отделить социальные интеракции от операций информационного обмена. Любая социальная интеракция содержит элементы обмена информацией. Если в основу анализа социальной

---

⁷ Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С.108, 109-110, 111.

структуры положить характеристики информационных каналов, по которым происходит коммуникация, возможности доступа к этим каналам, характер информации, передаваемой по ним, рассматривать позиции индивидов по отношению к этим каналам, мы будем анализировать характеристики именно информационного социального поля. Это поле реализует институционально закрепленное в обществе неравенство по отношению к возможности получения, обмена, распространения информации.

Существуют устойчивые, характерные для определенных частей социального пространства, способы и направления коммуникации. Информационное поле отражает характеристики социального поля, которые касаются возможности, направления, характера социальных интеракций. Оно предлагает устойчивые способы коммуникации, определяет временные рамки взаимодействия. Таким образом, процессы, протекающие в социальных полях, опосредованно структурируются коммуникационными процессами. Когда мы говорим об информационном пространстве, мы подчеркиваем социальную функцию коммуникации и влияния ее на социальную структуру, сам процесс социального взаимодействия. Информационное пространство, как и социальное, неоднородно как по своему содержанию, так и по средствам символического взаимодействия. Возможность доступа к тем или иным коммуникационным каналам играет определенную роль в формировании стратификационных вертикалей социального пространства, подчеркивая конфигурирующую роль информационных полей по отношению к социальным структурам.

Процессы информационного обмена являются одной из традиционных тем исследований в социологии. Этой теме посвящены работы, имеющие общее направление - теории коммуникации. В современных теориях коммуникации общество представляется самовоспроизводящейся структурой, целостность его обеспечивается за счет коммуникаций между его членами. Сами коммуникации каждодневно возрождают это общество, укрепляя роль социальных институтов, воздействуя на них, видоизменяя в зависимости от результатов коммуникации⁸.

Можно ли разделить социальное пространство и информационное, в котором мы осуществляем коммуникации, структурные свойства которого воздействуют на характер этой коммуникации? Такой шаг может быть предпринят только для исследовательских целей, для того чтобы еще подчеркнуть роль коммуникационных процессов в ткани социального взаимодействия.

Информационное пространство в собственном смысле есть поле напряженностей, организуемых упорядочиванием структур и процессов реальности. Используется также узкое понимание, сводящее его к ограничиваемому создаваемыми обществом для ретрансляции информации

---

⁸ Сепир Э. Коммуникация // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

формальными коммуникациями. Широкое понимание информационного пространства, включающее в него скрытые контексты, непроявленные смысловые связи. Вне такого понимания ряд значимых социальных процессов не находит рационального истолкования, требуя объяснения возникновения данных, сведений, знаний вне рефлектирующего процесса их получения.

Не только понимание, но и обнаружение присутствия информационных структур требует соответствующего инструментария, которым субъект до получения необходимых сведений не обладает. Кроме того, лишь на уровне самой приблизительной абстракции мы можем рассматривать какой бы то ни было информационный комплекс иначе, как открытую систему, действительная структура которой не может быть в полной мере понята вне учета совокупности всех ее связей.

Освоение информационного пространства в наиболее очевидном виде представляет закономерности пространственного включения в целом. Начальный этап этого процесса – маркировка, означивание. Необходимость оперирования объектами обуславливает переход ко второму этапу – освоению языков, способов поиска информации и тезаурусов. Этим обеспечивается реальная включенность в информационное пространство, на третьем этапе, в рамках которого формируется характеристика, в наибольшей степени доступная анализу: собственно информированность. Наконец, на четвертом этапе определяющее значение приобретает творческая функция, личность выступает в качестве производителя информации.

Можно привести целый список концептуальных и прогностических моделей общественного развития: постиндустриальная (Д.Белл), посткапиталистическая (Р.Дарендорф), постцивилизационная (К.Болдуинг), постбуржуазная (Г.Лихтгейм), постсовременная (А.Этционе), нового индустриального (Дж.Гелбрейт), продвинутого индустриального (Г.Маркузе), сверхиндустриального (О.Тоффлер), технотронного (З.Бжезинский), информационного (М. Кастельс). Все эти модели, объясняя этапы социального и технологического развития общества, как правило, подчеркивают новую роль информации в обществе.

Белл считает, что новая технология не является отдельной сферой, технологические изменения затрагивают все аспекты жизни общества и реорганизуют предшествующие социальные структуры: Изменения в технологии, я настаиваю, не определяют социальных изменений; они ставят проблемы, с которыми должны иметь дело политические контролеры общества⁹.

Перечисленные ниже типы обществ являются идеальными, но главная цель состоит в демонстрации существенного их различия с точки зрения системообразующих отношений, доминирующих в этих обществах.

Первым в истории сложилось доиндустриальное общество. В нем

⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 157.

ведущими сферами производства выступали сельское хозяйство, рыболовство, лесной промысел и шахтные работы. Доиндустриальное общество было организовано вокруг "взаимодействия с природой". Жизненно важные ресурсы обеспечиваются добывающими отраслями промышленности, само общество подчиняется законам снижающейся отдачи ресурсов и низкой производительности труда.

Индустриальное общество это взаимодействие с "преобразованной природой", которое основано на взаимоотношениях человека и машины и использует энергию для превращения естественной окружающей среды в техногенную. В индустриальном обществе машины используются для массового производства товаров.

Постиндустриальное общество, в котором на фоне машинной технологии поднимается технология интеллектуальная, основанная на информации основано на "игре между людьми". Контроль и информация определяют характер и темпы развития всей системы отношений.

Постиндустриальное общество является информационным, так как роль товара в индустриальном обществе трансформируется в информацию в постиндустриальном. Такое значение информации порождает проблемы с ее доступностью и возможностью ее восприятия. Белл выделяет проблемы, которые в начале третьего тысячелетия достаточно актуальны.

1. Колоссальный объем информации, который необходимо поглотить человеку вследствие расширения экономической, политической, социальной сфер жизни общества. Большой объем информации не предполагает ее полноты. В результате этого издержки сбора, хранения и обработки информации быстро растут.

2. Информация становится все более специфической и трудной для восприятия, поэтому объект или событие, попавшие в фокус внимания, необходимо изучать более тщательно, чем когда-либо в прошлом.

3. Появляется большая потребность в осмыслении информации, которая не только сообщается, но и интерпретируется.

4. Объем информации, которую человек может усвоить, является ограниченным и при "экспоненциальном" росте знаний относительный объем информации, который может быть воспринят любым человеком, постоянно и со все возрастающей скоростью уменьшается.

В индустриальном обществе главная экономическая проблема - проблема институционализации капитала и его инвестиций. В постиндустриальном обществе главной проблемой, по мнению Белла, является организация науки, исследовательской деятельности. Важнейшим институтом выступают университеты, научно-исследовательские лаборатории. При этом структурность выступает базовым свойством социальных систем, определяющим, как подчеркивает Э. Гидденс, условия возможности и продуктивности человеческой деятельности, обеспечивающим единство продуктивности и воспроизводимости структурных качеств.

Генетически наиболее близко информационному коммуникативное пространство, возникающее как область, конструируемая способами социального бытия информации. Предметом анализа в коммуникативном пространстве служит содержание и формы потребности в общении, способы коммуникации, взаимодействие личности с реализующими ее институтами. Коммуникация является неотъемлемой частью системы действий. Центральным понятием, которое выступает как механизм координации действий акторов, является понимание ситуации. Пониманию предшествует фаза интерпретации сообщения, исходя из контекста, множества культурных образов толкования.

Социальные процессы в обществе (процессы интеграции, социализации, институционализации) протекают в проинтерпретированной культурно-коммуникативной сфере. Каждое действие индивида сопровождается сопоставлением возникающего понимания ситуации и смыслов, уже зафиксированных в культуре. Обществом Хабермас называет легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью он понимает компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и действию, то есть позволяющие ему принимать участия в достижении понимания и, тем самым, утверждать свою идентичность.

В отличие от Хабермаса, включившего коммуникацию в систему действий, Луман считает, что коммуникация является элементарной социальной операцией, конституирующей общество как систему. Общество как самовоспроизводящаяся система образуется и отграничивается от внешней среды путем отбора определенных способов действия, в результате межсубъектного взаимодействия. Коммуникация в данном случае понимается не как "перенос" информации, а как постоянно возникающая смысловая избыточность, которая может обратиться на любого участника на индивидуальном и коллективном уровне.

Семантическое структурирование социальной системы обеспечивает необходимую связность, а через нее и целостность общества. Социальные отношения становятся полем коммуникации. Но эта связь не является необходимой. Природа социальных отношений не коммуникативная, а функциональная. Ими обеспечивается адаптивность социума как целого, а не взаимоположение в нем отдельных групп или индивидов, приобретающее смысл, когда воздействует на равновесие всей системы. В равновесных состояниях фиксированность социальных отношений в знаковых системах, на основании которых осуществляется коммуникация, обеспечивает "распределение ролей", организацию взаимодействия.

Э. Сепир демонстрирует связь языка и действующих социокультурных кодов, Б. Уорф приходит к утверждению о решающей роли языка в структурировании мира, как программы мыслительной деятельности индивида, направленной на организацию совокупности жизненных впечатлений. "Мы

расчленим мир, организуем его в понятия... потому что мы - участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка”(Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып.1. М., 1960. С.175).

Социализация индивида рассматривается как включение в сферу коммуникации. При этом различные сферы сигнификации функционально приравниваются: мифология, литература, у Р. Барта и мода, и политика, и социальная функция науки выступают, прежде всего, в качестве структурно организованных языков. В его концепции означающее, знак и означаемое разнесены во времени и пространстве.

Социум, навязывающий индивиду свои системы норм, знаков, смыслов, действительно может восприниматься, как внешняя, чуждая реальность, в духе социальности Э. Дюркгейма в качестве источника представлений о властвующих над человеком, безразличных к его судьбе божествах.

Ситуация рубежа XX – XXI века создает предпосылки для постижения информационного пространства как органичного, изначального для личности. Компьютерная революция позволяет помыслить новые модели не только второй среды, но и собственного «Я». Компьютеризация переводит в информационное пространство профессиональную деятельность все большего числа людей, виртуальная реальность организована на совершенно иных принципах. Во-первых, конструируемая отношениями, а не объектами, она предоставляет новые возможности для творчества. Творческий акт здесь может соединять существующие сами по себе ассоциативные контексты. (Кестлер А. Дух в машине // Вопросы философии. 1993. №10. С.100-102.)

В виртуальном сообществе, указывает Г. С. Батыгин, роль социального пространства играет «тема» или горизонт взаимодействия, конструируемый самим участником коммуникации... социальные институты... становятся реликтами. Информационное гиперпространство защищает личность от группового давления, отличается высокой интеллектуально-психологической гомогенностью. (Батыгин Г.С. Коммуникация в научных сообществах // Социологические чтения. Выпуск 2. М., 1997. С.20, 22.)

Индустриальное общество продуцирует условия, в которых затрудненность спонтанной коммуникации очень высока. Значительная потенциальная сложность информационных комплексов, последовательная специализация и фигуральная предметность структурных связей социальности создают предпосылки внутренних напряженностей в коммуникативном пространстве.

В отношении личности при этом реализуется дополнительная функция, связанная с предотвращением процессов диссоциации посредством «перезагрузки» индивидуально конфигурированных личностных структур матричными. Но уже на ранних стадиях развития традиционных обществ спонтанная коммуникация находит подкрепление в ритуализованных практиках общения, обрядовых формах, базирующихся на календарном

цикле. Складывание этих форм использует развитие коммуникации как необходимой основы бытовой кооперации. Неолитическая эпоха формирует развитые образцы ритуальных практик, а с зарождением ранних городских цивилизаций ритуал приобретает выраженный социальный характер, отвлекаясь от повседневности и вычленяясь из пространства жизнеобеспечения. Информационное пространство развивается на базе собственных носителей, прежде всего, в результате развития письменной культуры.

Таким образом, может быть выявлена следующая иерархия функций коммуникации: нормативный поведенческий контроль, стереотипизация паттернов, купирование диссоциации личности, опредмечивание информационных процессов. Все эти функции по происхождению являются внешними в отношении коммуникативного пространства.

Процессы в коммуникативном пространстве наиболее отчетливо демонстрируют маятниковый характер экспансии внешних структурных форм в отношении социализирующегося индивида. Фиксация взаимодействий, в которые вступает личность, на стадии, характеризующейся доминированием отношений, локализуемых в коммуникативном пространстве, не адекватна как перспективным целям эволюции индивидуальности, так и задачам адаптации. Социальному возрасту старших школьников, и, тем более, студентов, более соответствуют интенсивное освоение техногенного пространства, сфер социального пространства, предполагающие непосредственное включение в воспроизводство базисных форм культуры.

В такого рода рассуждениях слишком велик риск подмены причины следствием, поскольку потребности, как таковые, недоступны эмпирическому наблюдению, и мы можем судить о них либо по поведению индивида, либо по его высказываниям. Но человеческое поведение в редчайших случаях имеет однофакторную мотивацию, и, кроме того, в существенной мере зависит от внешних факторов и паттернов, как и высказывания, далеко не всегда отражающие действительные внутриличностные процессы. Поэтому, говоря о потребностях, мы часто просто предлагаем условные объяснения моделям человеческого поведения, уходя от анализа его механизмов. Наличие потребности в общении - один из мифов такого рода, скрывающий реальные процессы фиксации взаимодействий в коммуникативном пространстве.

Стандартизация поведенческих тактик сохраняет свою значимость в индустриальном обществе в меньших масштабах, нежели в традиционном обществе, вытесняясь стандартизацией интеракций в информационном пространстве.

Структурирование информационного пространства ориентирует личность в плане роста автономности, стремления к свободе; значимость слабо формализуемых смыслов при этом нарастает, а подверженных формализации снижается. Иначе эволюционирует система смыслов в коммуникативном

пространстве. Здесь нарастает, причем почти в равной пропорции, значение всех без исключения смыслов. Система смыслов здесь оказывается более устойчивой; вместе с тем, лидирующие позиции утрачивает наиболее значимая по выборке в целом самореализация. В целом можно сделать вывод о большей консервативности коммуникативного пространства.

Непосредственными модификациями областей, своего рода приложениями социального пространства, выступают политическое, правовое, этническое пространства. В них реализуются определенные функциональные аспекты социальных взаимодействий.

Высоким уровнем напряженностей характеризуется на исходе XX столетия в российском обществе правовое пространство. Оно индексируется объективно показателями степени институализации функциональных связей и ролевых отношений посредством специфических механизмов права; субъективно – позиционированием индивидов в правовом пространстве, рефлексией своего положения в нем, характером и механизмами воздействия правовых норм на паттерны.

Нестабильность, порождаемая наложением кризисных проявлений на реформационные процессы, усугубляется слабым развитием в национальной традиции правовой культуры. Как писал в начале столетия Б. А. Кистяковский «нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа недостаточно дифференцированы... наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Результатом оказывается неразвитость обычного права, правовой нигилизм, адекватные практикам полицейского государства».¹⁰ Поэтому нынешние попытки переноса юридических и административных практик европейских стран, особенно, восходящих к традиции римского права, на русскую почву, не всегда успешны.

В то же время, апелляции к традиции отечественной бюрократической государственности должны учесть, во-первых, исторически сложившийся правовой нигилизм самой бюрократии, традиционно рекрутируемой посредством вертикальной миграции и не приобретшей традиций элитарности, а, во-вторых, опыт восприятия бюрократии обществом как носителя не правовых ценностей, а патерналистской государственности. Эти культурно-исторические особенности накладывают ограничения на реформы законодательства и административного устройства.

Формальную приверженность идеологии правового государства может выражать значительная часть общества, но соблюдение законов является доминантой личностного поведения не для всех. Очевидной представляется размытость границ правового пространства. Люфт между нормативными стандартами и поведенческими стратегиями оказывается в сфере регуляции как гражданского, так и уголовного права значительным. При этом важно подчеркнуть определяющее значение в этом процессе сужения пространства

---

¹⁰ Кистяковский Б. А. В защиту права // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Сост. А. В. Поляков, И. Ю. Козлихин. Л., 1990. С.188, 189, 173, 178, 176.

свободы не столько социального взаимодействия, сколько личностного развития.

Люди принимают зависимость от частного или группового произвола как гарантию условий своего существования; право не может быть устойчиво в корпоративной системе, оно адекватно лишь обществу, представляющему собой свободный союз лиц. Поэтому преодоление правового нигилизма зависит не от тех или иных воспитательных акций, а от радикального совершенствования правовой практики, обеспечения независимости от интересов лиц, групп, властных структур. По В. Соловьеву, право выступает условием, предпосылкой нравственного развития общества, не предлагая стандарты высоконравственного поведения, но исключая поведение абсолютно безнравственное.

К числу наиболее интенсивно разрабатываемых в последнее время в социологии и социальной философии относятся проблемы политического пространства. Это пространство, в котором акцентируются политические ценности; пространство воспроизводства позиционных практик; формирования программ политических практик и способов их потребления; «символических революций». Эскалация самоизоляции поля политики не приводит к достижению чистой автономии, но неверно и редуцировать идущие в нем процессы к протекающим в полях экономики или обыденного существования¹¹.

Политическое пространство индексируется характером восприятия его символических форм. Это: атрибутика, географическая ограниченность, природа единства - собственно политическое, языковое, духовное, культурное. Во-вторых, - включенностью в систему политических отношений: членство в партиях, движениях, знание о них, ориентации и оценки. И, наконец, - политической культурой: политические знания, умения и навыки отстаивания своих интересов в политическом пространстве, ориентации в области конкретного политического действия.

Пространство жизнеобеспечения понимается как самостоятельное, только частично совпадающее с экономическим. Лишь в индустриальном обществе уровень разделения труда создает предпосылки для тотального опосредования экономическими отношениями деятельности, ориентированной на удовлетворение витальных потребностей. Однако, и в индустриальном обществе эта деятельность сохраняет, в известной степени, самостоятельное значение. Примечательные и показательные данные в связи с этим можно почерпнуть в публикациях по результатам реализации совместного исследовательского проекта шведских и российских социологов, экономистов в Великом Новгороде по проблемам жизнеобеспечения домохозяйств. (См.: Обеспечение пищей в домашних хозяйствах Великого Новгорода / Мигунов В. А., Новик В. А., Шанахан Х, Экстрем К. Новгород, Гетеборг. НовГУ, 2001). Система координат пространства жизнеобеспечения

---

¹¹ Качанов Ю.Л. Политическая топология: Структурирование политической действительности. М., 1995. С.142, 80, 89-90, 122-123, 179.

индексируется характером установки на различные формы практической деятельности, развитием умений, навыков и потребности в нем, универсализацией или конкретизацией навыков, характером профессионального ориентирования и обучения.

Пространство жизнеобеспечения изначально непосредственно интегрировано в физическое пространство самой неравномерностью географического распределения ресурсов. Индустриальное общество устраняет это неравенство, но при этом настраивает хозяйственные структуры на исторически сложившуюся систему разделения труда. В результате жизненные условия существенно разнятся по регионам, что становится, прежде всего, предпосылкой миграционной активности.

Миграции детерминируются не столько адекватной установкой на смену среды, сколько ориентированностью на идеал. Это определяло миграционное поведение в российском обществе XVII – XIX веков (движение «бегунов», поиски Беловодии), в постоктябрьский период. Анализ миграционного поведения молодежи шестидесятых – восьмидесятых годов показывает его обусловленность скорее идеологией миграции, нежели конкретными проявлениями целерационального действия провинциальной молодежи. Миграционная активность с жизненными условиями связана лишь опосредованно.

Пограничным для социального, техногенного пространства и пространства жизнеобеспечения является экономическое пространство. Анализ его места в конфигурации жизненного пространства служит одним из очевидных примеров недостаточности трехмерной модели. Экономическое пространство частично перекрывается с областями правового, политического, этического, в какой-то мере, и этнического, в то же время, частично выходя за рамки как социального, так и техногенного пространства.

Экономическое пространство российского общества с начала девяностых годов характеризуется активной экспансией, выражая тенденцию к тотальному охвату жизненного пространства. Система координат в нем задается параметрикой процессов формирования личности, соответствующей нормативному типу, описываемому теорией рационального действия: человека экономического. Важнейшие индексы – «стоимостное» восприятие мира (вещей, отношений, символов); иерархизация занятий по критерию экономической целесообразности; деловая активность и реальная включенность в отношения экономического пространства; отношение к собственности и типам организации хозяйственной деятельности.

Данная область жизненного пространства, как и все остальные, наряду с количественными имеет качественные измерения, выражающие различные аспекты субъективного пространственного бытия. Молодыми поколениями свой топос в нем ощущается, прежде всего, в необеспеченности гарантии права на труд. По данным ВЦИОМ 1995 года для юношей и девушек в наименьшей степени определяющей являлась возможность гарантированного твердого заработка. Работа, дающая высокий заработок, пусть без гарантий,

более предпочтительна для 46%, но и в этом отношении молодежь, опережая старшие возраста, уступает наиболее активному трудовому возрасту. Зато желающих открыть собственное дело по молодежной группе втрое больше, чем по любой другой. (Рывкина Р.В., Симагин Ю.А. Возрастные различия в оценках будущего России // Социологический журнал. 1996. №3\4. С.51, 53.)

Опосредованно связано с другими пространственными структурами пространство художественной культуры. Это область бытования образов, иного рода конструкторов, представляющих собой фиксацию представлений о ценностях, нормах, поведенческих стратегиях. Пространство художественной культуры непосредственно связано с этическим, коммуникативным, в рамках социального, а частично вне их – с информационным. Любой феномен художественной культуры может быть истолкован как текст, быть интерпретирован в контексте коммуникационного обмена (чем и обуславливалось всегда вторжение риторики в область художественного творчества и его анализа), оценен с позиций морали. Художественная культура может быть помещена и в иные контексты социальных взаимодействий, однако этим не могут быть исчерпаны ни ее содержание, ни социальные функции.

В процессе социализации включение личности в пространство художественной культуры может иметь абсолютное, исчерпывающее значение, но лишь в том случае, если этот процесс оценивается с позиций последовательного холизма, инвайронментализма, и целью его принимается самоактуализация личности, как самоценной, но при этом являющейся неотъемлемым элементом социума, сущности. Пространство художественной культуры индексируется системой координат, конструируемой структурой знания особенностей художественной реальности, выразительных средств, истории и образцов отдельных видов искусства; навыков восприятия и творчества; предпочтений и вкусов. Оно является важнейшим полем социализации. Здесь типизированные образцы стратегий социального поведения представлены в формах, наиболее близких к фреймовым, в которых они даны индивидуальному сознанию.

«Есть что-то, что нельзя объяснить, если считать человека конечным звеном. Человек также группируется в более крупные единицы, которые я называю фалангами. Фаланга обладает собственной памятью... Фаланге свойственны эмоции, на которые один человек не способен... наиболее осознанно дух фаланги проявляется художниках... искусство является достоянием фаланги, а не индивида. Искусство отражает знания фаланги о природе, материи и жизни... любое современное научное открытие можно найти в поэзии предшествующего поколения... когда человек... читает поэзию, его индивидуальность растворяется в индивидуальности фаланги» (Стейнбек Дж. Письмо Дж. Олби 1933 года // Наедине со временем. Письма американских писателей. Сост. Я. Н. Засурский. М., 1988. С.351-352.)

Значимые отношения реальности искусство отливает в символическую форму, типизирует, очеловечивает. Символична сама реальность, поскольку

значима, потенциально означиваема. Искусство постмодерна противостоит разрушению культуры, рождаемому идеологической ангажированностью, поверхностной и искусственной подчиненностью искусства морализаторской миссии. Если культура модерна техноморфна, то постмодерна – антропоморфна.¹²

Предельно дистанцируемые от физической реальности отношения личности к миру развертываются в пространствах трансцендентности. Как и все остальные, они реальны постольку, поскольку осуществляющиеся в них идеальные взаимодействия определяют человеческое поведение. Если процесс социализации базируется на приобщении личности к какой-либо конфессии, или иного рода включении в общность, связанную пониманием того, что ею толкуется как трансцендентный опыт, то процесс этот будет подчиняться совсем иным механизмам, нежели в случае социализации через посредство агентов и институтов, носящих светский характер. Однако, этот очевидный пример лишь иллюстрирует более общую закономерность.

Люди, формально принадлежащие к тем или иным конфессиям, могут крайне малую часть своей активности реализовывать в пространствах трансцендентного опыта, и, напротив, люди, формально принадлежащие к атеистической среде, могут в своих отношениях к миру и практическом поведении вести себя неадекватно принятым этой средой стереотипам. Широкое распространение оккультной литературы в последнее десятилетие в России говорит об этом достаточно убедительно. Жизненные кризисы достаточно часто побуждают людей искать иррациональных решений.

Пространство трансцендентного получает рациональную интерпретацию в рамках информационной теории личности. Сознание не устанавливает полного контроля над всеми фрагментами информационного комплекса, поэтому в рефлексии их актуализация представлена как указания на некие сверхприродные надличностные феномены.

К. Г. Юнг определял это явление как нуминозность. «Архетипы... одновременно образы и эмоции... заряженный эмоцией образ приобретает сакральность (нуминозность) или психическую энергию, он становится динамичным, вызывающим существенные последствия... Культурные символы сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминозности... они... жизненные силы в построении человеческого образа... чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления». (Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы. Под ред. К. Г. Юнга. СПб., 1996. С.109, 105, 98.)

Пространство трансцендентного индексируется установками на характер его восприятия (в рационалистическом или мистическом толковании), соотношением социальных и индивидуальных форм, интегрированностью

---

¹² Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С.126-127, 46.

личности в систему символической власти трансцендентного, уровнем освоения его языков, интегрированностью в систему жизненных смыслов. В целом есть основания говорить о неприменимости к нынешней ситуации обычного противопоставления научного мировоззрения мистике. Вернее говорить о расхождении между «практическим», сугубо прагматическим взглядом на реальность, и попытками сформировать некую целостную картину мира.

Социальное пространство и социальные структуры

Несомненно, что окружающая среда разнообразными способами влияет на человеческую жизнь, но особенно значимо пространство, в котором человек вырастает. Царскосельскому парку русская культура обязана за участие в формировании сначала пушкинского творчества, а затем гумилевского, и ахматовского. Вместе с тем доминирующим понятием здесь выступает социальное пространство не только в формате пространства среды, пространства генетического и культурного развития, но и пространства социальных рисков, маргинальности, неравенства, собственно социальных проблем. Новые поколения москвичей не увидят подлинную Москву Грибоедова, Пушкина, Островского и Булгакова, не смогут испытать ощущение пространственной сопричастности ушедшей жизни, они смогут лишь любоваться изображениями посреди фонтана перед церковью Большого Вознесения.

Кроме жизненных, обыденных форм социальное пространство может принимать формат военных конфликтов и террора, переходя из региональных границ в глобальные и обратно. Новый век моментально окрасился мощнейшими вспышками локальных войн, затяжных кризисов и усилением международного терроризма. Об этом с жестокой наглядностью говорит дата 11 сентября 2001 года, которую многие стали считать началом новой эры.

Каждый определенный тип социальной практики привязан к одной из форм пространственных: информационное, коммуникативное, полиическое, правовое, этническое, гендерное, возрастное, отраслевое, пространство города, туризма, риска. Мельчайшей пространственной единицей является личностное поле индивида, оно носит комплексный характер и порождается разными типами практик: экономических, культурных, политических, в которые вовлечен данный индивид. Оно играет роль потенциала противодействия индивида давлению того или иного социального поля, является основой его личной автономии.

Социальное пространство понимается здесь уже, чем в системе категорий, принимаемой рядом авторов вслед за П. Бурдьё, в которой оно, вместе с *Habitus*, служит инструментализации конструирования оппозиции смыслов, репрезентирующих социальное целое. В нашем понимании вещи изначально не противопоставлены отношениям, жизненное пространство есть тотальная

реальность, объединяющая «самость в мире» и «мир через самость». Социальное пространство выступает в данной системе представлений как поле бытования социальности.

Это есть пространство взаимодействий и статусных позиций, причем взаимодействия позиционируют акторов, в свою очередь, предопределяясь статусом последних. Понятие «роль» удачно именно в силу своей способности имплицитно объединять смыслы, связанные с интерпретациями социальности как взаимодействия и как позиционной системы. Взаимодействие не произвольно, подчиняется логике сценариев, нормам, неявным предписаниям. Позиционная система не только обладает способностью к изменению, но и не извечна, формируясь и будучи изначально сформирована системами спонтанных интеракций.

Социальное пространство есть пространство статусных различий, ролевых экспектаций, форм социальной идентификации, институализации социального взаимодействия. Усложнение системы интеракций и стратификаций конкретизирует социальность. Взаимодействия людей, их положение друг относительно друга, типизируются выделяющимися из тотальной целостности социального правовым, политическим, этническим, экономическим, коммуникационным пространствами.

Вместе с тем, по мере усложнения социального, его структуры накапливают собственные характеристики, сводимые к характеристикам социального пространства как целого лишь в расширенном его толковании. В настоящем издании, поскольку выстраивается развернутая картина системы пространств, в таком толковании нет необходимости. Поэтому мы сохраняем представление о нем как о поле интеракций, конституируемом статусными позициями.

Стратификация социального пространства

Есть два подхода к пониманию социального пространства: субстанциальный и структуралистский. В первой версии оно состоит из субстанций, то есть индивидов, их групп и организаций.

Питирим Сорокин утверждал: «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли... Определить положение человека или явления в социальном пространстве означает определить отношение к другим людям и явлениям, взятым за точки отсчета. Э.Дюркгейм в книге «Самоубийство» писал: «Мы твердо надеемся, что, читая нашу книгу, каждый согласится с нами в том, что над индивидом стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив».

Общественные процессы и институты - это "реальные, живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются. По мере того, как эти силы формируются, они налагают свою власть на индивида».

Разумеется, и в рамках второго, структуралистского подхода социальное пространство не существует без индивидов. В интерпретации П. Бурдьё социальное пространство - ансамбль невидимых связей, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине. Социальные отношения возникают в результате взаимодействия индивидов и их групп. Однако отношения и взаимодействующие индивиды при всей их взаимосвязанности не тождественны друг другу, как электрический проводник не тождественен электрическому току. Поэтому их анализ во многих случаях стоит производить отдельно.

Социальное пространство рассматривается сегодня как силовое поле, создаваемое взаимодействующими индивидами, имеющее и свое особое (системное) качество, отсутствующее в самих индивидах, например, государство, право, обычаи, мораль. В индивидах есть лишь его элементы в виде усвоенных социальных ролей и ценностей. Социальная система имеет цельный характер, в ней каждый элемент выполняет определенную социально значимую функцию. Наиболее распространенный вид социальной системы - бюрократическая организация. Социальное же пространство открыто, не имеет четких границ, его элементы соединены в хаотическом и противоречивом единстве.

Суть структурно-функционального подхода в том, что, если есть какой-либо социальный элемент, значит он выполняет какую-то функцию. Однако в социальном пространстве можно найти немало элементов, которые не выполняют никаких функций, оно прерывисто, есть участки с относительно высоким социальным взаимодействием. Такие участки называются социальными полями, между ними отношения менее интенсивны, чем внутри их. Примером социальных полей могут быть государства, предприятия, этнические группы, населенные пункты, они имеют признаки системности, но это не системы. Например, предприятие как сконструированная организация - это система, однако предприятие как социальное поле включает помимо отношений, закрепленных в должностных инструкциях и других документах, гораздо больше связей, не закрепляемых ни в каких формальных нормах.

Единицей социального пространства является статусная позиция, то есть место в социальном пространстве, наделенное определенным статусом. Позиция может быть как индивидуальной, так и групповой. Социальный статус - это совокупность прав и обязанностей, социальных ожиданий, форм и объемов материального и морального вознаграждения, устойчивых нормативных форм поведения. Статус формируется с помощью закона, административных актов, обычаев, морали, религии, общественного мнения.

Социальная роль - это динамический аспект статусной позиции, которая представляет собой целый комплекс ролей, это набор норм

(правовых, административных, моральных, обычаев), определяющих одно из отношений данной статусной позиции.

С точки зрения способа приобретения индивидом социального статуса различаются два вида статусов: приписываемый и достигаемый. Приписываемый статус индивид приобретает в результате рождения в той или иной групповой статусной позиции, он не выбирается, приписывается автоматически в силу того, что этим статусом наделены родители и окружающая часть социального пространства. Так приобретается пол, национальность, принадлежность к определенной территориальной общности, религиозной общине. Достигаемый статус приобретается в результате движения индивида по социальной лестнице. Данная классификация касается не самих статусов, а способов их приобретения индивидами.

Социальное пространство многомерно, его очень приблизительным аналогом может быть шар, рассекаемый многими плоскостями в разных направлениях. Каждая плоскость - это особая социальная структура, состоящая из статусных позиций. Так, гражданин и не гражданин - это статусные позиции социально-правовой структуры. Рабочий, мастер, начальник цеха, директор - позиции властно-административной структуры. Наемный работник, предприниматель - позиции социально-классовой структуры. Мужчина и женщина - позиции социально-половой структуры. Житель села, житель провинциального города, житель столицы - это позиции социально-пространственной структуры, каждая структура имеет свою логику отношений, хотя структуры могут оказывать друг на друга силовое воздействие.

Структура - это набор правил, которые являются одновременно и результатом, и условием действия индивида. Субъект в одно и то же время и создает правила, и следует им. Институты в таком случае выступают как социальные практики, протяженные во времени и пространстве.

Анализ социального пространства в субстанциальной традиции как совокупности взаимодействующих индивидов затрудняет понимание логики каждой структуры вследствие их смешения. Каждый индивид одновременно занимает несколько статусных позиций: например, мужчина, среднего возраста, русский, житель Москвы, работник торговли, директор магазина.

Если анализировать социальное пространство как совокупность индивидов, то возникает трудноразрешимая проблема: поступает ли данный индивид в данный момент как пешеход, представитель своей возрастной группы, как мужчина или как директор. Возможности смены статусных позиций зависят и от типа социального пространства: феодальная Индия с ее кастовой системой давала совершенно иные возможности для смены статусных позиций, чем современная Россия.

Статусные позиции бывают индивидуальные и групповые. Как первая, так и вторая позиции занимают в социальном пространстве определенное место, находятся в тех или иных отношениях с другими статусными позициями.

При этом групповые позиции бывают разных масштабов и степени сложности. Например, студенческая группа, вуз, город, область. Они раскладываются, как китайская шкатулка или русская матрешка: из каждой групповой позиции появляется другая - менее сложная. Отношения индивидуальных и групповых статусных позиций, а также групповых позиций разного уровня следуют закономерностям системы. Социальная группа - это более или менее обособленная часть социального пространства, состоящая из того или иного количества индивидуальных и групповых статусных позиций, каждая из которых состоит из ролей, включающих в себя набор социальных норм.

Категория социальной дистанции стала предметом социологического анализа благодаря работам Роберта Парка, которые лежат в основе изучения социально-расовой стратификации. Понятие дистанции использовалось в качестве попытки свести к более или менее измеряемым суждениям степени понимания и близости, которые характеризуют личностные и вообще социальные отношения. В каждом обществе даже в самой случайной группе, каждый будет стараться установить определенную дистанцию в своих отношениях с другими людьми. Это означает, что в данное время и в данном месте каждый индивид занимает позицию, определяемую с точки зрения его физической дистанции или близости по отношению ко всем другим людям.

Стратификационное пространство, по Хоупу, можно представить как пространство, имеющее до N измерений (плоскостей), измеряемых по отношению к соответствующим осям. Иначе говоря, стратификационное пространство многомерно, объемно и включает в себя большое количество плоскостей, на которых расположены статусные позиции, занимаемые индивидами и группами индивидов. Поскольку все они расположены примерно в одной плоскости, то поддаются более или менее точному измерению. Например, плоскость административной власти. Здесь все статусные позиции упорядочиваются в виде пирамиды, в которой каждый нижележащий слой является подчиненным вышележащему по административной линии. Другая плоскость - уровень доходов: здесь каждый нижележащий слой включает статусные позиции с меньшим доходом, чем вышележащие, а позиции, находящиеся в одном слое, имеют одинаковый доход.

Статусные позиции в социальном пространстве описываются через их отношение к другим позициям с точки зрения направления расположения (выше, ниже, на том же уровне) и с точки зрения разделяющей их социальной дистанции (равные, близкие, далекие позиции). Статусные позиции не просто составляют огромную сеть, но часто расположены вдоль одной "оси" и в силу этого могут быть иерархически упорядочены. Следовательно, появляется возможность количественного описания социального пространства.

Из геологии в социологию было привнесено понятие стратификации. В геологии страты - это слои земной коры, расположенные один над другим.

Взгляд на общество как на слоеный пирог требует введения и в этом случае понятия стратификации. Социальная стратификация - это иерархически упорядоченное социальное неравенство. О ней мы можем говорить лишь в тех случаях, когда социальные группы по той или иной оси (власть, престиж, доход и т.п.) расположены в порядке их ранжирования. Любая страта - это социальная группа, но не каждая группа - это страта. Страта - это социальная группа, занимающая то или иное место вдоль стратификационной оси (например, по линии дохода или власти).

Так, социальное неравенство - это любые различия в месте в социальном пространстве. Иерархическая структура социального пространства накладывает отпечаток и на пространство физическое. Структура социального пространства по П.Бурдьё проявляется в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном и, в особенности, замаскированном виде посредством действия натурализации, вызывающей занесение социальных реальностей в физический мир.

Социальное пространство многомерно, в самом общем виде в нем можно выделить горизонтальное и вертикальное измерения или, как писал П.Сорокин, вертикальный и горизонтальный параметр социальной вселенной. Социальная стратификация - это дифференциация некоей данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность - в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Поскольку есть метафора пространства, то ее атрибутом является метафора дистанции, то есть удаленности статусных позиций друг от друга.

Если единицей социального пространства рассматривать индивида, как это часто и делается, то категория социального пространства может ограничить свою роль метафорической функцией, облегчающей усвоение материала студентами. Если мы берем индивидов, то должны иметь в виду, что все они социально многолики. Это создает существенные трудности для определения социальной дистанции между ними. Например, можно быть очень богатым, но безвластным, открытым для произвола даже средних и мелких чиновников. Можно иметь большую власть, но не иметь богатства. Можно сидеть в тюрьме и пользоваться огромным влиянием на людей, находящихся на воле.

Все это говорит о том, что понятие социальной дистанции корректно, когда оно используется как одномерное в многомерном социальном пространстве. Например, когда мы говорим о президенте России, то мы можем сравнивать его лишь как носителя административно-политической власти с другими

носителями такой же власти и сравнение возможно только в административно-политической плоскости. Сравнить же его с банкиром, художником, используя при этом категорию социальной дистанции, малоперспективно. Гораздо точнее говорить о социальной дистанции не между многомерными индивидами, а между одномерными статусными позициями. Иначе говоря, нельзя сопоставлять литры и килограммы, звезды на погонах и амперы. Тогда социальная дистанция превращается из метафоры в научную категорию, поддающуюся эмпирической операционализации и измерению.

Категория социальной дистанции имеет по крайней мере две формы: дистанцию статусных позиций во властном пространстве и дистанцию межличностных отношений. Их корреляция имеет место, но в самых разных вариантах. Вторая форма социальной дистанции лежит в основе феномена слияния элит: представители элит разных сфер общественной жизни в непрофессиональной сфере, сфере досуга и личной жизни могут сосуществовать, поддерживая очень короткую социальную дистанцию.

Проблема состоит не в неравном распределении способностей, а в неравном распределении власти (экономической, политической, административной, духовной) в социальной структуре. Это первооснова всех остальных проявлений социального неравенства (риска для жизни и здоровья, доходов, условий труда, престижа). Поэтому вопрос о причинах социальной стратификации - это вопрос о причинах неравного распределения власти в любом социальном пространстве.

Речь идет о разных видах власти, возникающих в разных плоскостях социального пространства. Политическая власть концентрируется в результате технологической невозможности полного и реального самоуправления. Неизбежно приходится выделять статусные позиции представителей интересов большинства или группы. В основе политической власти лежит механизм делегирования группой своих полномочий тем или иным статусным позициям (президенту, депутату).

Сам этот процесс содержит в себе в качестве цели социальную иерархию, приобретающую форму пирамиды: большинство делегирует меньшинству свои права. Имеющий административную или любую другую власть получает и право решать, что ценно для группы (организации), а что нет. Отсюда неравенство статусных позиций по целому комплексу характеристик: безопасность, материальное вознаграждение, престиж, условия труда, перспективы мобильности, удовлетворенность своим положением.

Культура и социальная иерархия

Культура - это совокупность устойчивых форм социального взаимодействия, закрепленных в нормах и ценностях, средствах коммуникации, передаваемых от поколения к поколению. Субкультуры - это подсистемы культуры, включающие совокупность устойчивых специфических форм взаимодействия, присущих какой-либо социальной группе, слою. Культура в

значительной мере есть производное от статусных позиций ее носителей, но в то же время она, обладая более или менее значительной степенью автономии, оказывает и обратное влияние на социальную структуру и социальную мобильность. Культура и субкультуры, характерные для определенных частей социального пространства, могут выступать в качестве культурного ресурса, обеспечивающего рост ранга этих позиций, или, наоборот, превращаться в гири, тянущие на социальное дно.

Культура как ресурс, используемый в социальном стратифицировании общества, выступает в нескольких основных формах. Во-первых, культура, будучи вплетенной в рыночные отношения, превращается в культурный капитал.

Во-вторых, в нерыночном социальном пространстве, каковым было общество советского типа, культура могла быть капиталом лишь в рамках неформальной, теневой экономики. Вне ее пределов культура выступала как административный ресурс, дававший право на определенное место в социальной иерархии (например, образование или стаж) или отражавший в символической форме уже занятое место (например, звание, погоны).

В-третьих, культура может выступать как общественный престиж. В рыночном обществе данная форма часто сливается с культурным капиталом, но далеко не всегда: лишь в той мере, в какой престиж способен приносить рыночные дивиденды. В демократическом государстве, во время революций и крупных общественных волнений престиж может трансформироваться в административный ресурс, обеспечивающий политическую или административную карьеру.

Структура социального пространства объективируется в знаках, в качестве которых выступает уровень жизни, объем осуществляемой власти, а также отпечатки типичной социальной деятельности на теле индивида (мозоли, загар, характер кожи лица, полнота). Знак является носителем информации о социальном опыте, о месте в иерархии. Во-вторых, знак может выступать в качестве культурного ресурса, формирующего социальную иерархию и предопределяющего социальную мобильность в ней. Например, получение диплома о высшем образовании может служить основанием для продвижения на вышестоящую позицию в социальной иерархии. Знак отражает наличие других видов ресурсов (властных, материальных). Так, по таким знакам, как стиль жизни, характер потребления, можно судить о наличии материальных ресурсов.

Символ - это знак, сознательно сконструированный индивидами и организациями для передачи той или иной социальной информации, они используются для разметки социального пространства, обозначения тех или иных элементов социальной структуры. В результате над социальным пространством возникает его отражение в виде символического пространства. При этом в качестве материала, из которого конструируется пространство символическое, нередко выступает физическое пространство: актовый, театральные залы, площадь, воинский строй, территория города.

Наличие в социальном пространстве такой символической разметки, обозначающей с помощью символов статусные позиции, столь же облегчает социальные отношения, как дорожные знаки дорожное движение.

По Бурдые, почти всюду можно наблюдать тенденцию сегрегации в пространстве, когда люди, близкие в социальном пространстве, стремятся стать близкими – по выбору или принуждению – в географическом пространстве¹³.

Символ превращается в капитал, когда он признается окружающими как верный показатель наличия ресурса, дающего экономическую власть. В качестве символического капитала часто выступает у старых средних слоев имя (актера, писателя, певца), рассматриваемое окружающими как знак качества. Двигаясь в символическом социальном пространстве, субъекты доверяют символам, как шофер дорожным знакам: если обозначен поворот, то нет необходимости срывать в пропасть, чтобы проверить истинность знака посредством его игнорирования.

Характерная черта символического пространства этатического общества, в том числе и государственно-монополистического социализма, состоит в том, что оно организуется по единому плану, реализуемому на основе государственной власти. Государство расписывает свою собственную социальную структуру, придавая каждой позиции более или менее явный символ. В результате символическое пространство в качестве своего каркаса имеет упорядоченную картину, созданную административной волей. Разумеется, в самом регулируемом социальном пространстве есть место для нерегулируемой или слабо регулируемой активности, которая также часто приобретает символические формы. Символы отражают не только желание обозначить свой статус, но и не менее часто встречающееся стремление этот статус скрыть или обозначить его ложное место, продемонстрировать свою близость к группе статусных позиций, фактически удаленной в социальном пространстве.

Социальное пространство города

До сих пор социология города как отрасль исследований в силу интеграции научного знания переплетается с географией, историей, политологией, архитектурой, городским планированием, экономикой. Однако именно социологи выступают инициаторами изучения социальных проблем города, благодаря чему в западных городах формируется идеология городской цивилизации.

Заслугой Чикагской школы является социально-антропологический анализ национальных и культурных городских меньшинств. Тема была подхвачена городскими антропологами, разрушившими образ меньшинств как потенциальных врагов, культурный релятивизм стал чертой городской идеологии, нормой жизни американских и европейских городов. Наличие

---

¹³ П.Бурдые. Начала. М. Социо-Логос. 1994. С.187

разнообразных групп населения делает жизнь города богаче. Российским горожанам первого поколения, за счет которых произведена индустриализация страны, был навязан индустриально-урбанистический образ жизни, заполнивший города типовым жильем, привязавший население городов к крупным производствам.

При всей очевидности цивилизационной отсталости деревни от современного города, кардинальная деформация образа жизни селян в городах приводила к ответной реакции, на навязанную модель городского жизнеустройства. Вместе с тем развитие города требует гигантских вложений в поддержание коммуникаций и развитие городского ландшафта, в свою очередь развитость инфраструктуры и привлекательный стиль жизни содействуют более успешному городскому росту. Все это возможно при активном вмешательстве государства, имеющего в развитии городов особую заинтересованность.

В российской ситуации необходимо изучение влияния новых экономических отношений на развитие городов, эволюции городских систем, жилищной политики и личного жизнеустройства горожан. Городские процессы при социализме оказались под прессом идеологии, процессы городской динамики носили жестко управляемый характер. И лишь экономические реформы привели к появлению рынка жилья, торговле земельными участками, структурированию городского пространства на основании разницы в стоимости недвижимости различных частей города. Хотя одновременно произошло повсеместное сокращение объемов традиционного жилищного и промышленного строительства, сократились возможности улучшения жилищных условий, получения жилья впервые. Разрушилась прежняя жилищная политика, основанная на централизованных инвестициях в недорогое, массовое строительство.

Исторически ключевыми видами занятости в городах выступали торговля, административная деятельность, мелкое ремесло, позднее промышленность, художественная культура, сфера услуг. Есть различия в минимальной для города численности населения: во Франции 2 тысячи человек, Японии - 30 тысяч, в Дании агломерация может начинаться с 200 человек. В разных республиках СССР для городов существовали различные нормативы, сегодня большинство стран имеют свои критерии, в которых помимо численности поселения фигурирует характер деятельности, внешний облик населенного пункта.

С другой стороны, жизнь в городе не только приносит человеку экономические блага, но и деформирует личность, маргинализирует человека. Это тот аспект концепции *sustainable development*, который совершенно выпал из всех национальных документов и не обсуждается на уровне Организации Объединенных Наций. Жизнь в мегаполисах необратимо меняет человека, его психическую конституцию, системы духовных ценностей противоречит изначальной сущности человека: город

воспроизводит психическое расстройство как нарушение специфического человеческого способа существования.

Растущая концентрация людей в мегаполисе - это жизнь в одиночку, несмотря на давку в транспорте. В городе человек часто предоставлен сам себе, безразличен окружающим, не знает тех, кто живет по соседству. Современный житель города отличается от своих отцов и дедов, редко находит возможность для общения, политических коммуникаций. Индивидуализация потребления приводит к фрагментации и созданию субкультур, дробление идет по внешним признакам - пол, возраст, этнос.

Манипулирование массовым обществом происходит путем противопоставления разных групп - мужчин и женщин, стариков и молодежи, что приводит к разрушению традиционных коммуникаций, атомизации. Ж. Бодрийяр видит в этом симптом человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования. Перед нами целостное общественное явление, в котором находит отражение определенный универсальный процесс концентрации населения.

Условия мегаполиса способны существенно менять не только взаимоотношения людей, но и саму психическую структуру человека, это не просто смена образа жизни, а результат противостояния природы человека и городской реальности. Пропагандируемые стандарты оказываются за пределами того, к чему люди сегодня стремятся, они зомбированы условиями жизни в городах, средствами массовой информации, потерявшими чувство ответственности и рождающими опаснейшую обратную связь, разрушающую духовный мир человека. Нужно учесть рост населения, расширение сетей контроля, органов безопасности, коммуникации, распространение внесоциальности, эпицентром этого гравитационного провала и является современный мегаполис.

Переход от традиционных обществ к обществам индустриальным сопровождался ситуацией отрыва от корней. Это ощущение утраты целостных представлений о мире и потеря устоявшихся принципов решения проблем вызвали протест повседневного человека. Ситуация была определена как приход массового общества или восстание масс. Сама массовость стала восприниматься как основной принцип функционирования современного общества - от формирования стандартов поведения, потребления.

Реакцией человека толпы на вызов индустриальной культуры оказалось восстановление мифологии и подключение воображения как средства проживания в мире. Возможно, основная причина находится в поразительном совпадении практик повседневной жизни жителя мегаполиса с телесными и духовными практиками, сознательно применяемыми тоталитарными сектами для обращения в истинную веру. В городе, внешне предоставленные сами себе, мы живем за стеклом, с постоянно открытой

стенкой, по Мишелю Фуко – это паноптикон. Люди оказались в таком месте, где городские власти и комментаторы ТВ так же бесцеремонны, как вербовщики сект, некуда спрятаться, что заставляет почувствовать беспомощность сопротивления.

Интенсивность и особенности воздействия в условиях мегаполиса таковы, что их трудно приравнять к обычным, естественным способам социализации и жизнедеятельности. Однонаправленное воздействие характерно для деструктивных культовых групп, но равным образом свойственно городской среде в целом. Срок адаптации к пространству мегаполиса составляет четыре-пять лет, что подтвердит любой, прибывший в столицу из провинции. Существенное влияние на явно недостаточный интерес к российскому городу оказали идеологические факторы советского времени. В тот период город рассматривался в контексте коммунистической социальной доктрины. Во-первых, как своего рода социальная среда, на которую должна ориентироваться деревня. Во-вторых, как образцы коммунистической организации быта и производства, которые для деревни явно недостижимы. Вся методология коммунистического социологизирования по этому поводу сводилась к банальному принципу ликвидации существенных различия между городом и деревней, индустриальным и аграрным трудом, сельскохозяйственный труд превратить в разновидность труда индустриального. Сближение города и деревни в политическом и хозяйственном плане сводилось к многочисленным компаниям: создание агрогородов, посылка квалифицированной рабочей силы из городов на сельхозработы.

Город как объект социологического интереса, предмет для комплексного интереса как социокультурная, социально-экологическая система явно уходил в этих уровнях на второй план. В лучшем случае внимание уделялось городам-новостройкам, городам – спутникам, которые должны были олицетворять успехи коммунистического строительства. Определенный интерес имели крупные города - административные центры, в которых сосредотачивались партийные руководящие органы и органы хозяйственного управления. Однако в данном случае город воспринимался и описывался в большей степени не как элемент определенной социальной структуры, а как некий символ, олицетворяющий незыблемость социалистического общественного порядка, как метафора пролетарско-индустриальных амбиций власти. Здесь в основном был сосредоточен рабочий класс как объект различных идеологических спекуляций. В основном проживала партийная номенклатура и государственная бюрократия, которая зачислялась в интеллигенцию. В городах якобы формировались группы так называемых рабочих-интеллигентов, воплощающих в своих качествах черты новой социальной структуры и нового социального порядка.

В этих условиях и город, и деревня воспринимались общественным мнением, интерпретировались партийной идеологической машиной в основном в неких образах – символах, хотя тогда существовали города-захолустья,

маленькие городки с почти смешным образом жизни, привилегированные города - административные центры, на которые работала вся остальная Россия. Городская социальная структура была и остается многоуровневой в первую очередь. Есть города – витрины, своего рода декорации системы с развитой социальной инфраструктурой, высокими зарплатами своих жителей, с еще более высокими доходами представителей бизнеса. Рангом ниже города – областные центры с менее благоприятными социальными показателями. В самом низу городской пирамиды так называемые города областного подчинения, своего рода транзиты или перевалочные пункты миграционных потоков самого различного характера.

Это во многом механизмы сглаживания острых социальных противоречий, вызванных глобальной социальной трансформацией современного российского общества. Одно из основных противоречий заключается в том, что село перестало во многом быть основной продовольственной базой, а крупный город – благоприятной и сравнительно дешевой средой обитания. У деревни нет достаточных социальных и материальных ресурсов даже для простого собственного воспроизводства, крупные города стали во многом закрытыми социальными зонами. Это противоречие системного уровня, разрешить которое в рамках современной социальной и экономической политики не представляется возможным.

Город выступает как социокультурный феномен и социальная среда, ограниченная определенными историческими и естественно-географическими рамками, то есть город как продукт социального структурирования общества, как урбанизированная территориальная общность. Во-вторых, город есть среда и механизм их апробирования и внедрения наиболее современных социальных технологий, среда наиболее социально способная для восприятия таких технологий. В-третьих, город раскрывается как историко-культурный и социальный центр, являющийся центром притяжения сельского населения, стимулирования миграций, обеспечения подвижности населения. Город в целом рассматривается как поселенческая структура, сочетающая в себе передовые промышленные технологии, качественную рабочую силу, культурную среду.

В фокусе исследований одного из лидеров Чикагской школы Роберта Парка была демографическая информация и данные переписи, интервью и исторические данные с акцентом на городских социальных проблемах больше, чем на абстрактном теоретизировании о городской жизни. В этой школе города рассматривались как экосистемы, нуждающиеся в энергии для поддержания структуры, в которых действуют законы поселенческих рядов – например, трущобы, соседские общности, районы порока. В этой модели ученые анализировали изменение поселенческих моделей, например развитие гетто для афро-американцев, кто переехал в Чикаго в поисках работы.

Позже другие исследования включают в себя анализ систем бюрократического регулирования, городской политики, органов социальной

поддержки, обновления города, а также экономических условий, которые создают местное сообщество. Часть исследований сосредоточены на анализе систем формального социального контроля: полиции, судов, тюрем. Он определяет человеческое взаимодействие в терминах драматургической метафоры, анализируя человеческое поведение как серию театральные представлений. Ценность этого исследования заключается в его акценте на исключительной роли игры в человеческих интеракциях. В итоге это предоставляет работоспособный инструмент для анализа социальной городской структуры.

Другим объектом исследования в этой традиции стали домохозяйства, семьи и изучение социальных сетей. Анализ сетей коренится в изучении сельских сообществ и основывается на предположении что степень сегрегации в ролевых отношениях мужа и жены связаны напрямую со связанностью семейных сетей. В большинстве случаев такой подход является следствием стремления городских антропологов изучать социальную организацию небольших городских сообществ, анализируя их, также как более крупных институциональных властных структур. Некоторые из этих исследований берут за основу территориальную смежность, например исследования соседства, другие изучают социальные сообщества, сети взаимодействий, связывающие людей, как живущих по соседству, так и тех, кто соседями не является. Социальные связи в городах не локализованы, они рассеиваются от изначально существовавшего сельского пространства к большим этническим кварталам в городах.

Раса, этническая группа, класс и гендер как формы дифференциации и социального исключения, являются основными для наблюдения. Часто предметом исследования становится то, как категории расы и этничности формируют паттерны миграции и поселения, шанс найти работу, добровольные организации, общественные институты, доступ к работе и развлечениям, а также влияют на сохранение родственных отношений. Этничность, в частности, продолжает своё существование в городе в виде этнических районов, в таких добровольных ассоциациях как кредитные организации и похоронные конторы.

Пространство Модерна

Современная европейская цивилизация считается продуктом осуществления модернистского проекта, то есть всеми своими отличительными признаками она обязана эпохе модерна и модернистскому проекту. Наука, искусство, мораль индустрия, свобода, демократия, прогресс - продукт модерна, так же как достигнутое равенство, рациональная общественная организация, высокий жизненный стандарт и прочие достижения цивилизации. Модернистский проект, с точки зрения Л.Ионина, на данный момент вырождается, происходит подмена главного содержания: на место рационально обоснованного все чаще заступает просто новое. Новое ради

себя самого, не имеющее ничего общего с модернистским идеалом рациональности.

Постмодернизм является важнейшим течением последних лет, базируется на новых социальных тенденциях, в том числе и изменениях в социальной структуре. В рамках концепции постмодернизма культуре придается большее значение, чем ранее, в связи с этим пересматривается роль и предназначение социологии.

Модернизм контрастирует с традиционным порядком и подразумевает прогрессивную рационализацию и дифференциацию социального мира. Возникновение постмодернизма связано с поколением 60-х годов, когда людей с высшим образованием стало больше, что привело к тому, что интеллектуалы оказали решающее влияние на сознание публики и представителей деловых элит. Традиционные ориентации на бизнес, промышленность, науку сменились эстетизацией жизни. Отмечается появление новых культурных посредников как части среднего класса, которые вовлечены в процесс производства символических товаров, распространение, продажу, рекламу, в поддержку искусства и культуры. Они создают новые направления, моду и стиль жизни. Эти предпосылки сделали группу среднего класса более открытой к эстетическому опыту.

Постмодернизм по Бауману означает новый тип общественно-культурной системы, противопоставляющий себя модернизму и всему, что с ним связано. Модернизм обозначает новое время, но мы прошли современность и находимся за ней, в после-новом времени, определяется принятие множественности мира, которая является не временным состоянием, но составляющим качеством существования. К тому же, постмодернити означает эмансипацию от однозначной чистоты единообразия, смещая центральные для модернити признаки ценностей и утверждая разнообразие жизненных форм. Концепты модернити и постмодернити, центральные для социологии Баумана, не используются как эквиваленты равных позиций, как например, индустриальное и постиндустриальное общество, или капиталистическое и посткапиталистическое.

Они не используются Бауманом как синонимы модернизма и постмодернизма, терминов, обозначающих самоосознанные культурные и художественные стили. Модернити и постмодернити - это практика, которая может быть современной или постсовременной, преобладание моды как периода в интеллектуальной истории. Концепция постмодернити имеет одно преимущественное положение: аспекты мира, появившиеся после эпохи Возрождения и буржуазной революции, становятся центральным пунктом общественного дискурса. Свобода, равенство и братство были лозунгом эпохи модернити. Свобода, разнообразие и толерантность - формула эпохи постмодернити. Другими словами, это мирное сосуществование различных форм жизни: плюрализм культур, общественных традиций, жизненных стилей, идеологий и языковых игр.

Ю.Хабермас развивает концепцию системного и жизненного мира. Системный мир состоит из анонимных и деловых отношений на экономическом рынке или в государственной инстанции и координируется посредством денег и власти. Проблемой современного общества является то, что все больше колонизирует жизненный мир, а это значит, что человеческие действия все больше переходят в область системного мира, где господствует инструментальный разум.

2.2. ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Одной из содержательных пространственных форм выступает пространство социальных проблем. В действительности надо иметь в виду, что генезис, развитие, развертывание, решение этих проблем на самом деле еще темпоральны, и в конечном счете интегрирующим понятием должен выступать хронотоп социальных проблем.

Государство конструирует социальную иерархию гражданства, деля свое социальное пространство на зоны, наделяемые неравными ресурсами, при этом культурное поле выделяется как относительно автономный участок пространства. Социальное пространство прерывисто и распадается на социальные поля - основные его единицы. Именно социальное поле является объектом стратифицирующей классификации и включает в себя несколько основных компонентов: ресурсы, программы жизнедеятельности, средства коммуникации. Свобода выбора в современных обществах выступает в качестве одного из важнейших критериев ранжирования социальных полей. Чем она шире, тем выше социальный статус индивида.

Новые социальные дифференциации в России

Тогда как социальное неравенство в современном западном мире не является таким негативно окрашенным фактом, как прежде, а понимается как непохожесть, плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей. Структурные моменты происходящих в России изменений совершенно не соответствуют тому, что происходит на Западе, причина прежде всего в падении жизненного уровня большинства населения. Современное российское общество сильно стратифицировано, причем быстрый рост социального расслоения «накладывается» на крайне неблагоприятные показатели среднего уровня жизни россиян. Общая «стратификационная модель» имеет пирамидально-веретенообразную форму, когда большинство (2/3) общества сосредоточены в базовом слое, занятом малооплачиваемым исполнительским трудом средней и более низкой квалификации, «средний» слой, составляет около 1/4 населения и по своим характеристикам представляет относительно новый и перспективный элемент социальной структуры.

В России вместо биографизации жизненных планов население в своем большинстве ориентировано на выживание, что не предполагает

формирование долгосрочных стратегий, а дополнительные жизненные стадии не реальны из-за существования таких факторов как жилищный кризис, продолжительность жизни, величина пенсии и необходимость постоянного приработка для обеспечения собственного существования.

Жизнь рядового человека определена большим массивом общественно признанных знаний, встроенных в абстрактные системы, которыми он пользуется. При советской системе социальное ранжирование маскировалось официально-легальным мифом равенства и социальной однородности общества. Поведенческие стратегии определялись практиками притязаний данной страты на престиж. Самооправдание страт работников физического труда основывалось на мифе о классе-гегемоне, производящем общественные богатства; представителей свободных профессий - о причастности к таинствам творчества; научной, технической и медицинской интеллигенции - идеях служения и подвижничества. В напряжении между реальными и статусными позициями формировалась картина мира, определявшая правила игры.

Важным для контекста нашего общества является определение приватной и публичной сфер, поскольку в советском обществе существовала одновременная легитимность права писаного и права обыденного, легитимность границы между ними стала особой нормой. Этим сферам соответствовали в определенном смысле официальная публичная и приватная сферы. В приватной сфере можно было обсуждать все, в публичной сфере соблюдалось жесткое табу на происходящее, не регулируемой писанным правом. Часть процессов в обществе регулировалась обыденным правом, темы публичных обсуждений были сильно ограничены. Советский человек имел в своем распоряжении две сконструированные биографии, каждая из которой была релевантна для соответствующей сферы.

Понятие социального риска

Неоднородность общества, нелинейный характер социальных практик и эволюции культур свидетельствуют о нелинейном и гетерогенном характере социального пространства и времени. Мы живем в зеркальном мире и одновременно в зазеркалье, этот сложный мир невозможно описать в понятиях социальных и отчасти природных по своему происхождению рисков, страхов перед катастрофами и коллизиями природы, общества и террористами. Маргинальность, нетипичность, аномия – понятия, тесно связанные с понятием норма, типы, классы, социальная сфера, в социологии все эти понятия фокусируются в категории социальная проблема. Не возникает сомнения, что в увеличении из года в год числа бедствий на Земле прослеживается определенная закономерность. Можно предположить, что одной из причин ускорения катастрофических явлений на Земле является изменение масштаба исторического времени, его сжатие, дилатация. В средние века динамика жизни была невелика, на протяжении жизни одного поколения значимые исторические перемены практически не происходили. В

наше время человек подчас не успевает осмыслить происходящих перемен. Римская империя распадалась 500 лет, Советский Союз прекратил свое существование всего за одно десятилетие.

Расширяется пространство социального действия, но интенсифицируется содержание социальных практик и антропогенных процессов. Человечество могло переживать какие угодно экологические катаклизмы, не описывая их в категориях экологического или социального кризиса, целый ряд важнейших процессов и событий вызван глобальными и региональными экологическими потрясениями. Проблема риска в условиях реформирования российского общества является актуальной, разрабатывается во многих областях знания и имеет общенаучный статус, но в социологии изучена недостаточно, что затрудняет интеграцию знаний.

В последнее время в современных обществах все более осознается рискованность происходящего. Это осознание имеет место не только в связи с катастрофами технологического характера, буквально поражающими воображение. В результате хозяйственной деятельности человека возникает все больше экологических проблем, которые вторгаются в жизнь регионов. Однако риск в жизни общества присутствует не только на глобальном уровне, но и на уровне социальных организаций, групп, индивидов. Таким образом, вся человеческая деятельность оказывается пронизанной риском. Понимание этого позволило У. Беку ввести в научный обиход термин общество риска.

Стремительные темпы развития повлекли за собой помимо позитивных целый ряд негативных последствий, которые создают угрозу природе и самому человеческому существованию. Растет опасность, что увеличится нагрузка на общество, вызванная проведением научных экспериментов и использованием новых технологий. Это создает необходимость наблюдения, например, за ядерной энергетикой, вооружениями, использованием вредных химических соединений. Важно выяснить, в какой степени возможен риск при внедрении технологических инноваций в социальный организм, с какими демографическими, социальными и моральными последствиями придется столкнуться. При этом нельзя ограничиваться только поиском объяснений различных отклонений от нормального развития общественных процессов. Необходимо установить их причины, условия возникновения и закономерности протекания.

Вместе с тем в массовом сознании появляется понимание важности риска, состояния неопределенности и нелинейного развития, поскольку, по И. Пригожину, они являются неперенными условиями становления порядка из хаоса, становления и функционирования рыночных институтов, гражданского общества, политических систем и, наконец, развития свободы личности. Ведь риск подразумевает возможность и право выбора альтернатив, а также ответственность за последствия, вызванные соответствующими действиями. С одной стороны, без риска невозможно творчество, инновационная деятельность, прогресс, развитие общества. С

другой, - ошибки человека в хозяйственной деятельности, использовании техники порождают все новые угрозы для его существования. В целом риск их использования напоминает зигзагообразную кривую. После своего изобретения техника, постоянно совершенствуясь, становится все надежнее, но усложняется.

Между тем, именно открытие неопределенности копенгагенской школой физиков привело к признанию нестабильности мира - не капитуляции, напротив - приглашению к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет специфический характер этого мира. Следует распространиться с представлением, будто этот мир - безропотный слуга человека, и признать, что невозможно полностью контролировать мир нестабильных феноменов, социальные процессы, экстраполяция классической физики на общество опровергнута историей. В рациональности классического детерминизма риск отсутствует, он есть лишь там, где универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого социума. Многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора, означающего этическую ответственность.

К фактору глобализации и взаимосвязанности всего, что происходит в мире, добавился совершенно новый в мировой истории фактор - влияние техногенных катастроф. Это опасное сочетание приводит к тому, что индекс катастрофичности резко возрастает. Технологии обновляются бешеными темпами, вследствие чего уязвимость всего, что было искусственно создано человеком, растет быстрее. К тому же мы становимся свидетелями того, что человек часто не контролирует им же самим созданную технику. Переход к новому тысячелетию не стал для людей только радостным, в мире, в том числе в нашей стране, заметно возросло число природных и техногенных катастроф: поезда чаще стали сходить с рельсов, на угольных шахтах больше стало взрывов, увеличилось количество авиакатастроф, засух и наводнений, унесших жизни сотен тысяч людей. Ежегодно увеличивается число пострадавших от стихийных бедствий, терроризма, эпидемиологических, природных и техногенных катастроф.

С точки зрения общей теории катастроф никакой особенной специфичности у России нет, за исключением того, что износ технической инфраструктуры в отдельных областях составляет 60%. Россия находится по отношению к другим странам в выигрышном положении перед лицом катастроф, пространство территорий, ресурсы превращают ее в уникальную зону наследия территориальной экспансии русского империализма. Глобальное потепление, засухи, поднятие уровня моря и прочие катаклизмы принесут России минимальный вред, в то время как многие малые страны, столкнувшиеся с теми же проблемами, рискуют исчезнуть с лица Земли. Если конкретный физический эпицентр тех или иных бедствий будет проходить по ее территориям, мы все равно останемся периферией по отношению к катастрофе, так как из-за огромных размеров России всегда

останутся чистые, не захваченные непосредственной катастрофой земли. Если бы сегодня существовала Атлантида и вдруг погрузилась на дно океана, это действительно стало бы общемировой катастрофой. Но для исторического сознания тех времен эта катастрофа, если она действительно имела место, произошла незаметно, подавляющее большинство людей этого просто не заметили. Сегодня век катастроф, все пространство Земли и космоса стянуты для человека в одну точку, которая находится на экране его телевизора.

Социальная сфера и маргинальность

Социальный риск, социальный страх и социальная маргинальность, нетипичность – понятия, тесно связанные с понятием социальная сфера. Социальная сфера связана с повседневной жизнью человека, удовлетворением потребностей в социальных, образовательных, медицинских и культурных услугах, пище, жилье, одежде, спорте, рекреации, освоении культуры, социальной защите, коррекции, реабилитации. Еще В.Вернадский подчеркивал недостаточность природного объяснения ноосферного существования человека, то есть развитие человека детерминировано культурой, экономическими, социальными ресурсами.

Наиболее удобный путь привлечь внимание к проблеме маргинальности в постсоветском пространстве – это описать множество распространенных предрассудков о маргиналах, которые могут относиться к приблизительно 25 млн. людей, оказавшимся вне исторической родины. Это множество предрассудков варьирует от открытой враждебности и предубеждения до нейтрального или даже благожелательного отношения к мигрантам, негражданам, двойным гражданам, соотечественникам за границей. Эти повседневные представления могли бы послужить исходным материалом для социологического определения этого феномена, которое отражало бы специфику современной постсоветской социальной реальности. Первая попытка найти адекватный инструмент для социологического анализа приводит к изучению маргинальности в классической социологической теории; это показывает отношение этого понятия к устоявшимся проблемам социологического дискурса: порядок-конфликт-хаос, самоидентичность, коммуникация. Проблема Чужого (Stranger) находится среди социологических тем, имеющих отношение к маргинальности.

Для преодоления амбивалентности популярного представления о маргинальности полезно установить отношения этого термина с базовыми социологическими концептами, которые используются главным образом для того, чтобы выйти на понятие маргинальности. Здесь будет достаточно вспомнить исследования Зиммеля о Чужом как о «сосуществовании близости и отдаленности». Все эти типы Чужого исходят из основного отношения Хозяин – Чужой и его эмоционального характера (степень принудительного дружелюбия или враждебности).

Это не только характеристика свойств каждого из типов отношений;

не только факторы, определяющие вхождение человека в тот или иной тип отношений; не только перемещение личности от одного типа к другому. Скорее это сам процесс становления людей маргиналами; процесс самого появления маргиналов; последствия этого процесса – одним словом – вопрос в том, как вообще люди приходят к этим типам, что заставляет их становиться маргиналами и вести себя как маргиналы.

Важны исследования мотивации – почему люди становятся Чужими; не говоря уже об исследовании сил и процессов, не зависящих от человеческих намерений, которые делают личность маргиналом (иногда человек не знает, что он чужой в группе; иногда ни человек, ни группа не осознает, что человек стал чужим – как в случае с российскими гражданами). Другой вопрос – как классифицировать среди названных типов (в рамках отношения хозяин – чужой) такой характерный для постсоветского процесса маргинальный тип как «Возвращающийся домой» (Homcomer), Космополит, Беженец и особенно многочисленный тип, как Отчужденный Местный житель (Estranged Native). В конце концов, как быть с отношением «Хозяин - чужой», когда Хозяин и Чужой постоянно меняются местами в этой связке, и ассимиляция заменяется диссимиляцией (как это происходит с постсоветскими маргиналами).

Другой способ определить маргинальность берет «идентичность» и «участие» («причастность») как исходные структуры (фреймы). Идентичность и участие облегчают общую классификацию дефиниций подходов к маргинальности: в любом случае определения маргинальности «конструирование идентичности» может рассматриваться как «участие». Этот подход к изучению маргинальности является скорее деятельностным и относится к изучению субъективных причин маргинальности. Он может быть дополнен и сравнен с изучением функций маргиналов в социокультурном аспекте, а также с изучением форм маргинальности в связи с процессами десоциализации и ресоциализации.

Такая точка зрения обеспечивает негативный аспект определения маргинальности. Отклонение от норм участия к противоположному пределу – избытку участия – располагает маргинала между различными видами социальных границ, которые делят социальную реальность и цементируют социальный порядок. Это тот позитивный аспект определения маргинальности, на котором акцентировал внимание Р.Парк и который описывает позицию маринальности как ту, которая находится между мирами, культурами, социальными мирами, не идентифицируясь полностью ни с одним из них.

Оба аспекта определения – позитивный и негативный – влекут за собой также функциональное значение: маргинал обладает универсальной социальной дистанцией, позволяющей ему быть наблюдателем, и, более того, дающей ему критерий наблюдения (нормы социального, культурного, политического порядка «за границей» могут служить таким критерием). Это дает возможность инструментальной операционализации Чужого. Таким

образом, использование маргинализации делает вклад в развитие саморефлексии и самоидентификации общества, помогая понять, на что общество не похоже. Другое функциональное преимущество маргинальности заключается в том, что она дает возможность объяснить социальные изменения и как результат системного кризиса, и как перманентное состояние сложной стратегической ситуации, которая заключается, по Фуко, во взаимодействии между неравными и мобильными социальными отношениями.

Это помогает избежать необходимости допускать состояние перманентного системного кризиса. Такие изменения не обязательно требуют конфликта, но тут возникает парадокс: разрешение такой ситуации требует парадоксальной стратегии, что не исключает полностью альтернатив, а напротив, делает возможным их сохранение и воспроизводство. Состояние маргинальности и наличие маргиналов, кроме того, не только генерирует неоднозначность, противоречие социальных позиций (что актуализирует проблему социального контроля), но также обеспечивает набор альтернатив для решения сложных ситуаций. Другими словами, маргинальность – это существенная черта эволюционного развития, когда нет линейных, детерминистских отношений между определенным событием (война, революция) и социальной мутацией; изменения захватывают большой диапазон недоступных прямому наблюдению состояний. Маргиналы и Чужие конституируют социальные и культурные изменения, накапливая и передавая их незначительные оттенки. Негативный – дисфункциональный аспект маргинальности – особенно заметен на институциональном уровне социального порядка, особенно это видно во время институционального, системного кризиса, когда маргиналы становятся результатом такого кризиса, когда материала для социальных изменений есть в избытке.

Соотношение между понятиями «фронтир», «институциональная граница», «социальный конфликт как форма социальной границы», «пространственное измерение маргинальности» - это особая область изучения. Определение маргиналов и самого процесса маргинализации предполагает наличие понятия границы, края, лимита. Кроме статики, тут появляется динамический аспект – когда установленные институциональные границы, их ясные очертания сдвигаются под влиянием социальных изменений и становятся «фронтирами», соответственно, маргиналы становятся основными агентами изменения линий границы.

Постимперский случай связан с процессом маргинализации, который происходит в условиях возникновения границ, умножения границ (пространственных, институциональных, символических); исходные формы разваливаются на куски, и диффузные, эфирные, свободно парящие формы, по Ионину, становятся средой для вновь сформированных сгустков социальной реальности. Маргинал здесь стоит перед выбором: присоединиться к новым формам социальной организации, принять новые формы отношений, идентифицироваться с ними – одним словом, войти

внутри этого ограниченного бытия. Таким образом, маргинал в этом случае пытается скорее спастись, избежать контактов с границами и ясно очерченными линиями, чем комбинировать или сглаживать их.

Фаза изменения социокультурных форм, расширение или сужение социального пространства порождает проблемы и перспективы, связанные с новыми интерпретациями постсоветского социокультурного контекста как «империи». Само присутствие «постсоветского пространства» в политическом дискурсе и практике свидетельствует о наличии социального образования без определенных границ (ведь границ Союза уже не существует), однако значение и содержание этого образования вполне реально. Таким образом, маргиналов можно описать как агентов империи. Это приобретает значение, когда новый демократический порядок рассматривается как результат пространственной трансформации. Здесь проблема маргинальности соединяет сферы политики и культуры, а процесс маргинализации является ферментом политической трансформации и реидентификации, служит контраргументом унификации и массовизации современных демократий.

Природа и конструирование социальных проблем

Социальная сфера выступает сложной и многогранной средой обитания, системой жизнедеятельности человека, включая позитивные и негативные стороны: социальное здоровье, благополучие, занятость и одновременно безработицу, преступность, алкоголизм, наркоманию. Более половины населения мира урбанизировано, что оказывает влияние на социальное здоровье человека и состояние социальной сферы в качестве так называемого третичного сектора экономики, слабость которого говорит о недостаточной цивилизованности, отсутствии стратегий равного доступа к материальным и духовным ресурсам. Обусловленная потребностью культурного и физического воспроизводства человека, эта сфера включает важнейшие социальные институты: образование и наука, культура и искусство, социальная защита и занятость, физкультура и спорт, туризм и торговля, общественные и религиозные организации, средства массовой информации. Роль социальной сферы раскрывается в фокусе пересечения культурной, производственной, политической сфер как условия жизненного успеха человека.

Социальная сфера объединяет различные культуры через общность культурной идентификации, базовых культурных образцов в сферах религии, семьи, традиций, институционализированных культурных текстов, плюрализацию жизненных стилей (Л.Ионин). Социальная политика выступает процессом либерализации социальной сферы, преобразования социальных систем в направлении совершенствования механизмов функционирования культур. Устойчивость социальной жизни зависит от того, как общество и государство соединяют экономические свободы и идеалы социальной сферы, реализуя служение человеку, а не приспособление

человека к политике. Новая социальная иерархия вырастает из старой, использует ее как свой фундамент.

В таком случае социального пространства нет без социальной стратификации, без социальных проблем. Сегодня возрос интерес к переосмыслению классического наследия и работ современных западных социологов, что проявилось в появлении ряда работ по истории теорий социальной стратификации: В.Ильин, О.Шкаратан, В.Радаев. В конце советского периода истории появился ряд работ Т.Заславской, Р.Рывкиной, З.Голенковой, развивавших эту традицию. В постсоветский период исследования слоевой структуры, наиболее близкие традициям американской социологии, стали развиваться уже без всяких ограничений. Идея бесклассового характера советского общества выросла в концепцию этакратического общества, сформулированную в работах О.Шкаратана и В.Радаева (1991, 1992), западногерманского социолога В.Теккенбергера. В работах Т.Заславской и Р.Рывкиной была дана обобщающая картина всей слоевой структуры советского общества, в которой уже не нашлось места псевдоклассам сталинского типа.

Еще в начале XX в. М.Вебер и П.Сорокин отмечали, что ликвидация частной собственности не будет означать установление социального равенства и что на смену господству имущих классов придет в таком обществе господство бюрократии. Это ключ к пониманию принципиальной разницы капиталистического и государственно-социалистического обществ: в первом системообразующей является классовая структура, во втором - властно-административная. П.Сорокин одним из первых описал общество как совокупность различных стратифицированных социальных структур, каждая из которых обладает своей автономной логикой развития.

В книге Т.И.Заславской и Р.В.Рывкиной “Социология экономической жизни” (1991) этот подход получил развитие. Социальная структура представлена здесь как совокупность ряда частных структур: организационно-управленческой, этнодемографической, социально-территориальной, профессионально-должностной, социально-трудовой, семейно-хозяйственной.

Существуют две теоретические традиции - структуралистская и конструктивистская, объективистская и субъективистская. Первая традиция заложена в первую очередь К.Марксом, Э.Дюркгеймом, вторая феноменологами и этнометодологами. В настоящее время прослеживается тенденция к их интеграции, снятию противоположных подходов, на которых они акцентируют внимание. Наиболее основательно теоретический синтез структурализма и конструктивизма проработан в трудах Пьера Бурдьё.

Невидимое социальное поле структурирует деятельность людей. Поскольку разные его участки более или менее существенно отличаются друг от друга с точки зрения влияния на достижение людьми своих целей, удовлетворения потребностей, постольку социальная структура приобретает иерархический вид. В западном обществоведении последних десятилетий получила

распространение традиция понимания пола и расы как результатов социального конструирования. Этот общетеоретический подход в данной работе применяется для анализа широкого круга социальных структур советского и постсоветского обществ. Важным срезом социальной иерархии является символическое взаимодействие, отражающее и поддерживающее эту иерархию. Толчок размышлениям в этом направлении дал Т.Веблен. Современная зарубежная, особенно французская, социология потребления уделяет внимание этой проблематике.

Не каждая проблема в жизни обычного человека может оказаться в центре внимания государства, стать предметом законодательных реформ или причиной реструктуризации системы социальной политики. Почему те или иные события или явления, ситуации или условия начинают определяться как социальные проблемы, вероятно, зависит от того, каковы их последствия, а также от того, как на них может влиять общество или отдельные субъекты – акторы. Осознание некоего дискомфорта или трудной ситуации как насущной социальной проблемы влечет за собой поиск ее причин и зачастую связано с идентификацией ее виновников или носителей, а также и субъектов или инстанций, отвечающих за ее устранение. Эти проблемы во всем мире выступают важнейшими предметами исследований и политических решений. В стремлениях определить природу социальных проблем содержится признание их комплексного характера и зависимости от интерпретаций. С начала 80-х годов XX столетия в социологической литературе по теории социальных проблем было выработано согласованное определение социальных проблем, опирающееся по преимуществу на нормативный подход. Тем не менее это определение имеет авторские вариации в различных источниках, в зависимости от той или иной теоретической перспективы, а с конца 1980-х годов оно пересматривается и критикуется представителями социального конструктивизма. Классический нормативный аспект звучит в определении Р. Мертона и Р. Нисбета: «Социальная проблема существует, если есть значительное расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть». Здесь акцентируется некое отклонение, девиация, но не вполне ясно между чем: существующим и воображаемым или существующим и существующим. Кроме того, возникает вопрос о том, кто эти люди, полагающие «правильный» порядок вещей.

Социальные проблемы становятся таковыми, когда они отвечают следующим четырем взаимосвязанным критериям: социальные проблемы – это 1) социальные условия, ситуации или явления, 2) несовместимые с ценностями 3) значимого количества людей, соглашающихся с тем, что 4) необходимы действия, ведущие к изменению.

Согласно первому критерию, условия должны иметь определенное социальное происхождение, то есть вызываться человеком, группами или сообществами. Например, землетрясение само по себе не может быть названо социальной проблемой, хотя это оно и вызывает социальные последствия. И напротив, распад, вызванный социальными условиями, послужил толчком к

миграционным процессам, которые, в свою очередь, сопровождались многочисленными проблемами беженцев и вынужденных переселенцев.

Кроме того, социальность проблемы, как полагает Р. Ленуар, имеет два смысла. Первый происходит от социальной экономики, адресной политики и социального законодательства. Второй отсылает к отношениям между социальными группами, социальным конфликтам. Рассуждая о социальной проблеме как предмете социологии, представитель французской социологической традиции акцентирует следующую не менее существенную двоякость термина. Социальные проблемы могут рассматриваться как социальные обстоятельства и как проблемы общества. Например, если в фокусе внимания эмигранты, то проблемами могут считаться как их собственные проблемы, так и проблемы, которые возникают перед обществом в связи с ними и которые, в свою очередь, создают проблему для самих эмигрантов.

Второй критерий определения социальных проблем – это несовместимость явлений с общественными ценностями. Иными словами, условия должны создавать явную, скрытую или потенциальную угрозу определенным ценностям и интересам, быть нежелательными, нарушающими порядок, неприемлемыми или девиантными. И первый, и второй критерий подчеркивают объективность социальных условий, вызывающих проблему: то, что несовместимо с ценностями и что, несомненно, реально производит негативный эффект. В отличие от нормативного подхода конструктивистский подход обозначает условия как «предполагаемые», и доказать их статус в качестве катализаторов реальной проблемы можно, выдвинув утверждение об аморальности или несправедливости этих условий. В этом случае ведущую роль играет деятельность по выдвиганию таких утверждений или требований. Поэтому для представителей социального конструктивизма социальная проблема есть социальный конструкт или то, что воспринимается как проблема.

Ощутимым вкладом в современную теорию социальных проблем являются идеи представителей социального конструктивизма, предложивших радикально иное направление размышлений и противопоставивших субъективизм прежним объективистским представлениям о приоритете социальных условий. Новизна этого подхода состояла в признании социальных проблем в качестве подвижных социальных конструктов¹⁴.

В определении М. Спектора и Дж. Китсьюза главенствует понятие деятельности, а точнее, деятельности по формулированию утверждений и выдвиганию требований относительно тех или иных условий. Согласно их точке зрения, социальные проблемы определяются через деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и отстаивающих требования относительно некоторых предполагаемых условий. Центральным вопросом в теории социальных проблем становится объяснение

---

¹⁴ Подробнее см. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. Под ред. Е.Ярской-Смирновой и П.Романова. М.ИНИОН, 2003

возникновения, природы и регулирования деятельности по выдвиганию утверждений и требований, а также соответствующих действий, направленных на решение социальных проблем.

Деятельность подразумевает активность и процессуальность, поэтому внимание в теории Спектора и Китсьюза концентрируется на «социальной карьере» или «жизненной истории» социальной проблемы. Согласно конструктивистскому восприятию, социальная проблема проживает несколько стадий:

Стадия 1. Агитация. Жертвы проблемы, заинтересованные группы, общественные агитаторы желают получить публичное признание проблемы и инициируют ее обсуждение.

Стадия 2. Легитимация и кооптация. Официальное признание проблемы. Официальные органы определяют и начинают контролировать проблему и выбирают легитимных лидеров из групп, выдвигающих требования.

Стадия 3. Бюрократизация и реакция. Бюрократическое взаимодействие с проблемой, заинтересованность властей скорее в контроле над недовольными, нежели в изменении социальных условий, не удовлетворяет протестующую группу. Судьба проблемы может зависеть от организационных особенностей государственных служб. Бюрократическое реагирование может быть направлено на рассогласование протестующих групп.

Стадия 4. Возобновление движения. Отвержение протестующими группами официальных ответов или отсутствия государственных решений. Развитие новых, альтернативных решений и организаций. Появление социальных реформаторов, общественных деятелей.

Добавим, что еще задолго до появления идей конструктивизма в рамках ценностного подхода Р. Фуллером и Р. Майерсом была предложена идея о динамике развития проблемы через стадии 1) осознания, 2) определения политики и 3) реформы. Эти авторы еще в 1930–40-е годы определяли социальные проблемы как те условия, которые считаются социальными проблемами. Во всяком случае социально-конструктивистские объяснения фокусируются не на самих социальных проблемах, а на процессе, посредством которого социальные проблемы идентифицируются, а также на социальных акторах, которые идентифицируют эти проблемы. С точки зрения конструктивизма объектом социологического анализа является не совокупность социальных условий, а деятельность людей, воспринимающих эти условия как проблемные. Социолог, например, не может выступать как эксперт по проблеме, только как эксперт по утверждению проблемы.

По-своему подходят к исследованиям социальных проблем представители французской школы конструктивизма, которые не фокусируются в решающей степени на деятельности социальных акторов. Так, Р. Ленуар, несколько дистанцируясь от ранее обсуждавшихся конструктивистских подходов, артикулирует два ключевых процесса: признание и институционализацию. Субпроцессами признания могут быть давление и

выражение, использование силы слова и социальных сил, государственное освещение и работа по легитимации. С другой стороны, легитимация не выводится лишь из публичного признания проблемы, но предполагает особую деятельность по ее продвижению для внедрения ее в поле актуальных социальных забот. Происходит процесс институционализации, сопровождаемый бюрократизацией социальных отношений. Проблема вязнет в дискурсах учреждений, а государство стремится рационализировать ее решение в позитивистской риторике социальной политики.

В современных дебатах о социальном конструктивизме ряд постулатов подвергается критике. Указывается, в частности, что деятельность по выдвиганию утверждений и требований о социальных проблемах является типом коллективного поведения, таким образом, исследования социальных проблем могут быть объединены в независимую область социальных движений. Некоторые авторы, например, Дж. Холстайн и Г. Миллер расценивают дискуссии о социальных проблемах в качестве инструмента борьбы за общественное мнение, активно используемого конкурирующими политическими группами. Например, конкурсы общественных проектов или социальных заказов предлагают пространство для подобных соревнований, в то время когда инициативные группы вынуждены сражаться за финансовую поддержку из фондов. Каждый проект представляет свой предмет как наиболее актуальный, нацеленный на решение проблемы первоочередной значимости, будь то озеленение города, создание нового подросткового клуба или кризисного центра для мужчин.

Наибольшее количество критических замечаний социальный конструктивизм заслужил за так называемый селективный объективизм, поскольку предполагает, что процесс социального конструирования является неотъемлемой частью социального мира. Однако социальный мир существует независимо от его описания социальными конструктивистами. Этот присущий конструктивизму феномен называют онтологической махинацией или подтасовкой фактов. Слабостью социального конструктивизма признается недостаточная рефлексия взаимосвязи субъективных, интерсубъективных процессов и социальной реальности, невнимание к причинам социальных проблем. Ответом на критику стало возникновение нового подхода – контекстуального конструктивизма, то есть теории, которая признает зависимость от контекста, в отличие от строгого конструктивизма.

Согласно представителю контекстуального конструктивизма Дж. Бесту, любое утверждение социальной проблемы может быть оценено с приемлемой вероятностью, если использовать статистическую и другую доступную информацию относительно условий, которые упоминаются в этом утверждении. Это помогает понять, почему некоторые условия воспринимаются как реальные, а другие – как ложные социальные проблемы. В рамках этого подхода реальными социальными проблемами являются те условия, в отношении которых были успешными как сделанные

утверждения, так и рекомендованные действия по их смягчению или устранению.

Контекстуальные конструктивисты также используют собственную оценку утверждений о социальных проблемах, чтобы определить новые и прежде «неопознанные» социальные проблемы. К примеру, насилие над женщинами в семье постепенно начинает распознаваться в России как острая социальная проблема. Движение Кризисных центров для женщин завоевало прочные позиции и играет важную роль в осмыслении и преодолении этой проблемы. В то же время, домашнее насилие над пожилыми родственниками редко приобретает такой статус и рассматривается как в большей степени трудности детско-родительских отношений. Так же, как и за рубежом, пожилые россиянки, становясь жертвами насилия со стороны собственных детей и других родственников, причисляются к категории с иными критериями оценки.

Необходимо отметить, что в рамках нормативного подхода также встречается дифференциация социальных проблем на явные и скрытые. Так, Р. Мертон усматривает задачу социологии в идентификации условий скрытых проблем. Социологу необходимо продемонстрировать их направленное или потенциальное значение для общества, то есть проявить латентные социальные проблемы. Говоря о нормативной перспективе в изучении социальных проблем, некорректно абсолютно противопоставлять ее социальному конструктивизму, так как оппозиция эта и не может быть бинарной, ведь существует, по меньшей мере, несколько теоретических подходов в отношении социальных проблем. Кроме того, у разных подходов есть свои сильные стороны. Например, одним из преимуществ позитивистского подхода является то, что в его рамках представляются наиболее ясные объяснения социальных явлений как проблемных, а также предлагает убедительные аргументы, способные направлять политику и убеждать публику.

В социологии социальных проблем рассматриваются практически все общеизвестные теоретические школы, поскольку социальная проблема, как можно видеть, является одним из ключевых социологических концептов. Так, В. Минина в аналитическом обзоре теоретических перспектив социологии социальных проблем обобщает две традиции. К первой она относит функциональный, конфликтно-ценностный и нормативный подходы. Вторая традиция связывается с позицией критического силового конфликта и конструктивистского подхода к социальным проблемам.

Характерной иллюстрацией может служить восприятие социальных проблем в Советском Союзе, где они назывались явлениями, чуждыми социализму. Поскольку в государстве доминировали ценности авторитарной политической системы, все, что было с ними несовместимо, являлось социальной проблемой и отрицалось. Кроме того, некоторые проблемы политизировались, например преступления против общественной собственности, разводы, стили одежды, музыкальные вкусы, религиозные

убеждения и даже низкий уровень рождаемости. Вместе с тем многие явления, открыто именовавшиеся негативными за рубежом, не считались таковыми: дискриминация женщин, домогательства на рабочем месте, нарушение прав человека, насилие в семье. Наконец, такие явления, как проституция, наркомания, суициды, попрошайничество, бездомность, не признавались и не выносились на публичную дискуссию. Идеологические механизмы советского типа регулировали способы определения проблем. Лишь после распада СССР политика гласности сделала возможным сравнительный анализ в этой сфере.

В качестве одного из критериев, например, взято за основу наличие значимого количества людей или некоторого числа «значимых» людей, необходимых для определения социальной проблемы. Эта социальная группа может быть рассмотрена с двух позиций. С одной стороны, это те, кто обладает возможностями влиять на общественное мнение и определять ту или иную ситуацию как социальную проблему. С другой стороны, речь может идти о «проблемной группе», то есть о тех, кто представлен в качестве жертв или носителей социальной проблемы. Причем один статус не исключает другого, что становится особенно очевидным в случае применения социально-конструктивистских подходов. Следует также отметить, что некоторые проблемы могут рассматриваться воздействующими на все население, а другие – в связи с определенными индивидами или социальными группами – однородными в отношении возраста, этничности, географического расположения.

Зачастую уязвимыми группами становятся именно нижние слои социальной иерархии, что позволяет определить эти группы как проблемные. Социальная среда и прошлый опыт этих групп влияют на возникновение и исчезновение социальных проблем, и то, что испытывают одни, вряд ли характерно для других социальных слоев. Вместе с тем это утверждение не имеет абсолютного характера, и вряд ли можно выработать «иммунитет» к тем или иным социальным проблемам. Действительно, верхние слои социальной иерархии, которые хотя и в большей степени защищены от бедности, низкого качества медицинского обслуживания и безработицы, остаются уязвимыми к таким социальным проблемам, как наркомания, алкоголизм, проституция, суицид.

Насколько велика должна быть проблемная популяция, чтобы это стало волновать все общество? Существует ли статистический предел, магическое число или объективный показатель «проблемности»? Должны ли именно 7 % безработных и 25 тыс. смертей от дорожно-транспортных происшествий считаться свидетельствами социальных проблем? Значит ли это, что в случае уменьшения этих показателей социальные проблемы перестанут считаться таковыми? М. Сорока и Дж. Брайяк пытаются ответить и на вопрос, сколько человек должны начать беспокоиться о ситуации, чтобы она рассматривалась как социальная проблема. Эти авторы отмечают, что условие становится проблемой, если оно субъективно определяется в качестве проблемы

влиятельными представителями данного сообщества, хорошо организованными группами, теми, кто наделен властью или харизматическими индивидами. В число тех, кто влияет на определение ситуации, могут входить политики, журналисты, бизнес-элита, общественные деятели, а также представители «помогающих» профессий, в том числе социальные работники.

В Советском Союзе именно идеология во многом обеспечивала критерии для идентификации социальных проблем. Вместе с тем даже в социалистический период люди усматривали в основе определенных социальных проблем «теневые контракты» системы: существовали гласные и негласные темы, первые официально обсуждались, а вторые только подразумевались. Дело в том, что даже в самом тоталитарном обществе существует пусть и незначительный, но важный разрыв между интерпретацией реальности населением, с одной стороны, и интерпретацией той же реальности в средствах массовой информации и государственной идеологии в целом – с другой.

Дискуссии по проблемам в обществе часто происходят в семейной и иных частных сферах. П. Бергер замечает, что члены общества извлекают знание о социальных проблемах из своего повседневного опыта. Поэтому не стоит преувеличивать значение средств массовой информации в отношении степени их влияния на общественное сознание. Речь, в частности, о том, что информация, поступающая из таких официальных источников, как телевидение, радио, газеты, во многом корректируется людьми в соответствии с их собственным повседневным опытом.

Иным критерием определения социальных проблем можно считать указания на необходимость и возможность преодоления проблемной ситуации, содержащиеся в определении или описании проблемы. Она должна поддаваться разрешению и устранению или, по крайней мере, ослаблению. Этот акцент на необходимости сделать что-либо звучит как заключительный аккорд подавляющего большинства публичных комментариев: упразднить, ликвидировать, разрешить, сделать мишенью для пробных коррективных социальных мер, исправить посредством коллективной акции. Любая теоретическая перспектива рассмотрения социальных проблем, по мнению И. Рубингтона и М. Вейнберга, должна учитывать четыре аспекта: «Причины, то есть идеи о природе этого процесса и факторах, которые продуцируют социальные проблемы; условия – среду, в которой причины социальных проблем вероятнее всего проявятся; следствия – вероятные негативные эффекты; решения – меры, не обязательно явно установленные, но имплицитно содержащиеся в анализе проблемы».

Представление о том, что в отношении социальной проблемы возможны и необходимы действия, ведущие к изменению, – это одно из современных дополнений к восприятию социальных проблем. Именно в том случае, когда условия называются проблемными, появляется устойчивое словосочетание «решить проблему», и возможность изменения проникает внутрь самого

понимания социальной проблемы. Любое современное исследование безработицы, наркомании, сиротства и любых других социальных проблем предполагает практические рекомендации на макроуровне социальной политики или интервенцию в проблему на уровне конкретного региона, организации или даже определенного проекта этой организации.

Социальное неравенство

Существует множество определений социальной структуры, которые значительно отличаются друг от друга и содержат противоречивые элементы. В одних сопоставляется структура и культура, в то время как в других культурные символы и идеи рассматриваются в качестве самой сути структуры. Некоторые авторы концептуализируют структуру в форме теории, другие считают, что социальная структура существует во внешней реальности и представляет собой не теорию, а то, что необходимо объяснять с помощью теории. Ряд авторов определяет структуру с точки зрения статусных и должностных различий, влияющих на социальные отношения, наряду с авторами, определяющими социальную структуру в терминах моделей социальных отношений, из которых выводятся статусные различия. Одним из исследователей, последовательно разрабатывающих это направление, выступает российский исследователь В.В.Ильин. В его определениях отражены, как правило, два основных момента: системно-организационный и стратификационный. С одной стороны, социальная структура есть система отношений, организующих общество в единое целое. С другой стороны, социальная структура - это совокупность статусов, групп, слоев или классов, организованная в иерархическом порядке, то есть не имеющих равного доступа к ресурсам, которыми обладает социальная система. Там где не учитывается момент иерархической организации социальной структуры, определение можно считать не полным, поскольку не учитывается основной момент - социальное неравенство.

Неравенство индивидов и групп является изначальным признаком социальной структуры, который делает возможным ее существование в системном качестве. Происхождение неравенства получило свое подтверждение в анализе традиционных (так же их называют простыми или примитивными) обществ и их культур. Обоснование этого тезиса можно найти в исследованиях социальных антропологов Рэдклифф-Брауна, М.Фортса, М.Мосса, которые социальную структуру относят к эмпирической реальности, то есть наблюдаемым группам и иерархиям, разделяющим. В рамках традиционных культур классификация неравенства воспринималась как часть божественного порядка, воплотившегося в социальную сферу, иерархию сословий и каст.

Неравенство - это эмпирический факт, все люди различаются каким либо образом, но, важно заметить, не каждое различие социально значимо. О социальном неравенстве можно говорить тогда, когда по какому либо параметру человеческое неравенство закреплено институционально и сделано

базисным принципом классификации. Классическая социология строила типологию социальных систем по принципу старое - новое, консервативное - прогрессивное. Социологи концентрировали внимание на разных типологиях социальных общностей и масштабах систем, но на социальном уровне все они анализировали два важнейших типа обществ: доиндустриальное и индустриальное (или современное). Согласно Э. Дюркгейму социальное пространство рассматривается как способ соединения социальных явлений, оказывающий влияние на образ жизни социальных общностей. В социальном пространстве агенты, занимающие сходные позиции, находятся в сходных условиях, имеют шансы производить сходные практики. Социальные дистанции по Бурдьё вписаны в отношения к телу, языку, времени, а физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация прошлых и настоящих социальных отношений.

Гуманизация пространства в соотношении с представлениями о картине мира в современных точных науках приводят нас к пониманию, которое в известном отношении ближе к мифопоэтической концепции пространства, чем к усредненному и шаблонизированному бытовому образу пространства, с одной стороны, и к идеальному геометрическому пространству Ньютона, с другой. Генетические истоки дискуссии относятся к периоду классической науки и философии. Позже тяготел к геометрической параметризации и субстанциализации пространства и времени П.Сорокин, тогда как П.Бурдьё готовил начинку этих категорий из социальных практик, жизненных стилей. Переход от тела как естественно природного к телесности как социально сконструированному феномену осуществляется в социальном пространстве, определяясь социальным контекстом, культурной ситуацией.

Современная урбанизация является мощным стимулом ломки традиционных форм социальной организации. П. Бурдьё охватывает всю область социального пространства, объединяя оси экономических, властных, социальных и культурных измерений, подчеркивает значение культурных ресурсов, хабитусов и социальных практик в социальном структурировании. Социальное пространство представляет собой динамичное многомерное образование, бесконечно продуцирующее новые групповые солидарности и находящееся в постоянном поиске равновесных состояний. Обобщающими характеристиками социального пространства могут быть уровень его организации и проявляемая мера энтропии (неорганизованности). эмпирические исследования социальной стратификации в такой перспективе преимущественно фокусированы на изучении выборов жизненных стилей.

Любой выбор жизненного стиля всегда мотивирован потребностью солидаризации с желаемой позицией, усиления субъективного статуса и дистанцирования от других. Многие из того, что происходит сейчас на пространствах, которыми недавно управляли из Лондона, Парижа и Москвы, является последствием тех решений, которые принимались в метрополии столетия назад. Судьба населения завоеванных территорий могла быть

разной - некоторые племена сметены с лица земли, другие - уцелели и во многом сохранили прежний уклад жизни под властью новой власти. Возможны промежуточные варианты - от полной ассимиляции до почти полного сохранения традиционных структур.

Нарушения, белые пятна в социальном пространстве предполагают аккумуляцию власти, на этом фоне возникают условия разобщённости и деградации социального, что позволяет реанимировать большую часть насильственных взаимодействий. Представление о социальном как поглощающей власти структуре означает, что сама социальность насилия не предполагает. Но вместе с тем, исследования меж- и внутр поколенческой мобильности, моделей потребления, различий во вкусах, стилях жизни демонстрируют социальное пространство, по П. Бурдьё, - это пространство связей воображаемых и реальных, устойчивых и флуктуирующих, параллельно сосуществующих и накладывающихся, сходящихся и разбегающихся. В отличие от определенности социальной структуры, социальное пространство представляет собой динамичное многомерное образование, бесконечно продуцирующее новые групповые солидарности и находящееся в постоянном поиске равновесных состояний.

Как следствие этих различных вкладов капиталов, структура социального пространства приобретает в значительной мере игровую природу и определяется в каждый данный момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для конкретных полей данного пространства. Такое социальное пространство, различия в котором проявляются спонтанно, стремится функционировать символически как пространство жизненных стилей, или как ансамбль групп, характеризующихся различным стилем жизни. Индивиды с различными позициями в пространстве отличаются по всем проявлениям жизненных стилей в силу их понимания красивого и безобразного, и все аспекты жизненного опыта коррелируют с теми или иными социальными позициями.

Политизация сферы национальных отношений, усугубляемая различиями в уровнях социально-экономического развития регионов, явилась одной из причин обострения межнациональных противоречий, возникновения сепаратистских тенденций, межнациональных и вооруженных конфликтов, потенциальных зон межэтнического напряжения, проблем беженцев, вынужденных переселенцев и мигрантов. Если воспользоваться идеей вертикальной классификации, то именно в современном обществе, отличающемся от традиционного по ряду параметров, переопределение ситуации произошло с подъемом буржуазного класса.

По П. Бергеру капитализм - это не только элемент практики, но и определенная концепция. Исторически капиталистический феномен в его вполне развернутой форме совпал с феноменом индустриализма. Объединившись, новые экономические институты и новые технологии преобразили мир, капитализм и социализм - это рациональное видение мира, в отличие от общественных формаций, где преобладали традиции.

Современный капитализм связан с технологией, преобразованиями условий жизни человека, новой системой стратификации, основанной на классах, политической системой в лице национального государства и демократических институтов и новой культурой, которая исторически связана с классом буржуазии и по-новому подчеркивает значение личности. Теоретическое обсуждение аспектов социального неравенства в капиталистическом обществе связано с именами К.Маркса и М.Вебера. Первый сводил социальное неравенство к производственным отношениям, в широком смысле классы - это любые социальные группы, находящиеся в неравном положении и борющиеся между собой. Они включают в себя сословия и социальные категории, расположенные на ступенях социальной лестницы, все предыдущие исторические эпохи наблюдаются расчленение общества на различные сословия. Но буржуазные отношения стали слишком узкими чтобы вместить созданное ими богатство, пролетариат должен победить цивилизацию, обогатив себя культурным богатством, которое накопило человечество, воссоединить цивилизацию и культуру.

Для М.Вебера наиболее важной из движущих сил современного общества является рациональность, прогрессивное воздействие рационального мышления и рациональных технологий на сферы общественной жизни. Специфические черты иудаизма и христианства заложили основы рационального преобразования мира и проявились в ходе реформации. Он утверждает плюралистический подход к анализу социальной структуры: классы, статусные группы и партии - это феномены распределения власти внутри общины, способности человека или некоторого числа людей осуществлять свое намерение через коллективное действие, даже вопреки воле участников действия.

Стратификация на статусные группы, в основе которой лежит определенный образ жизни, вырабатывает строгое подчинение какому-то образцу, месту жительства, размеру имущества, членству в закрытого типа клубах - это элементы узурпации статусного престижа. Классы стратифицированы по их отношению к производству и способам доступа к благам, а статусные группы - по принципам потребления благ, выраженных в образах жизни. Место классов внутри экономического порядка, место статусных групп внутри порядка социального, то есть сфере распределения престижа.

Многомерное понимание социального неравенства М.Вебером более широко, нежели экономический аспект К.Маркса. Многими теоретиками, несмотря на разницу в определениях, признается, что различия в собственности, престиже и власти являются функциональными аспектами неравенства. Классическими аспектами неравенства стали деньги, власть, престиж, знания. Если даже эти показатели не имеют достаточного эмпирического обоснования, то все же представляют собой определяющие условия реализации общепризнанных, жизненных целей в современном обществе. Дополнительными индикаторами могут быть: вид дохода, тип жилья, место жительства, образование, доход главы семьи, культурный уровень.

Социальная патология

Теория социальной патологии была создана эволюционистами по аналогии с законами органического мира, и причины таких проблем, как бедность, преступность, пьянство и наркомания, виделись в недостатках человеческого характера. Теория социальной дезорганизации переносит фокус с индивидуальной патологии на социальное и экономическое окружение. Кроме того, здесь в объяснении социального участия и культурного конфликта в качестве факторов социальной дезорганизации фигурирует и понятие культуры. Теория ценностного конфликта связывает возникновение социальных проблем с расхождением между социальными ценностями и ценностями личности. Теория девиантного поведения фокусируется на объяснении причин нарушений закона, антисоциальной деятельности и видит эти причины в расхождении между культурно пропагандируемыми, одобряемыми целями и структурными барьерами, которые затрудняют достижение этих целей. Теория ярлыков перемещает фокус с девиантной личности на людей, которые обладают властью определять легитимность социального поведения и примерять ярлык нормальности или «девиации» к тем, кто вовлечен в такое поведение.

Критическая теория анализирует социальные проблемы в контексте социальной системы, в которой они возникают. Изучение таких явлений является политическим актом, поскольку социальные институты рассматриваются в качестве структуры власти. Теория социального конструктивизма предполагает существование социальных феноменов как зависимых от восприятия и интерпретации наблюдателя.

Можно анализировать различные уровни социальной политики, в центр дискуссии помещаются не только конкретные социальные проблемы, но и по-разному трактующие их субъекты, социальные акторы, создающие специфические дискурсы социальных проблем и множественные определения социальной политики. В фокусе анализа оказываются уровни и формы социальной политики, общественные движения, новые «помогающие» профессии, позиция средств массовой информации, внутренний мир социальных служб и практика социальной работы. В этом хоре голосов есть и те, кто солирует, наделенные большей властью давать определения социальных проблем. Это в первую очередь те, кто входит в государственную администрацию, влиятельные политики, а также близкие к властным кругам профессионалы, представляющие такие классические сферы деятельности, как медицина, юриспруденция и психология.

В условиях современной модели политической власти, основанной на рациональной бюрократии, власть профессионалов становится особенно очевидной, как и конкуренция между отдельными дисциплинами за право называть, классифицировать социальные проблемы и, следовательно, направлять деятельность по их преодолению. Однако власть профессионалов может иной раз оказаться такой же тоталитарной и бесчеловечной, как и

власть политической партии или религиозного ордена. Ограничить монополизацию власти профессионалов социальной сферы возможно с помощью развития демократических институтов и гражданского общества, открытости социальной политики для независимой публичной экспертизы, создания горизонтальных структур управления.

Формирование структуры неравного гражданства

В правовом пространстве формообразующей единицей выступает статусная позиция гражданина, представляющая собой совокупность определенных законодательными актами прав, обязанностей, а также устойчивых форм гражданского поведения, социальных ожиданий.

Гражданство имеет три основных компонента: гражданский, политический и социальный. Гражданский компонент включает в себя права, обеспечивающие индивидуальную свободу: свободу слова, вероисповедания, печати, собственности и др. Политический компонент состоит из прав и обязанностей, заключающихся в участии в осуществлении политической власти, прежде всего это право избирать и быть избранным в органы государственной власти. Социальный компонент предполагает целый спектр таких прав, как право на экономическое благополучие и безопасность, право на жизнь в соответствии с принятыми в данном обществе стандартами жизни (Marshall). Таким образом, гражданство выступает в качестве одного из ресурсов общества.

Для этатократического общества, каким был СССР, характерна особенно высокая значимость гражданского статуса для формирования комплекса статусных позиций. Это объясняется рядом причин. Общественные отношения в этатократическом социальном поле сильно огосударствлены, поэтому наличие или отсутствие гражданства влечет за собой различия в содержании и объеме прав и обязанностей не только в политической жизни, но и в сфере труда. С развалом СССР встала проблема гражданства в новых постсоветских государствах. Их политика в этой области стала развиваться в двух основных вариантах: 1) предоставление возможности приобретения гражданства всеми постоянными жителями этих государств; 2) существенное ограничение возможности приобретения гражданства постоянными жителями, не являющимися представителями коренного (титульного) этноса. Сословия - это социально-правовые группы, различающиеся статусом, закрепленным в законодательном порядке. Они различаются объемом прав и обязанностей по отношению к государству. Однако это отношение влечет за собой целый спектр социальных различий. Сословия являются группами статусных позиций в социальном пространстве определенного исторического типа.

Этот феномен формирования социальных групп посредством их теоретического конструирования, а затем причисления к ним посредством называния, клеймения реальных индивидов носит универсальный характер. Этот процесс имеет место в любом государстве. Различаются лишь его

масштабы и роль в социальной политике. В нашей отечественной истории процесс идеологического клеймения реальных людей знаками изначально мифических социальных групп.

Идеологическая картина сталинизма ведет к социальному структурированию реального общества не только в мозгах вождей, на страницах газетных передовиц, но и в статьях уголовного кодекса, лагерях и тюрьмах, выполнявших за счет рабского труда врагов народа колоссальные планы строительства.

После Октябрьской революции большевики взяли на вооружение термин "кулак" для обозначения деревенской буржуазии. Подход большевистского руководства к выделению кулачества опирался на два совершенно противоположных принципа. С одной стороны, при социально-экономическом анализе деревни изучалась ее социальная дифференциация и выделялась группа деревенской буржуазии. Однако обычно это выделение носило очень нечеткий, размытый характер, что вытекает уже из самой природы мелкой буржуазии, не имеющей сколько-нибудь отчетливой границы, отделяющей ее от массы остальных мелких товаропроизводителей. С другой стороны, в практической политике научные принципы выделения деревенской буржуазии часто просто игнорировались. Действовала простая логика: буржуазия, в том числе и деревенская, против социализма, следовательно, ее интересы толкают ее на борьбу с Советской властью, поэтому тот, кто в деревне борется с Советской властью, - кулак.

Понятие кулака в политических документах большевистских лидеров и руководящих органов с первых дней Советской власти обозначало не столько социально-экономическую, сколько политическую группу жителей деревни, нелояльных или потенциально нелояльных большевистскому режиму.

Когда партия большевиков приступила к массовой коллективизации, категория кулачества оказалась вновь, как и в годы гражданской войны, предельно политизированной. К кулакам причисляли всех, кто проявлял нелояльность к коллективизации и не ценил заботу партии о благе крестьянства. Средняков легко было зачислить в "кулаки", назвав их "зажиточными". Но и беднейшая часть крестьянства не была застрахована от риска стать жертвой политики "ликвидации кулачества как класса". Для тех, кто явно по своим социальным характеристикам не напоминал кулака, но был нелоялен по отношению к коллективизации, изобрели термин "подкулачник".

Обозначив предельно туманно и широко "класс кулачества", большевистское государство превратило всех граждан, приписанных (именно официально приписанных на основе политических признаков!) к «кулачеству», в особую группу, имеющую особый социально-правовой статус. Главной спецификой этой группы стало то, что она подверглась репрессиям прежде всего в форме «раскулачивания», то есть лишения средств производства, основной части личного имущества и высылке в отдаленные районы. «Кулачество» – это

репрессированная часть крестьянства, которая лишь частично совпадала с группой сельской мелкой буржуазии.

Административная система выразила себя как рельефная модель социалистического общества. В классическом марксизме капитализм рассматривался как общество, в котором противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе. Поскольку модель социализма разрабатывалась как отрицание недостатков капитализма и развитие его достоинств (диалектическое снятие), то в основе ее лежала идея строительства нового общества по образцу капиталистической фабрики. Последняя же - это административная организация, действующая в рыночном море, поэтому модель социалистического общества - это суперорганизация, охватывающая все общество.

В качестве конструируемой социально-правовой группы надо рассматривать и категорию осужденных. Преступник - это индивид, преступивший установленную законом норму. Этим шагом он вступает в конфликт с государством, которое в ответ применяет к нему негативные санкции. Поскольку гражданин в той или иной мере находится во власти государства, то государство решает, как наказать, какие негативные санкции к нему применить. Обычно в распоряжении государства есть весь возможный спектр санкций: от простого порицания до лишения жизни. Таким образом, суть негативных санкций государства по отношению к гражданину (а в большинстве случаев и по отношению к любому, кто совершил преступление в пределах его правового пространства) - это лишение его в том или ином объеме гражданских прав.

Осужденные - это социально-правовая группа, которая представляет собой прежде всего часть социального пространства, сформированного законами данной страны. Формально еще до совершения преступлений существует социально-правовая группа осужденных, она сконструирована статьями уголовного кодекса, специальными законами и инструкциями, определяющими до мельчайших деталей условия жизни осужденного. Индивиды, осужденные за те или иные преступления, приобретают статус осужденных на определенный приговором срок. При этом статус осужденного носит внешний по отношению к индивиду характер.

Осужденные представляют собой социальную группу со сложной внутренней социально-правовой структурой. Каждый из них клеймен государством как преступник, но каждый наказан по-разному. Официально государственная идеология и правоведение утверждают, что цель наказания преступников - это их перевоспитание. Однако благие цели не имеют никакого отношения к реальным социальным отношениям в условиях, когда никто не знает, как этих целей достичь. Поэтому система исправительно-трудовых учреждений никогда не перевоспитывала (что, однако, не исключало того, что полученный там жизненный опыт заставлял часть

преступников изменить свой образ жизни). Ее реальные функции сводились к возмездию и защите общества и государства от преступников посредством их изоляции.

Механизм социальной стратификации

В структурно-функциональной традиции социальная стратификация является санкционированным обществом средством, «гарантирующим, что наиболее важные позиции сознательно заполняются наиболее квалифицированными людьми». Т.Парсонс утверждал, что система стратификации в любом обществе в своей сущности является выражением его ценностной системы. Вознаграждение, которое получают люди и позиции, - это функция степени соответствия качества их работы стандартам, установленным данным обществом. Эту мысль почти в тех же словах мы можем встретить в книге П.Сорокина, впервые опубликованной в 1927 г. Он писал, что на место группы в социальной иерархии влияют важность вида деятельности для выживания и существования группы в целом и интеллектуальный уровень, необходимый для успеха этого вида деятельности.

Если сравнить эти положения функционалистской теории социальной стратификации с более ранними идеями К.Маркса, то принципиальной разницы между ними не будет. Маркс, конструируя систему распределения на первой фазе коммунистической формации, отходит от присущего марксизму структуралистско-конфликтного подхода и выступает как функционалист: на первой фазе коммунистической формации распределение будет осуществляться по количеству и качеству труда.

Функционализм, несмотря мощную и обоснованную критику, все же заслуживает внимания при анализе социальной стратификации административной организации. Его достоинства и недостатки в анализе общества связаны с ответом на вопрос: «В какой мере данное общество представляет собой административную систему?» Ближе всего к ней - общество государственно-монополистического социализма. С точки зрения функционализма, стратификация системы происходит исходя из ценностей, интересов всей этой системы, в данном случае административной организации. Однако общество как таковое молчаливо. От его имени говорят люди. И встает вопрос: «А судьи кто? Кто говорит от имени социальной системы (организации, общества)?» Конечно, только тот, кто наделен властью в этой системе.

Представление об интересах и ценностях административной системы - частный аспект субъективного отражения этой системы в сознании людей, занимающих в ней те или иные статусные позиции. Поскольку эти позиции более или менее фиксированные, то и взгляд из них не может быть всесторонним. Каждая статусная позиция имеет свой интерес как объективно оптимальный способ социального самоутверждения и удовлетворения потребностей. Взгляд с этой позиции неизбежно несет на себе отпечаток ее интереса.

Советская власть с самых ранних ее этапов формировалась как власть чиновничества, получившего право говорить от имени общества, пролетариата. Постсоветское общество представляет собой продукт распада советского и несет в себе его многие качественные характеристики, в том числе и социальное господство чиновничества. Поэтому и в новых условиях именно эта группа говорит от имени общества, решая какой труд наиболее сложный и важный.

Субъект власти, формируя систему административно-социальной стратификации в организации, рассматривает функции с точки зрения их важности, полезности для удовлетворения своих интересов или интересов всей организации, но в том виде, как их представляет властвующий субъект. Однако в своем групповом эгоизме властвующая элита не может быть бесконечно свободна. Грубое попрание общих объективных интересов организации чревато ее крахом, под обломками первой погибает сама элита. Поэтому долгосрочные групповые интересы правящей элиты предполагают ограничение собственного своекорыстия во имя реализации интересов организации в целом. Кроме того, в организации идет борьба разных групп за свои интересы. Соотношение сил групп в этой борьбе может быть разным, и далеко не всегда правящая элита может позволить себе роскошь игнорировать интересы низших статусных позиций и занимающих их людей. Иначе говоря, интересы властвующей элиты требуют действенной мотивации низших слоев организации, а это предполагает учет их интересов при распределении ресурсов.

Пространство власти

Никлас Луман выдвинул задачу поставить изучение власти на некий теоретически нейтральный фундамент, более общий, нежели само понятие власти. Это смелое предприятие не может не вызвать одобрения: идея власти завораживала многих, Фридрих Ницше под конец жизни приписывал волю к власти даже неодушевленной материи. Теоретическое решение Лумана рассеивает всякое недоумение: в качестве инструмента немецкий он обращается к теории коммуникации. Выбор этот обусловлен исторически, в примечаниях к основному тексту теоретик активно цитирует немецкие газеты начала 70-х, от "демократий" древних они отличаются сильно: демократическое государство, граждане которого не могут собраться на одной площади, представляет собой принципиально иное. Ключевую роль в нем приобретают новые виды коммуникации, призванные компенсировать пространственную разобщенность, утрату непосредственного общения.

В соответствии с лумановской теорией общественной эволюции, эта тенденция в процессе исторического развития может только усиливаться. Социальная дифференциация возрастает, однако цельность общества при этом не нарушается, поскольку соответствующим образом меняются и формы социальной интеграции. Чем сложнее общество, тем выше количество возможных альтернатив при коммуникативной реакции и тем насущнее

потребность каким-то образом их редуцировать, чтобы общество могло функционировать как система. По Луману, из двух партнеров по коммуникации носителям власти является тот, кто вносит в процесс коммуникации неопределенность или же способен ее устранить, тот, кто принимает решения.

Объекты когнитивного пространства - другие, с которыми мы живем. Объекты морального пространства - другие, для которых мы живем. Эти другие сопротивляются любой типизации. Населяя моральное пространство, они остаются вечно особенными и незаменимыми, то есть нетипичными. Если в когнитивно-картированном социальном пространстве чужак - это тот, кого знают совсем немного и желают знать о нем еще меньше, то в моральном пространстве - это некто, о ком не так уж сильно пекутся и не собираются заботиться больше. Чужаки в эстетическом пространстве, с их неизвестными, непредсказуемыми путями, с их калейдоскопическим разнообразием внешностей и действий, с их способностью удивлять, - особенно богатый источник удовольствия зрителя. Существует связь эстетического пространства с когнитивным: чужаки доставляют наслаждение, только если их чуждость удостоверена, если зрители уверены, что она не таит опасности. Эстетическое конструирование пространства в принципе может перерисовать карты когнитивного пространства, однако ничего не будет исправлено, пока когнитивное пространство не гарантирует безопасность результатов. Эстетическое наслаждение может состояться лишь в хорошо управляемом и контролируемом пространстве.

Возможно перечертить карты морального пространства, чтобы оно стало толерантным по отношению к нетипичности, чтобы бытие-для-другого стало реальностью, сформировать такое отношение ко всему чуждому, непривычному, отличающемуся от привычных стандартов, как к проявлению бесконечного разнообразия человеческих типов. Утверждение о некогнитивном способе этического восприятия мира имеет смысл, безусловно, лишь как идеальная модель отношений, поскольку с позиций социальной феноменологии именно знание конструирует социальную реальность. Пространство этического знания принципиально отличается от простой информированности когнитивного пространства. Например, трудно рассчитывать на реальное изменение социальных отношений к инвалидам в положительную сторону лишь на основе большей информированности общества об их проблемах, без целенаправленного и комплексного воспитания толерантности всеми институтами социализации, социального развития и социальной политики.

Мнение о людях изменяется, в значительной степени благодаря социально-психологическим контактам лицом к лицу, встречам, encounters, которые могут быть как непосредственными, так и опосредованными, специально подготовленными телепередачами, фильмами, литературой и образовательными программами, тренингами. Любое функциональное изменение организма, будь то взросление, старение или болезнь,

инвалидность, представляет собой не только медико-биологическое, но и социокультурное, психологическое явление. Тем более, что изменения в человеческом теле неразрывно связаны с восприятием этих процессов самим субъектом.

Средний класс

Традиционный (старый) средний класс - социальная группа позиций, сочетающих владение собственным предприятием и труд собственника на этом предприятии в качестве как рабочего основного производства, так и менеджера. В одном лице совмещаются функции капиталиста, менеджера и рабочего. Традиционные средние слои включают крестьянство, фермерство, ремесленников, мелких торговцев, лиц, занимающихся индивидуальным извозом, а также представителей интеллектуальных профессий, выступающих на рынке в качестве независимых рыночных субъектов - на Западе – адвокаты, нотариусы, большинство врачей, частные консультанты.

В СССР государство ликвидировало крупный частный капитал, провело огосударствление сельского хозяйства, однако мелкую частную собственность и рынок полностью уничтожить не смогло. Наряду с государственным сельхозпроизводством развивались так называемые личные подсобные хозяйства, являвшиеся по существу миникрестьянскими, но тесно сросшимися с колхозами и совхозами, значительная часть мелкого частного производства и торговли ушла в теневую экономику, где шел процесс воспроизводства теневой социальной структуры, основными элементами которой были классоподобные группы. Набирал силу и процесс формирования в рамках государственного аппарата управления бюрократического капитала, ставшего стартовой базой для возникновения в 1990-е гг. крупной номенклатурной буржуазии.

Новый средний класс — это большая социальная группа, состоящая из позиций наемных работников, получающих в качестве вознаграждения не столько заработную плату, сколько дивиденды на свой культурный капитал. Таким образом, основа позиций нового среднего класса – рабочая сила + культурный капитал, что выливается в вознаграждение: заработная плата + дивиденды на культурный капитал. В отличие от рабочих, члены нового среднего класса продают свою рабочую силу по цене, существенно превышающей ее рыночную стоимость. Это происходит благодаря тому, что зарплата включает в себя в качестве технически трудно различимой части дивиденды на культурный капитал (образование, опыт, навыки, связи, репутация). Он также дефицитен, как и средства производства, а в ряде случаев гораздо более дефицитен.

Между классами нет резких и четких границ. Квалифицированный рабочий часто также получает определенную добавку к своей зарплате в виде дивидендов на культурный капитал, однако к среднему слою он может быть отнесен лишь в том случае, когда дивиденды становятся основной частью дохода. Поэтому к средним слоям относятся лишь немногочисленные группы

рабочих, обладающих дефицитными профессиями или уникальным мастерством, пользующимися повышенным рыночным спросом.

Если классы рассматривать как большие группы не статусных позиций, а индивидов, тогда высшая часть средних слоев, владеющая акциями, сливается с буржуазией. Однако среди высших менеджеров есть люди, владеющие большими пакетами акций, а есть и не владеющие. Представляется, что анализ классов как совокупности статусных позиций и здесь более плодотворен. В этом случае статусные позиции буржуазии и новых средних слоев, в том числе и их высшей части, - это разные участки (поля) социального пространства. В то же время индивиды могут занимать одновременно позиции в разных полях: например, высший менеджер и владелец солидного пакета акций, получатель дивидендов как на культурный, так и на материальный капитал. Средние слои — это классоподобные группы, формирующиеся в результате действия тех же механизмов, которые порождают классовую структуру. Они представляют собой незавершенные классы. Это противоречивая, раздробленная часть социального пространства.

2.3 ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Проблемы, с которыми сталкивается сегодня российская социальная политика, связаны не только с ограниченностью ее ресурсов, но имеют и теоретико-методологическую природу. Патерналистская версия социальной политики, реализовывавшаяся в СССР, соответствовала доминированию институционального понимания ее природы. В рамках этого понимания государство создавало определенные учреждения, решавшие задачи распределения ресурсов и обеспечения воспроизводства рабочей силы. Заниженная стоимость труда компенсировалась наращиванием общественных фондов потребления, служивших укреплению лояльности населения, ощущавшего свою зависимость от доброй воли распределенческих структур. Система эта была слишком масштабной, чтобы видоизмениться в короткие сроки, даже в условиях преобразований в 90-е годы.

Концептуальные изменения в социальной политике требуют, прежде всего, отказа от институционального видения, замены его пространственно-временной картиной. В ней социальные программы выступают в качестве инструментов коррекции процессов социального изменения, система задач представляется гибкой, предполагающей возможность альтернативных решений. *Пространственное* видение социальной политики исходит из взаимозависимости ее целей и ресурсов, не абсолютности институциональных форм, необходимости уточнения статуса в системе социальных взаимодействий. Это политика адресная, оперирующая воздействиями, помимо непосредственного результата, порождающими сети последствий.

Все чаще задают вопросы о том, кто же разрабатывает методологию, стратегию и технологии нашей социальной политики, насколько

востребованы публикации отечественных социологов по этим вопросам. Даже ведущие кафедры соответствующего профиля за редким исключением состоят в основном из экономистов, литература выставленных на сайтах информации изобилует именами ученых-экономистов, мало задействованы социологи, что свидетельствует о сохранении старых советских традиций в понимании социальной политики и связанной с нею социальной сферы жизнедеятельности человека вообще. Современная ситуация полностью опрокинула академизм безликого бессубъектного мира, нарисовав картину творческих и страдающих индивидов, спонтанной культуры и жизненного хронотопа.

Упрощенный подход к социальным процессам с привычным, механическим пониманием социального мира связан с идеологическими установками на научное управление обществом, что неоднократно давало повод для упреков в адрес ученых как главных виновников несостоятельного менеджмента, гражданских и этических катаклизмов. Часто под социальной политикой понимается исключительно помощь неимущим. При этом социальным государством осуществляется некий аналог американского welfare. Германия, Нидерланды или Швеция следуют той же стратегии еще более последовательно и щедро, но и в Америке можно в принципе прожить на пособие в рамках welfare.

Предпосылки изменений в новых социально-экономических условиях дают ожидания смены стереотипов жизнедеятельности, культурных практик, психики и сознания, вместе с тем бурные изменения отражаются на жизни людей и часто требует индивидуального и даже экзистенциального уровня терапии. Подобная практика содержит в себе серьезное идеологическое противоречие. Задача общества артикулировать необходимость, чтобы рядовые трудящиеся граждане считали труд самоценностью и продолжали работать, невзирая на высокие налоги.

Человечество приобретает среду переплетающихся темпоральностей космического, антропогенного, биогенного, геологического и культурных пространств. В едином процессе стохастических и стабилизирующих, нелинейных и линейных параметров, главнейшие траектории его социального поведения оказываются детерминированы успешными или, наоборот, не очень успешными процессами его социальной интеграции.

Социальный сервис, социальная поддержка, социальный комфорт и подготовка персонала по социальным проблемам казались в прошлом чем-то второстепенным по сравнению с милитаристскими программами. Переориентация деятельности социальных институтов в контексте социального реформирования поставила перед российским обществом задачу исследования среды обитания, социокультурного инвайронмента, мобильности, межкультурных коммуникаций.

Оказалось, что именно социальная сфера выступает в качестве одного из важнейших условий самореализации и жизненного успеха человека, культура является средством социального развития, стратегии и принципы

социальной политики строятся на приоритете человеческих ценностей, философии гуманизма. Социальная сфера объединяет различные культуры через общность культурной идентификации, базовых культурных образцов в сферах религии, семьи, традиций, культурных текстов, а сама социальная политика выступает процессом либерализации этой сферы, преобразования социальных систем в направлении совершенствования механизмов функционирования культур.

Другими словами, устойчивость социальной жизни зависит от того, как общество и государство соединяет экономические свободы и идеалы социальной сферы, реализуют служение человеку, а не приспособляет человека к политике. Так, например, в понятии социального жилья фокусируются важнейшие компоненты социальной политики, форм социальной защиты, расширяющей жизненное пространство человека. Жилье как форма социального пространства исследуется в связи с социальной стратификацией и социальной дистанцией, человеческими ресурсами, социальной экологией, локальным жизнеобеспечением. Поскольку в социальном пространстве сосуществуют социальные события, процессы и отношения, то на уровне перехода от обобщенного социального субъекта к социальной группе, индивиду важнейшей формой человеческих ресурсов выступает социально-экологическая ниша семьи, создающая необходимый уровень качества среды обитания, обеспечения жизнедеятельности человека и его социального здоровья, в конце концов даже некое укрытие, защиту от претеснений государства..

Технический контроль трудового процесса в социальной сфере не может сводиться к количественным рапортам и бумажным отчетам по числу оказанных услуг, сотрудники центров реабилитации и оказания помощи пишут такие отчеты, возмущаясь и не понимая их смысла. На самом деле структурирование и регламентация деятельности в сфере социальных услуг хорошо реализуются лишь при условии работы в команде под руководством магистра или специалиста социальной работы, имеющим соответствующее профессиональное образование. Квалификация и компетентность, научный менеджмент трудно осваивается бывшим учителем физики, бывшим партийным работником или несостоявшимся клерком учреждения. Как правило, все эти бывшие работники из других сценариев не только не могут глубоко вписаться в ситуацию, но и не имеют малейшего представления о необходимости связи с научными подходами и исследованиями по той социальной проблематике, с которой имеют дело.

Принципы социальной политики

Социальная политика, неразрывно связанная с организацией социального обслуживания населения, коррелирует с принципом личностных, социальных и природных ресурсов. Развитие человека детерминировано культурой, экономическими, социальными, а не только биосферными ресурсами. Институционализация социальной политики связана с

особой социокультурной ситуацией глобального реформирования общества и поиска путей к гражданскому обществу, воспроизводством традиционных культур и возрождением духовности, восстановлением статусных характеристик человека, социального здоровья России. Назовем основные принципы социальной политики:

1. Сочетание регионального, отечественного опыта социальной политики и тенденций социального развития европейского и международного сообщества.

2. Реализация прав человека, равенство прав на поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства и религиозных убеждений, во всем многообразии ее форм и функций.

3. Гендерная симметрия – состояние общества, при котором практически реализован принцип равных прав, свобод и возможностей для женщин и мужчин: равенство в аспектах законодательства, равная поддержка и развитие культуры материнства и отцовства, поощрение равенства мужчин и женщин в распределении обязанностей и занятости.

4. Научность: принятие инновационных решений в социальной политике, оценка эффективности услуг, программ и проектов опираются на научный анализ сущности социальных проблем и независимую экспертизу, проводимую учеными, специалистами в области социального менеджмента, социального проектирования.

5. Социальное партнерство: социальная политика осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с государственными службами и учреждениями, бизнесом, общественными и религиозными организациями, а также физическими лицами.

6. Социальная ответственность и право на самоопределение: социальная политика исходит из признания суверенности и ответственности каждой семьи за воспитание духовно и физически развитой личности, принципа самостоятельности и автономности в принятии решений относительно своего развития. Экономические, правовые и идеологические меры государственной социальной политики призваны содействовать саморазвитию индивида и социальных групп, предоставлять возможность выбора форм поиска ресурсов и поддержки.

7. Преемственность и стабильность мер социальной политики, создание новых и поддержка существующих социальных сервисов, сохранение и дальнейшее совершенствование достигнутых гарантий социальной защиты.

8. Системный подход к социальной защите, предполагающей как индивидуальную работу, так и осуществление программ, направленных на оздоровление экономической, правовой, социокультурной среды жизнедеятельности на разных уровнях: семья, ближайшее окружение, местное сообщество, государственные и негосударственные структуры, общественность, средства массовой информации, законодательство, правительство.

9. Междисциплинарность и межведомственность: социальная политика направлена на организацию междисциплинарных команд различных специалистов внутри учреждений социальной сферы, координацию деятельности социальных служб и их взаимодействие с учреждениями образования, здравоохранения, внутренних дел, негосударственными организациями в целях полноценного удовлетворения потребностей и защиты прав.

10. Специализация и дифференцированный подход: предоставление гарантий по поддержанию социально-приемлемого уровня жизни для нетрудоспособных индивидов, содействие занятости и общественной активности женщин, инвалидов, мигрантов, создание экономически активным членам семьи условий для обеспечения благосостояния на трудовой основе; программы ранней интервенции для семей с детьми, нуждающимся в особых услугах с раннего возраста, программы кризис-интервенции - оказание помощи (включая профилактику и реабилитацию) семьям, равно как и отдельным лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию; активизация ресурсной системы; профилактика и коррекция негативных явлений, распространение позитивного опыта.

Вместе с тем локальную особенность России нельзя понимать как абсолютную изоляцию от мировой культуры, хотя проблема вживания здоровых органов в больные ткани остается, и это не только проблема перевода языков культуры. Назовем, к примеру, параллели, повторяющие события в разных культурах: вьетнамский, а затем афганский, чеченский синдром - без изучения содержания этих явлений невозможна институциализация и последующее развитие социальной защиты и социальной работы в армии и с бывшими военнослужащими.

Антропогенное поражение природы и агрессивность городов-сателлитов, крупных мегаполисов ухудшают психическое здоровье, давая рост токсикомании, наркомании, алкоголизма, увеличивая набор факторов риска индивидов и отдельных социальных групп, очевидна недостаточность чисто природного, биосферного объяснения экологического кризиса ноосферного существования человека. Социальная экология человека обусловлена принципом саморазвития мировой цивилизации в гармонии с природой, равного доступа к материальным и духовным ресурсам, возможностью преодоления социальных болезней.

Вхождение в новое тысячелетие ознаменовалось обсуждением процессов глобализации и в сфере социальной политики социально-экологический подход международного сообщества увязывает природные и человеческие ресурсы в единую цель социальной политики в системе международного сообщества. Вместе с тем сфокусированность социальной политики на человеке в культурно-историческом хронотопе парадоксально совпадает с глобальной экологической катастрофой, социальным неравенством, нелинейным развитием¹⁵ стран и регионов, терроризмом и

---

¹⁵ Нелинейность социокультурного развития понимается здесь по аналогии с

войнами. Беспрецедентный рост богатства и технологическая мощь цивилизации одновременно ведут к обнищанию, социальному риску, неуправляемости, ресурсному дисбалансу.

Семантика социальной политики

Изытая в прошлом из мира человеческая субъективность восстановилась, разрушение ньютоновского абсолютного хронотопа и ценности абстракций познания привело к пониманию субъекта не только как познающего, но и живущего в социальном пространстве и времени, активно действующего, страдающего и политизирующего. Научная рациональность в качестве анонимной, независимой от человека сменилась новой парадигмой рациональности науки, включенной в культуру в качестве системы идей о человеке и человеческом мире. Прежние парадигмы оказались бессильными в рассмотрении науки истории как системы человеческого опыта, а человека как духовного существа. Человек, по Ортега, является драмой, его жизнь есть универсальное событие, в каждый момент которого открываются новые возможности жизненного пути.

Социальная политика как сопровождающее категорию человека широкое и многофункциональное понятие кроме собственной сущности особого института включает обусловленную потребностью культурного и физического воспроизводства социальную сферу жизни человека, важнейшие социальные институты образования и науки, культуры и искусства, социальной защиты и занятости, их направленность на социальное развитие человека и социальной инфраструктуры. К этим процессам причастны государство, семья и общество, образование и наука, культура и искусство, физкультура и спорт, туризм, общественно-политические и религиозные организации, средства массовой информации. Возможность социального конструирования связана с переходом к стабильности общества, приоритету человеческих ресурсов, уважению профессионала, реализация этой возможности осуществляется социальным менеджментом.

В широком смысле социальная политика может рассматриваться как интеграция механизмов и способов, посредством которых исполнительная власть, центральное и региональное правительства влияют на жизнь населения, стремятся способствовать социальному равновесию и стабильности. В еще более широком контексте проблематика социальных институтов и социальных трансформаций в контексте общих задач социальной политики, теории и практики социальной работы, проблемы социальной интеграции все чаще рассматриваются с точки зрения модификации социальной политики в условиях современной ситуации. Социальное поведение индивида и общества, разграничение функций

нелинейной динамикой - см., напр.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. 1986. С.234-235; Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991, №6, с.46-52.

социальных институтов и политической системы государства вписаны в социальный и культурный контекст исторической ситуации, выступая острейшими проблемами российской современности.

В узком смысле социальная политика рассматривается в контексте социального администрирования и относится к институционализированному комплексу мер, предоставляемых социальным государством населению в аспектах занятости и социальной защиты, здравоохранения, образования. Более конкретные смыслы проблема приобретает в культурном контексте, например, в содержательном проблемном поле современной России. Вопросы социальной политики связываются с занятостью населения, многозначностью и полифункциональностью труда в жизнедеятельности социальных субъектов, возрастанием роли институтов профориентации, дополнительного образования и правового регулирования отношений в сфере занятости. Здесь-то как раз значительно расширяются пространственные границы проблемы: речь идет об организационной культуре системы социальной защиты, привлечения идей социологии организаций.

Понятие социальной политики связано с темпоральными механизмами жизненного пути и социального времени, социальным пространством и условиями воспроизводства человека как субъекта социума и культуры. Иногда подчеркивают связь с возможностью получения доступа к образованию, профессионального развития, рекреации, информационного обеспечения, удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей¹⁶. Социальными функциями обладают государство, предприятия, любые социальные, экономические и политические институты.

Актуальное направление в современной социальной политике находится на пересечении методологических и предметных областей анализа социального неравенства и массового сознания, социальных настроений, социально-экономической зависимости на основе адекватности изменившимся условиям жизнедеятельности людей в трансформируемом обществе, рефлексии необходимости новой концепции, выявления социальных типов носителей различных установок на способы жизнеобеспечения.

Социальная политика может быть понята лишь на системном уровне. Часто объясняют социальную политику на основе описательного подхода, количественного цифрового анализа и не дают возможность в полной мере осознать ее реализацию в социальном проекте. Социальный менеджмент как конструирование и проектирование новой реальности затруднен плохой подготовкой управленцев социальной сферы, находится в стадии становления, погружается в культурный и исторический контекст современной переходной ситуации. Вместе с тем бюрократический контроль рабочего места, выполнение формальных и кодифицированных организационных правил и процедур, решение проблемы ограничений действий и

¹⁶ Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования. М. 1999. С.14-15.

недопущение произвола становятся реальными только в сознательных стратегиях профессионалов и всей кадровой политики государства.

Реально социальная политика - это не наука о макро- и микроэкономических процессах, но об отношениях человека с социальным окружением, с политикой социального конструирования, ресурсного восполнения ограниченных возможностей. Конечно, нужна адаптация зарубежных подходов переопределения ситуации на новой основе формирования социальной компетентности, информатизации, новой доктрины образования с включением диалога культур и поддерживающих стратегий социальной работы, направленность социальной политики, технологии социальной экспертизы управленческих решений, решения конкретных социальных проблем с учетом актуально складывающейся в стране социально-экономической ситуации.

Методология социальной политики состоит также в трансляции идеи партнерства во взаимодействии институтов социальной политики, образования и воспитания. Социальный институт по созданию условий для понимания, социальной поддержки, коррекции нетипичного индивида должен быть дополнен инновационной моделью социального менеджмента. Устойчивость социальной жизни зависит от того, как общество и государство соединяет экономические свободы и идеалы социальной сферы, реализуют служение человеку, а не приспособливает человека к политике. При этом важными для человека современного общества являются социальные последствия экономических решений. Не только межведомственные усилия, но и совместные усилия специалистов, практиков и представителей науки смогут привести к успешной реализации устойчивой модели развития регионального социального пространства.

Социальная политика новой российской власти должна быть направлена как на повышение доходов населения, так и на увеличение ресурсного обеспечения отраслей социальной сферы. Хотя единство входящих в гражданское общество социальных страт определяется не степенью зажиточности, не общностью идеологии и культуры, но свободой жизненного выбора. Социокультурный контекст такой организации включает специфические практики управления, в том числе способы профессионального отбора, найма на работу и организационной социализации.

Концепции социальной политики

Пересмотр концепции социальной политики оказывается неотъемлемой частью грандиозных социальных преобразований в современной культуре России. Ориентация социальной политики на рыночный тип ее организации пока реализуется слабо и неэффективно. Ее процессы управляются некомпетентными кадрами специалистов, которые не имеют соответствующей подготовки.

Современные реформы сталкиваются с барьерами стереотипов,

благодаря которым не так просто осуществить переход российской социальной политики от собесовских стратегий к ресурсным. Пока еще в самих службах и ведомствах царит жесткая иерархия, интересы клиента подчиняются бюрократическим нормам и рассматриваются сверху вниз. Такая организационная культура сопротивляется инновативным процессам, которые угрожают бюрократическим основам привычного порядка.

В предвыборной программе 1992 г. в США был намечен переход от социального обеспечения на основе системы пособий welfare к социальному обеспечению на основе занятости workfare, то есть получение пособия означало принять определенные обязательства работать.

Наличие иждивенческих установок и в целом привычной собесовской идеологии говорит в том числе о стратификационной сетке российского общества, а не только низком образовании, тривиальной аскриптивности этих установок для нетрудоспособных, безработных и слабозащищенных социально-демографических групп. К тому же дисфункциональный характер установки на зависимость при одновременной констатации непреходящести и массовости этого феномена недостаточно объяснять в контексте цикла депривации. Это значит, что оптимальное решение проблем клиента социальной службы реализуется в нахождении его внешних и внутренних ресурсов, повышении готовности к переменам и адаптивности, социальном научении, изменении ценностных мотиваций - ориентации не на пособие, а личностное развитие.

В российских условиях ресурсная концепция в социальной политике становится активным феноменом, детерминирующим переход к социальной стабильности и индивидуальной защищенности. Сегодня явственно артикулируется переход социальной политики от принципов welfare как социального обеспечения на основе системы пособий - к стратегиям workfare, социальному обеспечению на основе занятости.

Вместе с тем отказ от патернализма не означает автоматической смены установок массового сознания и поведенческой культуры зависимости на индивидуальную ответственность и самостоятельность. Новым компонентом социальной политики выступает система уровней и направлений социальной работы; важнейшей формой человеческих ресурсов выступает социально-экологическая ниша семьи, создающая необходимый уровень защиты от социальных невзгод, качества среды обитания. Социальная политика новой российской власти должна быть направлена как на повышение доходов населения, так и на увеличение ресурсного обеспечения отраслей социальной сферы.

Решение этих задач не только необходимо, но и вполне реально. Социокультурный контекст такой организации включает специфические практики управления, способы профессионального отбора, найма на работу и организационной социализации. В условиях реформ возникает тенденция бедности, неравенства и поляризации групп населения в социальной структуре общества не только по уровню доходов и материальной

обеспеченности, но и по ориентациям на различные стратегии жизнеобеспечения. На Западе до сих пор ломают копья сторонники и противники концепции цикла депривации. Указанная концепция содержит признание особого типа поведения и сознания, фатализм принятия бедности и неспособности к предпринимательству в форме воспроизводства замкнутого круга, цикла депривации (О. Льюис, 1961).

Одной из основных социальных проблем современной России является проблема недопустимых масштабов бедности. По данным Госкомстата, в 1999 году численность населения с доходами ниже прожиточного минимума достигла рекордного уровня - около 50 млн. человек. Уровень заработной платы в России - самый низкий среди всех экономически развитых стран мира. Оплата труда перестала зависеть от количества и качества труда, а рабочая сила стала самым дешевым товаром.

Динамика установок на зависимый способ жизнеобеспечения как бы следует логике Вебера в анализе социокультурных изменений. В то же время отмена государственного патернализма еще не означает автоматической смены установок массового сознания на индивидуальную ответственность и самостоятельность. Критика этой концепции адресуется сегодня к неспособности общества и государства обеспечить бедных необходимыми ресурсами для выхода из бедности; отсутствие стратегий взаимопомощи ведет к западне бедности, затрудняющий выход¹⁷.

Абсолютная бедность определена недостаточными ресурсами для для поддержания минимума физического здоровья и работоспособности. Относительная бедность определяется общим уровнем жизни конкретного общества и культурно-исторической эпохи¹⁸.

Лоренс Мид в 1980г. обратил внимание на существующие сложности с получением работы и образования сохранением стабильности семьи и присоединился к филантропам XIX века, полагавшим бедность следствием индивидуального поведения. В американском обществе в это время формируется консенсус по необходимости преодоления поведенческой культуры зависимости: в 1988 году принят закон о поддержке семьи, который не требовал обязательного трудоустройства, но настаивал на профессиональном переобучении.

В 1990-е гг. в отечественной социологии получила гражданство проблема бедности как практически наиболее актуальный аспект социального неравенства. Ключевой задачей государства стало уменьшение зависимости от системы социального обеспечения, на смену логике финансовой помощи пришел социальный подход. Иначе говоря, только будучи осознанным как зло, с которым нужно и можно бороться, социальное неравенство выполняет роль источника общественного развития.

¹⁷ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. The Penguin Социологический словарь/Пер. с англ. Казанский ун-т, 1997, С. 148-149.

¹⁸ Там же.

Неравенство есть неизбежность, но одновременно оно выступает как явление, с которым никто не борется ни на индивидуальном, ни на общественном уровнях. А это не только не стимулирует развитие общества, но и существенно его тормозит. Общество, в котором иерархия носит застывший характер, а перегородки между этажами прочно перекрыты, обречено на застой. Об этом достаточно убедительно говорит опыт истории Востока.

Устойчивость старой идеологии говорит об определенном типе стратификации российского общества, а не только и низком образовании и тривиальной аскриптивности этих установок для нетрудоспособных, безработных и слабозащищенных возрастных и социально-демографических групп. Во многом реализация этого принципа зависит от профессионализма проведения социальной политики. Социальная политика новой российской власти должна быть направлена как на повышение доходов населения, так и на увеличение ресурсного обеспечения отраслей социальной сферы.

Новая практика реализации принципа справедливости должна прийти на смену узко юридическому пониманию равенства прав и чисто механической концепции перераспределения, в которой государство всеобщего благосостояния воспринимается как обобщенная страховая компания (П.Розанваллон).

В условиях социально-экономических преобразований усиливается социальное расслоение общества, наблюдаются процессы маргинализации социальных групп населения, преобладает негативное социальное настроение, акцентирована роль социальной защиты как определенного стабилизирующего, интегрирующего социального фактора.

Реализация региональной социальной политики включает следующие меры:

- выделение в областном и местных бюджетах отдельной строкой ассигнований на финансирование мероприятий и финансовое обеспечение программ в области социальной политики; организацию целевых фондов, социальной помощи отдельным категориям граждан, социальных служб, консультативных центров, социальных клубов, кабинетов и телефонов доверия, научных исследований проблем семьи, подготовки соответствующих кадров;

разработку и осуществление областных программ комплексного и целевого характера по направлениям социальной политики, а также включение соответствующих разделов в областные программы экономического, социального и культурного развития;

принятие специальных законодательных и иных правовых актов области, решений местных органов власти и управления; внесение в качестве законодательной инициативы изменений и дополнений в действующее законодательство Российской Федерации и иные правовые акты по вопросам семейной политики;

координацию деятельности системы территориальных органов социальной защиты, а также специальных служб различного профиля по оказанию

социальной, медико-психологической, педагогической, правовой, организационной помощи;

создание целостной системы допрофессиональной и профессиональной подготовки и переподготовки в области социальной работы с различными возрастными и социальными группами, семьей, детьми и подростками;

обязательное систематическое и непрерывное повышение квалификации сотрудников социальных служб помощи семье, женщинам и детям;

- независимая экспертиза принимаемых региональных социальных программ с точки зрения их воздействия на жизнедеятельность человека;

создание информационных баз данных, отражающих различные аспекты реализации семейной политики региона и необходимых при анализе и прогнозе: субъекты и объекты социальной политики, параметры программ, динамика процессов;

- публикация важнейших правовых и нормативных актов в области социальной политики, информации о структуре системы социальной поддержки и основных направлениях деятельности в сети Интернет.

Социальный менеджмент

Социальная политика есть цель социального менеджмента, лишь вместе они осуществляют либерализацию социальной сферы, конструирование и преобразование социальных систем в направлении совершенствования механизмов функционирования культур. Социальное поведение человека детерминировано объективными и субъективными факторами. Помимо регулятивных действий институтов власти и субъектов общественного влияния, детерминантами поведения социальных субъектов служат сложившиеся типы организационных культур, правосознания, социокультурные ценности, стереотипные поведенческие реакции, составляющие целостный континуум гражданской культуры.

В частности, рыночный контроль найма и увольнения, системы оплаты часто совсем не задействованы, зарплата выпускников, дипломированных специалистов социальной сферы не привлекательна, вакансии служащих социальной сферы могут по-прежнему заполняться по звонку. Лишь социальные приоритеты образуют фундаментальные принципы и механизмы управления социальным развитием, формируют социальный менеджмент. Различия в принятии управленческих решений по социальным проблемам и общие стратегии реализации социальной политики в условиях плановой и рыночной экономик очевидны, хотя социальный менеджмент реализуется лишь при условии подготовленности властных структур к реформированию социальной политики. На первый план выходят цели создания сильных организационных культур, успешного осуществления интеграции национальной и организационной культуры.

Кратко- и долгосрочные цели социальной политики при переходе к рынку реализуются при условии подготовленности властных структур к реформированию социальной политики. Поэтому в структуре социального менеджмента видное место занимает наряду с конкретным социальным проектированием и всеми формами менеджерского контроля еще и экспертиза социальных, культурных, экономических решений, а также организация государственной экспертизы, социальная экспертиза и ее задачи. Другой важной стороной социальной компетенции управленца выступают сами методы социальной экспертизы и использование ее результатов.

Примером социальной экспертизы может выступать анализ университетской кафедрой региональной концепции семейной политики, участие в формировании расходных статей бюджета государственных внебюджетных фондов, исследование региональных особенностей финансирования политики занятости. Классический пример социального менеджмента – смена стратегий социальной политики в масштабах государства от welfare к workfare. Культурный контроль способствует формированию беспристрастности, отношений справедливости, чувства принадлежности к сообществу профессионалов социальной сферы и социальных работников, к коллективу службы и своей команде. Сплав национальных и организационных культур приводит к успеху при соблюдении условий эмоциональной и положительной идентификации с когортой профессионалов социальной сферы, сопричастности новой идеологии института социальной политики как института человека.

При этом несовместимость первых шагов по реализации задач повышения жизненного уровня людей и реформирования экономики лишает отдельных руководителей ориентиров и технократической легитимации своей власти. Поставленные вольно или невольно в метафизическую ситуацию, мы оказались перед измененным прошлым и неопределенным будущим: на горизонте современной цивилизации, по Веберу, маячит бюрократ египетского типа. К тому же, если не будет разрушено в кратчайший срок всевластие номенклатуры, общество не сможет вырваться из тенет коррупции и беззакония, а сама идея демократической модернизации России может оказаться неосуществимой.

Выделяют пять измерений глобальных культурных потоков, которые движутся по неизоморфной траектории: 1) этнические перемещения, образующие потоки людей: туристы, мигранты, беженцы; 2) техническое движение - потоки машин и заводов, производимые мультинациональными корпорациями; 3) движение финансов; 4) средств информации, потоки, порождаемые газетами, журналами, ТВ и кино; 5) движение идей, связанное с потоками образов, ассоциируемых с межгосударственными движениями, идеология которого включает элементы мировоззрения просвещения (демократия, свобода, благосостояние, право)¹⁹.

¹⁹ Wallerstein I. Culture as. the ideological battleground of the modern world-system/ Theory, culture and sociality. London. 1990. V. 7, N 2-3.

Классические жестко детерминированные линейные стандарты методологически подпирают представления об усилении роли и самой идеи государственности в жизни социума. В действительной нелинейной картине социума, хрупкость бытия, эффекты неопределенности и риска, страдание и пограничность, неукорененность и слабая готовность к конкуренции, модальности оказываются более адекватными поведенческими характеристиками социального субъекта, нежели стандартные социальные детерминации пространства и времени. Хотя идеология социального обслуживания постепенно уходит от собесовской интерпретации, еще долго до того, чтобы мы окончательно отошли от позиции ожидания манны небесной.

Профессионализм в социальной политике

Социальное образование можно понимать по крайней мере в двух аспектах: а) в качестве профессионального образования; б) как составляющую любой профессии; в) как обязательную составляющую подготовки управленческих кадров. В любом случае в отличие от некоторых других видов и форм обучения оно должно быть универсальным и не может ориентироваться исключительно на узкую специализацию. Поскольку образование конституирует социальную мобильность, профессию, социальные аттитюды к деятельности данного института.

Следующая проблема может быть сформулирована как защита клиента от непрофессионала - большая часть работников социальных служб не имеет сегодня базового социального образования, эффективность их деятельности невысока, большинство из них не сможет пройти профессиональную аттестацию на соответствие занимаемой должности. Современность внесла существенную коррективу в регламент воспроизводства профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы для достижения успеха. Параллельно необходимо преодоление отечественного парадокса занятия вакансий социальных служб непрофессионалами и невозможностью попасть в профессиональную когорту для квалифицированных выпускников социальных факультетов. Ведь клиент полностью доверяет свою судьбу профессионалу, чьими услугами он пользуется.

М.Вебер²⁰ рассматривал процесс профессионализации как переход от традиционного социального порядка к современному типу общества, где статус индивида определяется рационально осмысленными целями его деятельности, поэтому социальное образование организуется по соответствующим государственным стандартам для подготовки компетентных специалистов для социальной сферы. Междисциплинарный смысл подготовки означает проблемный характер обучения, в котором какая-

---

²⁰ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире/ Этика успеха. Вып. 3. Москва-Тюмень, 1994.

то конкретная проблема освещается с позиций различных научных дисциплин, интегрируясь воздействием профессиографических целей.

Профессиональная деятельность социального работника направлена на улучшение качества жизни людей в любом отрезке социального и личностного времени, изменение пространства социокультурной среды, жизненного пространства. Поэтому подготовка социальных работников должна формировать профессионала, понимающего и знающего его личностные проблемы, владеющего научным инструментарием в объяснении и оценке ситуации, классификации категорий клиентов, в формулировке целей, задач и конкретных услуг; социальными технологиями и практическими навыками, исходя из нужд клиента, привлечения его собственных ресурсов и формулировании навыков самоконтроля. При этом социальный работник не остается в плену своих культурных норм, он осознает различные формы переживания и понимания реальности, сохраняет уважение к человеку независимо от его поведения, возраста и статусной позиции в социальном пространстве.

Другая сторона проблемы состоит в том, что каждый новый этап в развитии общества требует существенного обновления не только самой социальной политики, но и концепции подготовки кадров для социальной сферы, исследовательского аппарата социальной науки. Основой такого обновления могут быть: а) отказ от старых категорий и показателей, которые неплохо объясняли содержание прежнего состояния общества, но оказались неэффективными; б) выработка нового понятийного аппарата, новой системы показателей, которые могли бы наиболее адекватно выразить новое состояние общества. Очевидна, например, потребность обновления теоретико-методологических основ анализа социальной структуры и субъекта социальной политики.

Для выполнения качественной работы по оказанию социальных услуг населению, разработки программ социального развития от индивидуального до регионального уровня необходима профессиональная квалификация не ниже магистратуры по социальной работе. Социальная работа как профессия развивается в Великобритании, США, Швеции и других развитых странах с конца XIX - начала XX века, а мы ввели этот социальный институт лишь в конце XX века. Прямая трансформация зарубежного опыта, как и вообще трансляция культуры, здесь вряд ли возможна: интеркультурные различия в традициях, образе жизни, религии, типах научной рациональности, этнических, цивилизационных и психологических аспектах достаточно весомы, так как создают различия в основе, фундаменте и стартовых условиях введения нового социального института и новой профессии.

К числу негативных факторов можно отнести архаичную, сохранившуюся от прежних времен неэффективную систему управления, когда практически отсутствует стратегия, а существует лишь ориентация на краткосрочные результаты, не уделяется внимание изучению конъюнктуры рынка, остается низким уровень квалификации руководителей и

специалистов, не создан эффективный механизм управления финансами и расходованием материальных и денежных средств. Сюда же можно добавить непрозрачность, закрытость отчетности, что порождает отсутствие достоверной информации о финансово-экономическом состоянии предприятия для членов хозяйства, потенциальных инвесторов и кредиторов. И все это на фоне государственной собственности на средства производства, элементов уравниловки, достаточно развитых элементов собесовской идеологии и государственного патернализма, социальной защищенности в виде бесплатного здравоохранения, образования.

Линейному мыслителю, собравшемуся пофилософствовать о социальной работе в ситуации постмодернизма, придется натолкнуться на необычные принципы и характеристики профессионализации, междисциплинарность предмета, концептуализацию социального действия не механическим набором понятий и категорий различных наук, но посредством философской рефлексии жизненного хронотопа, социального времени и судьбы, пространства культуры, гуманитарной стратегии. Методология социальной политики состоит в том числе в трансляции идеи партнерства во взаимодействии пространств социальной политики, образования и воспитания. Иными словами, социальный институт по созданию условий для понимания, социальной поддержки, коррекции нетипичного индивида должен быть дополнен инновационной, неавторитарной, интерактивной моделью образования.

Социальная педагогика

Необходимость пересмотра институтов и бюрократических стереотипов поведения, скомпрометировавших себя равнодушием к человеческим проблемам и потребностям, сориентировали общество навстречу новому знанию и новой массовой профессии. В сфере образования социальная работа может быть представлена как социальная педагогика. Социально-педагогическая деятельность впервые определена в духе социального смыслового действия в ситуации нетипичности в пространстве образования, социальная педагогика посредством технологических процедур социальной работы способна служить защите молодого поколения в образовательных пространствах.

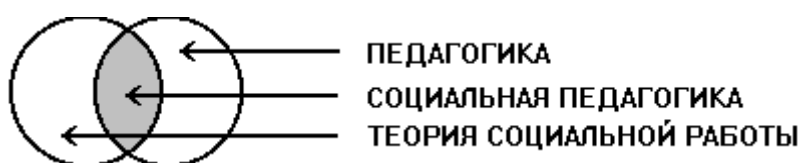
В ряде случаев тесно соприкасаются между собой социальная работа и социальная педагогика. Соотношение теории социальной работы и социальной педагогики как научных дисциплин возможно рассматривать по ряду оснований. Первое из них заключается в том, что объект исследования теории социальной работы - не человек вообще, а человек страдающий. Его жизненный путь в точках маргинального состояния, аномии, патологии, неукорененного социального статуса, социальной дезинтеграции и пограничной ситуации подвергается риску в любом отрезке жизненного хронотопа, от раннего детства до престарелого возраста. Эти точки и линии риска, анализ инвайронментальных и возрастных детерминант

социопатологии, а также выбор технологий возрождения социального здоровья, реинтеграции в нормы общества и культуры составляют предмет теории социальной работы.

Объектом социальной педагогики выступает человек в системе социального обучения (социального научения), синтеза воспитательного и образовательного процессов в основном пространстве социокультурной нормы, с ограниченной возможностью обучения жизненным хронотопом и социальным статусом. Фактически в поле проблем попадают, хотя и с некоторыми оговорками, концепции и методы обучения определенной возрастной группы, не имеющей законченного социального статуса.

Логически объем понятия социальной педагогики в этом случае находится на пересечении объемов педагогики и теории социальной работы:

Условимся, что педагогика имеет объектом контингент дошкольных и школьных учреждений, имеет ограничение статуса возрастной шкалой и аномией, тогда объем содержания понятия социальной педагогики совпадает с символизирующей совпадением частью контингентом, которыми занимаются педагоги и социальные работники.

Второй момент связан с эволюцией наук о человеке. История науки и образования знает немало таких примеров формирования смежных дисциплин и профессий: культурная антропология, социология культуры, социальная психология, экономическая социология, биофизика, социолингвистика. Это обстоятельство не отменяет тот факт, что синтез двух наук создает новый, уникальный предмет анализа, а интеграция двух профессий даст новый вариант профессионала. Классическая педагогика в отличие от советского периода не разделяла воспитательный и обучающий процессы, не исключала психологические основы воспитания, не подменяла их пропагандистской идеологией. По самой своей стратегической сути тоталитарная педагогика оказалась в стороне от идей Дистервега, включающих социальное пространство как социальный фон, социальную среду, сопровождение образовательного и воспитательного процесса. Теория процесса обучения как такового, чистой дидактики и воспитания личности, ответственной перед социумом и удобной для общества, оказалась в ситуации необходимого дополнения стратегией выживания и спасения, принципом культурсообразности и конкурентоспособной социализации личности, ситуацией ответственности общества перед индивидом.

Третий аспект проблемы связан с уровнем научного познания. Развитая наука имеет все три уровня: теоретический, эмпирический, прикладной. Только заметное развитие одной из этих частей может "увести" научную дисциплину на какой-то один уровень. Так, обыденное сознание, к примеру, долгое время относило социологию к прикладным методикам

опросов, а сегодня социальная работа предстает перед обывателем как чисто механический, неквалифицированный уровень обслуживания клиента, либо как чисто прикладная отрасль знания.

Но и социальная педагогика, если она хочет утвердиться как современная наука о социальных изменениях в процессе обучения жизни, не может оказаться в сфере чисто прикладных методов и методик либо в царстве чистого разума. Для общества риска, которое ощущает потребность не только в информации и знании, но и в реальных средствах общения, интеграции и реинтеграции, технологиях изменения социальных структур и условий жизни, чистая теория оказывается слишком большой роскошью.

При этом вряд ли плодотворны дискуссии, стремящиеся сводить одно понятие к другому или считать одно частью другого. Такая позиция повторяла бы известную ситуацию с королем Лиром, раздавшим свои владения дочерям и оставшимся ни с чем. Однако известный гамлетовский вопрос всегда остается у каждого, кто обращается к социальному работнику за помощью в его решении. Не стоит разводить предметы этих дисциплин полярно, по жестко линейному принципу: на одном полюсе социальная работа, на другом - социальная педагогика. Это напоминает десятилетиями вбивавшийся в наше сознание образ демаркационной границы между философскими школами как вездесущий основной вопрос философии.

Германская культурная традиция дала начало социальной педагогике, проявив при этом некоторую настороженность к термину *social work*. Одновременно англоязычная традиция, идущая из первых школ социальной работы, опиралась более на психологию: первоначальный термин так и звучал: социально-психологическая работа. Страны Старого и Нового света (США, Великобритания, Ирландия, Швеция) обозначили социальный институт по созданию условий для понимания, поддержки, спасения клиента-индивида в ситуации аномии как *social work*. Россия и отчасти Швеция оказались сегодня в ситуации выбора теорий и школ социальной работы для их последующего синтеза в процессе формирования собственной концепции социальной работы. При этом языковая и культурная трансформация этих концепций происходит по известному принципу дополнительности Н. Бора. Жесткий перевод самого термина *social work* на русский язык первоначально вызывает сопутствующие ассоциации и непонимание. *Social work* в конечном счете означает любые клинические, социальные, рекреационные службы для улучшения общественного благополучия, помощи бедным и возрастным группам.

В прикладной части формы и методы социальной педагогики одновременно становятся одним из видов технологий социальной работы: работа вместе с клиентом по овладению знанием, организации досуга, повышению конкурентоспособности и улучшению оснований для самовыражения. В результате социальная педагогика несет в себе как бы двойные функции: педагогические и социальные. По предмету анализа как научная дисциплина она отличается и от педагогики как таковой, и от теории

социальной работы, совпадая с ними, однако, в стратегическом смысле.

Социальная защита

Социальная устойчивость понимается как баланс между социально-позитивной деятельностью человека и теми социальными благами, которые предоставляет ему общество. Пространство социальной защиты радикально изменилось и продолжает реформироваться. После восхождения к вершинам цивилизации катастрофические события европейской истории обнаружили технократическую и экологическую неустойчивость, неустранимую хрупкость мира и конечность человеческого существования - не только индивидуального, но и родового, общеисторического. Осознание собственной смертности и несовершенства, несправедливости социума оказалось едва ли не самым адекватным и глубоким знанием о природе человека. Налицо парадокс социальной патологии, болезней общества и необходимости личностной, экзистенциальной терапии, которая особенно трудна в разрушенной культуре, неразвитости правосознания и рыночной экономики.

Остроту этих сюжетов могли бы смягчить процессы распада тоталитаризма и развитие постиндустриального уклада, информационного пространства, возрождение частного интереса, диалог культур, формирование открытого гражданского общества, электронный бум в жизни людей, технологическая цивилизованность, интеграция в пространство мирового сообщества. В этой ситуации введение институтов социальной работы, социальной защиты и социальных гарантий и прочих атрибутов социального государства становится синтезирующей основой социальной политики, в том числе молодежной, этнической, культурной.

Отечественная социальная политика обобщает западный опыт борьбы с бедностью, превентивные меры по поощрению инициативного поведения граждан в сфере жизнеобеспечения. В задачу встает реализация принципа индивидуального реформизма, адаптирующего к различным ситуациям и нацеленного на представление адекватных возможностей и средств деятельности и обеспечения безопасности человека²¹. Эти изменения создают условия для развития социальных услуг и социальной работы. Однако в политической и социально-экономической ситуации в современной России достаточно трудно построить исчерпывающую модель законодательства в отношении социальной защиты. В службах наследуется организационная культура собеса - бюрократический мир безразличных чиновников, чьи функции не требуют профессиональной квалификации, остаются те же служащие, начальники приходят из бывших собесов.

Период советской истории вызвал к жизни особые формы социальной защиты и модели социальной политики. Некоторые (но далеко не все) функции социального работника в этот период были распределены между

---

²¹ Розанваллон П. *Новый социальный вопрос*. М. 1997. С.187.

различными специалистами, учреждениями и инстанциями. До перестройки социальные услуги предоставлялись пожилым, инвалидам и сиротам и состояли в выплате пенсий и помещении клиентов в дома-интернаты. Необходимость пересмотра и реформирования скомпрометировавших себя бюрократизмом и невниманием к человеку институтов должны не только сориентировать наше общество навстречу новому знанию и новой массовой профессии в сфере социальной работы, но и заострить проблему формирования социального менеджмента.

По данным Минтруда России, сейчас насчитывается около тысячи различных видов социальных льгот, пособий, дотаций и компенсационных выплат. Они установлены более, чем для 200 категорий граждан (ветераны, инвалиды, дети, безработные, учащаяся молодежь и т.д.). Различные льготы получают почти 100 млн. человек, или около 70% жителей России, в то время как доля действительно нуждающихся не превышает 30% населения. Суммарная стоимость всех этих видов социальной поддержки оценивается в 350 млрд. рублей.

В этой связи особую актуальность приобретает пересмотр существующего порядка предоставления льгот. В частности, представляется целесообразным законодательно утвердить принципы, критерии и условия предоставления социальных льгот и выплат, разграничить источники их финансирования. При этом необходимо законодательно установить, что государственная помощь оказывается только тем семьям, в которых среднедушевые доходы ниже регионального прожиточного минимума. Помощь должна предоставляться на заявительной основе и носить временный характер.

При этом важно, чтобы предлагаемые изменения не коснулись действующих льгот для таких относительно небольших и постоянно уменьшающихся по численности категорий населения, как инвалиды и участники Великой Отечественной Войны, неработающие инвалиды - участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В связи с тем, что основой адресной системы социальной помощи является прожиточный минимум, а основным критерием для ее предоставления - соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума, установленного в конкретном субъекте Российской Федерации, особую важность приобретает определение параметров бедности и выявление среднедушевого дохода семьи для оценки реальной нуждаемости. Необходим законодательно закрепленный порядок исчисления среднедушевого дохода семьи, предоставляющий возможность исполнения адресной социальной поддержки малоимущим, а также порядок учета и исчисления величины среднедушевого дохода, дающего право на получение ежемесячного пособия на ребенка.

Вместе с тем современные стратегии социальной политики должны быть направлены на разработку условий и механизмов смягчения социального неравенства как следствия неравномерного распределения человеческого капитала в аспектах здоровья, интеллектуальных способностей, уровня образования, пола, возраста, этничности, географии

социального пространства. работы выступают не только рефлексия, анализ социальных и личностных проблем, но и разработка технологий социальной и экзистенциальной терапии различных социальных патологий, возрождение социального здоровья населения в целом, интеграция каждого индивида в социокультурную норму. Не баланс власти и экономики, но концентрация на повседневной жизни человека и условиях осуществления его жизненного пути, жизненных планов становятся приоритетом для теории социальной работы и социальной педагогики. Этим наукам найдется гораздо больше того, что разрабатывать сообща, нежели того, о чем спорить. Не стоит делить межи, когда грозит общая опасность.

Примерной программой предусмотрено рассмотрение семи законопроектов, вносящих изменения и дополнения в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", подготовленных разными субъектами законодательной инициативы и поэтому содержащих различные, зачастую альтернативные точки зрения на целесообразность сохранения "чернобыльцам" тех или иных льгот. В частности, законопроекты, подготовленные Правительством Российской Федерации и Государственной Думой второго созыва предлагают значительное сокращение указанных льгот и гарантий.

Ситуация в области пенсионного обеспечения также характеризуется как кризисная, что проявляется прежде всего в низком уровне пенсий у многих пенсионеров, который не достигает даже прожиточного минимума. Множество проблем существует в сфере здравоохранения, науки, образования и культуры. Нуждаются в государственной поддержке ветераны, инвалиды, семьи с детьми. Пересмотрены нормы КЗоТ Российской Федерации, так как действующий до последнего времени давно отстал от происходящих в стране экономических перемен, отражая трудовые отношения предшествовавшей экономической модели.

Большинство существующих проблем в социальной сфере так или иначе находят свое отражение в программе законопроектной работы Государственной Думы. Так, только принятие пенсионного законодательства позволят на деле реально улучшить пенсионное обеспечение большинства пенсионеров. Например, проектом закона "О внесении изменений и дополнений в статью 7 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в Российской Федерации" и Федеральный закон "О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий" предусматривается введение понятия "среднемесячная начисленная заработная плата" вместо "среднемесячная заработная плата". Добавление слова "начисленная" увеличивает базу, от которой рассчитываются пенсии, и размер пенсии многих пенсионеров на практике будет больше. Целый ряд предлагаемых законопроектов по изменению норм действующего пенсионного законодательства создают условия для улучшения пенсионного обеспечения северян, и некоторых других категорий граждан.

Необходимо одновременно решать две задачи - стратегическую, связанную с разработкой принципиально новых законодательных решений в социальной сфере, и тактическую, связанную с преодолением многочисленных существующих и постоянно возникающих негативных явлений.

Политика занятости

Государственная политика в сфере занятости осуществляет конституционные права граждан на свободное использование способностей и выбор деятельности. Оптимальное решение проблем клиента - в активно проводимом социальном менеджменте, нахождении его внешних и внутренних ресурсов, повышении готовности к переменам, адаптивности, социальном научении, изменении ценностных мотиваций, ориентации не на пособие, а личностное развитие. Применительно к системе занятости оптимальное решение проблем клиента реализуется в нахождении его внешних и внутренних ресурсов, повышении готовности к переменам и адаптивности, социальном научении, изменении ценностных мотиваций - ориентации не на пособие, а личностное развитие²².

Такой переход в аспекте политики занятости означает понимание трансформации функций: от функций регистрации и выплаты пособий к профессиональному и социальному консультированию, психологической поддержке, переобучению, к социальной работе с клиентом в широком смысле слова. Все более актуальной становится реализация концепции адаптации к новым условиям, предоставления адекватных возможностей для деятельности, обеспечение безопасности человека.

Большинство социологических концепций рынка труда делает акцент на встроенности поведения на рынке труда в сети социального взаимодействия и демографических ограничений. Существует микроэкономическая установка методологического индивидуализма, сводящая все объяснения к индивидуальным мотивам и поведению, но с разницей в акцентах, расставляемых относительно ограничивающей роли социальных структур²³. Другие подходы к рынку труда придерживаются взгляда на пространство рынка как на сферу трудовой мобильности со стороны работника и текучести кадров со стороны фирмы.

Семантика занятости выходит за рамки чисто экономического понятия, приобретая широкий контекст социальной защиты через профессию. Вместе с тем социальный менеджмент института занятости обеспечивает системы норм и правил, регулирующих поведение в сфере

²² Ярская В.Н. Научно-методическое обеспечение регуляции занятости: объективные и субъективные аспекты//Занятость и проблемы ее регулирования. Саратов: ПФ РУЦ, 1996, с.22.

²³ Mark Granovetter. Sociological and Economical Approaches to Labour Market Analysis: A Social Structural View in The Sociology of Economic Life. Westview Press, Boulder-Oxford, 1992, pp.233-264.

рынка труда посредством интеграции в структуру общества. В процессы социального развития включаются разные министерства и ведомства социальной защиты, народного образования, труда и занятости, здравоохранения, внутренних дел. Сама идея применения термина “социальный работник” в отношении сотрудника службы занятости была сформулирована в 1992 году, вскоре получив официальный статус.

Условия успешной политики занятости: эффективность труда, системы переподготовки, развитие рабочих мест, сведение к минимуму рудиментов нерыночных отношений, скрытой безработицы и занятости, достижение определенности статуса занятости, интеграция службы занятости в общую систему социального регулирования.

Политика на рынке труда – лишь составная часть социального менеджмента и политики занятости, она решает частные задачи ликвидации диспропорций рыночной экономики, минимизации издержек безработицы, повышения мобильности и конкурентоспособности. Сердцевиной менеджмента в данной сфере и одним из эффективных путей политики занятости выступает система профессионального обучения безработных и незанятого населения в контексте ресурсов человеческого развития, кадровой политики, мониторинга рынка труда.

Продолжительность занятости была ранее критерием успешности выбора работы, а высокая мобильность уместной только на ступени выбора рабочего места. Распространенным эмпирическим наблюдением является тот факт, что те индивиды, которые имели опыт какого-либо события (мобильность, безработица), то они с большей вероятностью, чем другие, повторят этот опыт. Реформирование общества и социальных институтов безусловно изменяет концепцию, принципы и подходы социальной политики. Существуют культурно-исторические особенности управления социальной сферой, формируется особый тип социального менеджмента в государствах различных типов. Известны различия между социальным менеджментом и социалистической формой управления, которые связаны с соответствующими моделями экономических реформ. Естественно, что социальная политика государства переходного периода благополучно разрабатывается и управляется лишь при условии анализа и учета объективных и субъективных факторов, подготовленности самого населения к изменению социальной политики.

Значимость политики занятости определяется формированием соответствия профессионального потенциала, активизацией индивидуальных возможностей, адекватных стратегий поведения. Отмена государственного патернализма на фоне тривиальной аскриптивности иждивенческих установок безработных не означают автоматической смены стереотипов массового сознания на индивидуальную ответственность и самостоятельность. Необходимы генеральная схема создания рабочих мест, методика выделения региона или города депрессивного типа, критической ситуации на рынке труда на базе показателей занятости и уровня жизни

населения. В макроэкономической политике и государственных стратегиях очевидны приоритеты занятости: рациональной структуры занятости, сбалансированности предложения рабочей силы и создания рабочих мест, развития трудового и интеллектуального потенциала, профессионального обучения, распределительных отношений в трудовой сфере.

Пространство социальной работы

Цели социальной работы включают социальную поддержку индивида, его интеграцию в социум, повышение степени самоконтроля и способности к самостоятельному решению проблем, изменение социального пространства, необходимое для создания условий проявления возможностей личностного роста, самоутверждения клиента, сохранения или восстановления чувства собственного достоинства, уважения к себе и другим. Достижение этих целей ведет к поддержанию социальной темпоральности и усилению субъектной роли клиента на жизненном пути. Отсюда возможно такое определение: социальная работа - это многоаспектная профессиональная деятельность различных социальных институтов по освобождению резервов социального времени, обеспечению социального здоровья, гражданского и личностного комфорта, благополучия социального пространства, конкурентоспособности, интегрированной включенности в социум.

Приоритеты человека и общечеловеческих ценностей не должны оставаться благим пожеланием, они выступают принципиальной позицией по включению умений, знаний и навыков в осуществление целей социальной работы. Принципы социальной работы строятся на общечеловеческих универсалиях культуры, приоритете человеческих ценностей, философии гуманизма. Принцип гуманизма включает в себя милосердие к людям, цивилизацию любви, предполагающую любовь к человеку, народам, культуре, но и рациональность организации помощи человеку не в абстрактных, а конкретных формах. Это не только призыв любить ближнего, но и оптимальный путь к выживанию, спасению.

Бердяев говорил о российском менталитете, содержащем жалостливый гуманизм в отличие от западного рационализма. Вместе с тем, совершенно очевидна невозможность оказания помощи людям, основанного исключительно на традициях жалости. Конкретный гуманизм включает профилактику риска (наркомании, преступности, суицида, голода, обнищания), культурное и профессиональное развитие граждан, защиту прав, организацию детского воспитания, уважение к другой культуре. Чем более развито правовое общество, тем гарантированней социальная защита и успех социальной работы, тем меньше вероятность в ситуации конфликта или любой формы риска выскочить на полюс суицида, незанятости, наркотической зависимости, любого пограничного состояния. Привычная позиция ответственности человека перед обществом предполагает и ответственность самого общества перед человеком, каждым индивидом за

его социальное здоровье и социальный статус.

Личностный подход к человеку как принцип социальной работы акцентирует внимание на человеке как личности, уникаме, индивидуальности. Человек есть единство уникального и универсального, биологического и социального, этничности и мировой культуры. Личностный подход предусматривает поиск возможной одаренности, нераскрытых способностей, индивидуализацию в подходе к группе, знание особенностей и этапов социализации. Необходимо понять, а не осуждать клиента, не вызывать чувство страха и ненависти, не быть высокомерным по отношению к нему, не навязывать свое мнение насильно, а привлекать его к сотрудничеству на основе добровольности и свободы выбора, сберечь его личностное достоинство и самоуважение.

Именно в этом контексте личностный подход пересекается с принципом аттракции, доверия к клиенту. Только на этих принципах социальный работник может ожидать доверие и уважение клиента к себе самому и другим личностям, может расположить клиента к взаимопониманию и взаимодействию. При этом интересы клиента социальный работник ставит выше своих собственных, исповедуя принцип альтруизма как отказ от эгоистических мотиваций во имя высших целей поддержки, коррекции, терапии, спасения клиента.

Следующей важной группой принципов выступают принципы модальности (гибкости), перманентности (непрерывности), компетентности. Принцип модальности предполагает гибкий подход с учетом конкретного региона, специфики личности клиента, его пола, возраста, характера, культуры, традиций, религии. Например, жители города и села, Северного Кавказа и Нечерноземья по-разному реагируют на отношение к старикам, традиционному укладу, изменению образа жизни. Выбор тестовых и других методик осуществляется социальными работниками в соответствии с социальным, этническим, семейным и психологическим статусом клиента.

Принцип перманентности означает требование непрерывности в социальной работе, недопустимости прекращения коррекционных, терапевтических и поддерживающих действий, разработки индивидуальных программ, действующих на протяжении жизненного пути клиента, с учетом его темпоральных особенностей, а также изменения окружающей среды, инвайронмента.

Принцип компетентности в социальной работе ориентирует на знания, умение и профессионализм, сопровождается рефлексией “не навреди” (как у врачей), сочетанием профессиональных и непрофессиональных (домашнее лечение) форм поддержки и терапии. Этот принцип предполагает заботу о кадрах, повышении их квалификации, переобучении, дополнительном образовании, их специальной стажировке.

Принцип посредничества связан с работой в комплексе, системе, работой в команде. Это связано с мультидисциплинарностью самой теории социальной работы, вхождением в русло социальной работы результатов

различных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Сам же социальный работник оказывается в интердисциплинарном поле проблемы, которая не решается средствами одной психологии, социологии, экономики, права, медицины. Успешное решение проблемы возможно исключительно в результате комплексного подхода, системного видения проблемы. Отсутствие такого синтеза означало бы принятие узковедомственного, либо только филантропического подхода к социальной работе и отход от более широкого гуманистического принципа, о котором мы говорили выше.

Расширенный вариант понимания, при котором социальная работа представляется как присутствующая буквально во всех сферах общества и жизнедеятельности человека, образует псевдоглобальный подход. Этот подход надо отличать от глобального, составляющий в единстве с реализацией глобальной идеи в локально-конкретных действиях и проявлениях обязательный аспект гуманистического принципа. Имеется в виду также представительство института социальной работы на всех уровнях (от отдельной семьи до мирового сообщества), а также личные беседы социального работника с целью распространения научных знаний.

Важным моментом теории социальной работы является то, что сознание “Я” переживается именно данным отдельным индивидом и понимается в качестве определенных высказываний, форм поведения другого человека, с которым мы вступаем в коммуникацию. Психические феномены как внутренние переживания обладают объективирующими эквивалентами, а именно - соответствующими языковыми выражениями. Таким образом, рефлексивность характеризуется как внутренней формой переживаний, так и внешней формой языковых коммуникаций, язык выступает средством установления контактов между людьми.

Научная парадигма социальной работы опирается также на проблему коммуникации, типология которой детерминирована тремя типами социальности, то есть тремя типами организации общества. Первый из них связан с организацией социума на основе частного интереса, изолированного индивида и представляет собой общение на принципе утилитаризма, посредством принесения пользы. Эмпирический индивид представлен как предмет биологии и физиологии, существующий в социальном и природном времени. Этот уровень коммуникации характеризуется чистой оппозицией субъекта и объекта, ограничен соматикой, не включает душевное состояние.

Второй тип коммуникации связан с формально-правовой организацией общества, предметный мир изучается естественными науками, сознание выступает объектом изучения логики и трансцендентальной философии. Субъект действия “Я” как представитель субъективности становится условием возможности объективного бытия, знания в категориях. Абстрактное время изолируется от общения, коммуникация осуществляется научным сообществом на основе права, признания общих законов и конвенциональности, есть видимость субъективации объекта, но оба остаются чуждыми друг другу.

И, наконец, третий тип экзистенциальной коммуникации связан с организацией типа неформальных общин, дух как темпоральное событие коренится в индивиде, его жизненном событии как моменте истории, жизни целого народа, нации, государства. В основе экзистенциальной коммуникации лежит христианская заповедь “Возлюби ближнего как самого себя” и понимание глубокого одиночества человека в эпоху ослабления традиционных связей. Здесь нет чистого объекта, зато есть подлинная внутренняя связь двух субъектов, неповторимых судеб, единство разума и экзистенции как источника бытия. Экзистенциальное общение является необходимой предпосылкой социальной терапии, социальной работы. Интуитивное проникновение в жизнь клиента раскрывает исследовательскую и реальную дилемму: или человек лишь предмет исследования, или человек есть свобода собственной темпоральности, экзистенции.

Понимание чужого мира возможно исключительно путем вживания, чувствования, сопереживания, эмпатии, преодоления эгоистической природной склонности. Когда есть необходимость индивидуального прояснения вины, ответственности, решения, то этому сопутствует свобода выбора желания либо безразличия. Но интерес к морали, естествознанию, истории, праву и философии культивирован той мерой, которая определяет соприкосновение этих социетальных сфер с проблемами человека, вторжения в сферу его экологии, выживания. Поэтому в научном подходе к социальной работе рекомендуется биографический и нарративный анализ, бережность к чужому самоистолкованию, изъятие клиента из актуальной ситуации, привлечение внимания к возможному преодолению конфликта и других пограничных состояний в самой структуре личности клиента.

Социальное действие - одна из центральных проблем теории социальной работы и теоретической социологии, так как обозначает проблему смысла, идеала и ее восстановления у клиента. Социальное действие не тождественно какому-то единообразному поведению, массовизации поступка, оно всегда выступает как индивидуальное человеческое действие, в котором важны мотивы действия и вопрос о смысле жизни. Вот почему социальная работа может быть раскрыта как смысловое социальное действие, экологически ориентированное на индивида или группу риска.

Социальная работа на практике связана с социально-правовой защитой клиента. Не вызывает сомнения необходимость скорейшего принятия целого ряда законопроектов по важнейшим вопросам социальной защиты и охраны здоровья граждан, так как на фоне ухудшения социально-экономических условий в стране, снижения уровня жизни населения отмечается, например, рост заболеваемости туберкулезом. Принятие данных законов установит правовые основы в деятельности системы здравоохранения Российской Федерации и обеспечит права граждан на охрану здоровья и доступную медицинскую помощь.

В ближайшей перспективе нет оснований надеяться на большое увеличение возможностей государства финансировать социальную сферу. Более того, из-за ограниченности финансовых ресурсов государство вынуждено сокращать расходы на предоставление уже установленных социальных льгот, что приводит к задержкам с выплатами или полному непредоставлению льгот и компенсационных выплат. Так, льготы, установленные Федеральным законом “О ветеранах”, в полном объеме реализуются лишь в 20 регионах.

По-прежнему острой остается проблема детской безнадзорности, обеспечения прав и жизненных условий неблагополучных подростков. Сегодня очевидно, что существующее законодательство не обеспечивает в полной мере решение этой проблемы, свидетельством этому является постоянно ухудшающаяся криминогенная ситуация в подростковой среде, неэффективность государственного контроля в работе с молодежью. С этой точки зрения представляется своевременным принятие законов, которые призваны содействовать укреплению законодательной базы государственной молодежной политики, правовой защите интересов детей, детей-сирот.

Семейная политика

Положение семьи в обществе обусловлено не только уровнем и качеством социально-экономической жизни, но и уровнем научно-теоретической разработанности проблем семьи, формированием стратегии всей социальной политики. Потребность анализа ситуации и прогноза развития современной семьи, координация различных структур представительной и исполнительной властей, общественных объединений в формировании активной семейной политики в интересах семьи, законодательной основы защиты и реализации прав семьи обосновывают необходимость разработки региональной концепции семейной политики.

Когда мы говорим о социальном статусе семьи, то подразумеваем уровень социального здоровья и благополучия семьи, исходя из дефинитивных признаков категории социального здоровья. Это и ценности культуры, и социальная экология, в том числе защищенность от социально-патологических процессов, то есть болезней общества. Поскольку семья выступает интегрированным клиентом социальной работы, то с точки зрения гуманистической идеологии семейной политики социальное благополучие и здоровый статус семьи зависит от целого комплекса статусных компонентов:

материально-экономического, социально-правового, медико-биологического, психо-интеллектуального, профессионально-образовательного.

Научный анализ проблем семьи включает в себя: 1) оценку исходного состояния социального статуса во всех его компонентах; 2) динамическую модель (мониторинг) социального здоровья семьи в условиях нестабильности; 3) выбор приоритетов социальной поддержки с целью преодоления кризисной ситуации; 4) конкретные меры и рекомендации, создание эффективной системы поддержки семьи; 5) прогнозирование последствий региональных программ и социальной работы с семьей.

Государственная семейная политика представляет собой самостоятельное направление социальной политики, отражающее новое качество партнерских отношений семьи и государства на основе их правового регулирования, предоставления семье реальных прав и государственных гарантий функционирования, обеспечения баланса интересов семьи-личности-государства, активизации субъектной роли семьи. Семейная политика включает целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

Проблемы семьи не могут быть поняты и решены вне их социокультурного контекста. Очевидно, что множество событий, включенных в процесс родительства, являются общими для всех семей. Родители детей со специальными нуждами помимо переживания событий и ситуаций, свойственных большинству семей, испытывают воздействие ряда других факторов, первый из которых есть тип и форма заболевания как такового. Настолько же важен фактор социального отношения к ребенку-инвалиду, то есть отношение к ребенку в семье во многом зависит от его статуса в обществе. Особенно тяжело адаптируются к новым социально-экономическим условиям семьи, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями.

Вместе с тем увеличивается свобода выбора для личности, самостоятельность и независимость семьи от государства, возрастает социально-экономическая мобильность населения. Ослабляется государственный контроль над деторождением и отношениями внутри семьи, планирование семьи становится частным делом, одновременно формируются основы гражданского общества, расширяющие права и возможности индивида и семьи. Меняются формы и методы, посредством которых государственные институты взаимодействуют с отдельными людьми и семьями: взамен устаревших патерналистских моделей социальной защиты формируются более гуманные, признающие право человека и семьи на самоопределение. Семья начинает рассматриваться в качестве субъекта социальной политики, что ведет к существенному перераспределению прав и взаимной ответственности между семьей и государством. Растет многообразие неправительственных организаций, выступающих партнерами

государства в социальной работе с семьей. Расширяются возможности свободного обмена идеями и опытом работы между российскими учеными и практиками, учреждениями социальной сферы, а также с зарубежными коллегами и организациями, эта информация становится открытой для общественной оценки.

Вопросы медико-социальной и трудовой реабилитации людей с ограниченными возможностями невозможно решить без участия социальных работников. Социальный работник выступает посредником между конкретным человеком, нуждающимся в каком-либо виде помощи, его семьей, другими специалистами, учреждениями и обществом в целом. В этой профессии объединены функции социолога, психолога, адвоката, социального терапевта и координатора услуг, необходимых ребенку, взрослому или всей семье.

С другой стороны, осознание особых потребностей ребенка может повлиять на изменение семейных ценностей. В этом случае семья может преодолеть свои прежние убеждения и представления о людях с физическими или психическими недостатками. То, как родителям удалось организовать взаимоотношения со специалистами, работающими с их ребенком, также влияет на ориентацию семьи в ситуации кризиса.

Самым лучшим является вариант, когда родители и специалисты выступают как партнеры, имеющие общую цель - развитие ребенка. Понимание ребенка, себя и ситуации может быть развито у родителя благодаря консультациям социального работника.

Повышение размера социальных пенсий, как и расширение системы льгот и услуг детям с ограниченными возможностями и их семьям, не могло не сказаться на том, что сегодня воспитываются в семьях намного больше нетипичных детей, чем пять лет назад. Процесс интеграции детей и взрослых с ограниченными возможностями в социум в России только начался. Число детских домов-интернатов для детей-инвалидов в России уменьшилось, как и число мест и численность детей-инвалидов, проживающих в них. Развитие законодательной базы этих изменений в России, хотя само по себе и свидетельствует о демократических переменах в обществе, но требует значительных усилий по осуществлению реальных изменений на местном уровне.

Нарушение физического или психического развития, как и любое функциональное изменение организма, старение или болезнь, не ограничено рамками медицинского явления. В качестве причины ограниченных возможностей может выступать неприспособленность окружающей среды для социализации определенных групп людей, например, недостаток или несовершенство образовательных программ, медицинских и социальных услуг, необходимых детям с нетипичным состоянием здоровья. Те, кто проводит исследования или работает на практике с нетипичными детьми, находятся внутри многоуровневого, мультиразмерного комплекса ситуаций, взаимодействуют с системами, которые помещены в другие,

взаимодействующие и взаимовлияющие системы. Ребенок развивается в двух крупных системах, одна из которых - семья, с ее собственными потребностями и нормами. Вместе с тем ребенок также посещает лечебное или образовательное учреждение, живет несколько дней в неделю в специальном интернате, то есть включается еще в одну систему с ее собственными правилами и законами.

Пространство социальной политики в период трансформаций

Институт социальной политики выступает как обязательный компонент гуманистического возрождения России, ее менталитета и социального здоровья, радикального переустройства, гармонизации отношений различных социальных групп. На первый взгляд область социальной политики инерционна, ограничена материально-финансовой ресурсной базой, пестротой кадрового состава. Ведущие кафедры соответствующего профиля, выставленная на сайтах информация за редким исключением заполнены именами ученых-экономистов, мало задействованы социологи, что свидетельствует о сохранении старых традиций в понимании социальной политики и социальной сферы жизнедеятельности человека.

Исключением являются немногочисленные профессиональные работы в этой области²⁴. Если думать, что наша социальная политика сводится к выплате пособий, на которые нельзя прожить, то она неэффективна - или вовсе не ведется. Надо учитывать, что уже сложился другой мир, ключевые особенности которого сводятся к доминированию новой социальной структуры – сетевого общества, информационной экономики, в этот мир нельзя интегрировать страны, которые не представляют интереса с точки зрения динамики глобального капитализма. Вместе с тем социальная сфера оказывается сложной системой жизнедеятельности, включая как позитивные, так и негативные стороны жизни человека: не всегда хорошо сочетаются здоровье, социальный статус, качество социальных услуг, доступность спорта, эффективность социальной защиты, равенство возможностей и, с другой стороны, дискриминация, безработица, преступность, алкоголизм и наркомания.

Прошлая социально-политическая система продолжила себя в устойчивости собесовской идеологии, иждивенческих установок, особой стратификационной сетке с сословной иерархией и элементами классовой дифференциации, тривиальной аскриптивности установок нетрудоспособных и слабозащищенных социально-демографических групп. Российское общество характеризуется заметным разрывом между бедностью и богатством, контрастом между городом и деревней, масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, делает общество социально разобщенным. Выбор жизненного стиля мотивирован

---

²⁴ См. труды авторов: И.Андреева, П.Романов, Т.Сидорина, Т.Шанин, О.Шкаратан, Е.Ярская

потребностью солидаризации с желаемой позицией, усиления субъективного статуса и дистанцирования от других, охватывает область социального пространства, объединяя экономические, властные, социальные и культурные измерения, подчеркивает значение ресурсов и социальных практик.

В протестантской Англии никто не обманывался идеей милосердия, преступление против собственности являлось одновременно преступлением против протестантской этики, богохульством. Множество криминальных героев выслали в колонии, которые позднее сами превратились в солидные государства, откуда выслать было некуда. Европейскими революциями было положено начало бунтов, получившее продолжение в фашизме, нацизме, американских социальных конфликтах великой депрессии, молодежной революции. Власти поняли, что необходимо социализировать людей, находящихся вне общества. Одной из функций социальной политики выступает предотвращение обрушения стабильности жизни, неустойчивого баланса интересов различных слоев общества при консерватизме и устойчивом недоверии к новациям большей части населения.

Проблематика социальных институтов и социальных трансформаций, проблемы социальной интеграции все чаще рассматриваются с точки зрения модификации социальной политики в условиях современной ситуации. Искусственная социализация, бесконечная поддержка людей, находящихся вне общества из-за социальных, экономических, психологических причин превращает их в государственных рантье. Поэтому сегодня социальное поведение индивида, разграничение функций социальных институтов и политической системы государства выступают острой проблемой, встает вопрос, в какой пропорции учтены интересы различных социальных групп.

Качество социальной политики определяется достижением относительного баланса интересов групп, мерой согласия основных социальных сил с характером распределения ресурсов общества, с возможностями реализации человеческого потенциала перспективными социальными сегментами общества, в том числе нарождающимися группами. Возможность социального конструирования связана с переходом к стабильности общества, приоритету человеческих ресурсов, уважению профессионала, реализация этой возможности осуществляется социальным менеджментом.

Методологии социальной политики состоит также в трансляции идеи социального партнерства во взаимодействии институтов социальной политики, образования и воспитания. Социальный институт по созданию условий для понимания, социальной поддержки, коррекции нетипичного индивида должен быть дополнен инновационной моделью социального менеджмента. При этом важными для человека современного общества являются межведомственные усилия, социальные последствия экономических решений. Хотя единство входящих в гражданское общество социальных страт определяется не степенью зажиточности, не общностью идеологии, но свободой жизненного выбора, социальная политика должна

быть направлена на повышение доходов населения, увеличение ресурсного обеспечения социальной сферы.

Пересмотр концепции социальной политики, ориентация на рыночный тип ее организации оказывается неотъемлемой частью социальных преобразований современной России, но реализуется неэффективно, сталкивается с барьерами стереотипов. Такая организационная культура сопротивляется актуализации принципа индивидуального реформизма²⁵, инновациям, которые угрожают *бюрократическим основам привычного порядка*. В течение постсоветского десятилетия социальная политика не способствовала созданию среднего класса в его предпринимательской части и не препятствовала деквалификации профессионалов – второй значимой составляющей этого класса. Следствием этого оказалось ущемление интересов среднего класса²⁶, на смену социальным программам универсального характера приходят программы поддержки специфических групп. Незрелость гражданского общества и правовой защищенности граждан привели к тому, что российская элита способна решать лишь краткосрочные проблемы.

Пространство региональной социальной политики включает ряд аспектов:

- финансовый - выделение в областном и местных бюджетах ассигнований на мероприятия и обеспечение программ; организацию фондов, социальной помощи, социальных служб, консультативных центров, кабинетов доверия, научных исследований, подготовки кадров;
- комплексный - осуществление программ целевого характера по направлениям социальной политики, включение соответствующих разделов в областные программы экономического, социального и культурного развития;
- правовой - принятие законодательных и правовых актов, решений местных органов власти и управления; законодательной инициативы изменений и дополнений в действующее законодательство Российской Федерации по социальной политике;
- координирующий - деятельность системы территориальных органов социальной защиты, специальных служб различного профиля по оказанию социальной, медико-психолого-педагогической, правовой, организационной помощи;
- кадровый - создание целостной системы довузовской, допрофессиональной и профессиональной, магистерской и послевузовской подготовки в области социальной политики с различными возрастными и социальными группами, семьей, инвалидами;
- квалификационный - систематическое и непрерывное повышение квалификации сотрудников социальных служб;
- экспертный - экспертиза принимаемых региональных социальных программ с точки зрения их воздействия на жизнедеятельность человека;

---

²⁵ Розанваллон. Новый социальный вопрос. М.1996

²⁶ Шкаратан О. Декларируемая и реальная социальная политика // Мир России. 2001. №2.

- информационный - создание баз данных по различным аспектам реализации социальной политики, публикация важнейших правовых и нормативных актов.

Концептуально в определение российской модели социальной политики заложен выбор – отстаивание общности с мировыми типологиями или акцентирование различий²⁷. Очевидна потребность в повышении уровня жизни до уровня развитых стран; сокращении имущественной дифференциации; развитии среднего класса как опоры социальной стабильности, формировании гражданского общества, правового государства, гарантирующего защиту прав и свобод человека. Социальная политика, опирающаяся на солидарность нации, общность интересов социальных сил, может стать основой сильного социального государства.

Краткое содержание раздела

Понятие пространства – одно из наиболее фундаментальных в человеческом мышлении. Установилось понимание его, во-первых, в единстве с категорией времени, как хронотоп, пространственно-временной континуум, во-вторых, как охватывающую и включающую людей социальную реальность. Как через коммуникативное пространство, так и непосредственно, социальное пространство связано с информационным. В информационном пространстве происходят процессы, имеющие определяющее значение для развития цивилизации: формируются и циркулируют научные представления, продуцируются и распространяются технологии, фиксируются поведенческие стандарты. Коммуникативное пространство предстает в спектре характеристик потребности в коммуникации, стиля и среды общения.

Социальное государство многие интерпретируют как аналог американского вэлфэра, а понимание пространства социальной политики как системы мер помощи социально слабым группам, неимущим доминирует по сей день. В широком контексте социальная политика может рассматриваться как стратегическая интеграция механизмов, посредством которых исполнительная власть влияет на жизнь населения, способствует социальному равновесию и стабильности. В узком смысле социальная политика рассматривается в тактическом контексте социального администрирования и относится к институту, комплексу мер, предоставляемых социальным государством населению в аспектах занятости и социальной защиты, здравоохранения, образования.

---

²⁷ О. Бойко. Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России // Мир России, т. X!! . 2003, №1. С.88

Контрольные вопросы

1. Дайте определение социального пространства. Каких авторов вы придерживаетесь?
2. В чем суть инвайронментализма и каковы ограничения этого подхода?
3. Назовите основные приложения для категории социального пространства
4. Что такое пространство риска?
5. Дайте определение информационного пространства
6. Соотношение понятий жизненное и социальное пространство
7. Пространство и телесность
8. Что такое социальный риск проекта, его социальная и экологическая совместимость
9. Дайте определение группы риска
10. Что такое социальная ответственность в бизнесе и предпринимательстве.
11. Концепции социальной политики
12. Что такое пространство социальной политики
13. Концепция социальной политики О.Шкаратана
14. Пространство социальных проблем

Основная литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. Academia. 1999.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995
3. О. Бойко. Сомнение или надежда: зарубежные образы социальной политики России // Мир России, т. XII. 2003, №1.
4. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos. 1994.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990
6. Печенкин В.В. Информационное пространство. Саратов, СГУ. 2001
7. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
8. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. М. 1997
9. Россия: Трансформирующееся общество. Под ред. Проф. В.А.Ядова. М.: ИС РАН, 2002
10. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. Под ред. Ярской-Смирновой Е.Р. и П.В.Романова. М., 2002
11. Филиппов А. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995 N1. - С.56, 59

12. Филиппов. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия6 трансформирующееся общество. Под ред проф. В.А.Ядова. Ин-т социологии РАН. М. 2002. С. 45-63
13. Шкаратан О.И. Декларируемая и реальная социальная политика // Мир России. 2001. №2
14. Шкаратан О.И. Социальная политика в контексте постсоветской экономики (федеральный и региональный срезы) // Мир России. 1998. №1-2. С. 5-30
15. Яковлев Л.С. Инвайронментальные механизмы социализации: структуризация жизненных пространств / Под ред. В.Н.Ярской. - Саратов: Изд-во СГУ, 1997. 296 с.
16. Ярская В.Н. Пространство социальной политики // Актуальные проблемы управления и социальной политики. Саратов. Изд. Саратов. Гос. торгово-промышл.палаты. 2002. С. 3-23
17. Ярская В.Н. Глобализация социального пространства // Интеграционные процессы в современном обществе. Саратов: СГТУ, 2003. С.4-11.